

Алтайский юридический вестник

Научный журнал Барнаульского юридического института МВД России

№ 1 (29) 2020

Главный редактор:

Анохин Ю.В., д-р юрид. наук, доцент

Зам. главного редактора:

Плаксина Т.А., д-р юрид. наук, доцент

Ответственный за выпуск:

Авдюшкин Е.Г.

Состав редакционного совета:

Абызов Р.М., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Анисимов П.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Аничкин Е.С., д-р юрид. наук, профессор
Арыстанбеков М.А., д-р юрид. наук, доцент
Афанасьев В.С., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Баранов А.М., д-р юрид. наук, профессор
Бекетов О.И., доктор юрид. наук, профессор
Бучакова М.А., доктор юрид. наук, доцент
Васильев А.А., д-р юрид. наук, доцент
Герасименко Ю.В., д-р юрид. наук, профессор, заслуженный юрист РФ
Гончаров И.В., д-р юрид. наук, профессор
Деришев Ю.В., д-р юрид. наук, профессор
Ким Д.В., д-р юрид. наук, профессор
Князьков А.С., д-р юрид. наук, доцент
Кодан С.В., д-р юрид. наук, профессор
Корякин И.П., д-р юрид. наук
Кузьмина И.Д., д-р юрид. наук, доцент
Мазунин Я.М., д-р юрид. наук, профессор
Майле А.Д., канд юрид. наук, доктор права, магистр административных наук
Сиземова О.Б., д-р юрид. наук, профессор
Сумачев А.В., д-р юрид. наук, доцент
Филиппов П.М., д-р юрид. наук, профессор
Харитонов А.Н., д-р юрид. наук, профессор
Чечетин А.Е., д-р юрид. наук, профессор
Шарапов Р.Д., д-р юрид. наук, профессор
Шепель Т.В., д-р юрид. наук, профессор

Состав редакционной коллегии:

Арсенова Н.В., канд. юрид. наук
Баньковский А.Е., канд. юрид. наук
Белицкий В.Ю., канд. юрид. наук, доцент
Бублик И.Г., канд. юрид. наук, доцент
Кригер А.Е., канд. юрид. наук, доцент
Михалева Д.А., канд. юрид. наук, доцент
Овчинникова О.Д., канд. юрид. наук, доцент
Репьев А.Г., канд. юрид. наук, доцент
Семенюк Р.А., канд. юрид. наук, доцент
Тырышкин В.В., канд. юрид. наук
Чесноков А.А., канд. юрид. наук, доцент
Шаганова О.М., канд. юрид. наук
Шебалин А.В., канд. юрид. наук, доцент
Шмидт А.А., канд. юрид. наук, доцент

Ответственный секретарь:

Жолобова Ю.С.

Редактура: О.Н. Татарниковой, Ю.С. Жолобовой

Компьютерная верстка: О.Н. Татарниковой

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Свидетельство
о регистрации СМИ
ПИ № ФС77-57487
от 27.03.2014

Журнал включен в Перечень
рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть
опубликованы основные научные
результаты диссертаций
на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой
степени доктора наук

Включен в систему РИНЦ 23.04.2013
(договор № 245-04/2013)

Подписной индекс
распространителя
по договору подписки
с ОАО «Роспечать» 70801

Учредитель: Барнаульский
юридический институт МВД России.
Свободная цена.

Адрес и телефоны редакции, издателя,
типографии: 656038, Алтайский край, г. Барнаул,
Барнаульский юридический институт
МВД России,
ул. Чкалова, 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
[www.http://vestnik.buimvd.ru](http://vestnik.buimvd.ru)
E-mail: altvest@buimvd.ru

Научно-исследовательский
и редакционно-издательский отдел.

Подписано в печать 21.02.2020.
Выход в свет 28.02.2020.
Заказ № 85. Формат 60x84/8.
Ризографирование.
Усл. п.л. 15,5. Тираж 80 экз.

© Барнаульский юридический
институт МВД России, 2020

Altai Law Journal

Science Journal of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

№ 1 (29) 2020

Editor-in-Chief:

Anokhin Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Deputy Editor-in-Chief:

Plaksina T.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Responsible for Issue:

Avdyushkin Ye.G.

Editorial Advisory Board:

Abyzov R.M., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Anichkin E.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Anisimov P.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Afanasiev V.S., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Arystanbekov M.A., Doctor of Juridical Sciences, professor

Baranov A.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Beketov O.I., Doctor of Juridical Sciences, professor

Buchakova M.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Chechetin A.E., Doctor of Juridical Sciences, professor

Filippov P.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Gerasimenko Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor,
Honored lawyer of Russia

Goncharov I.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Derishev Yu.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kim D.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Kharitonov A.N., Doctor of Juridical Sciences, professor

Knjazkov A.S., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Kodan S.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Koryakin I.P., Doctor of Juridical Sciences

Kuzmina I.D., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Maile A.D., Candidate of Juridical Sciences, Doctor
of Juridical Sciences, Master of Administrative Sciences

Mazunin Ya.M., Doctor of Juridical Sciences, professor

Sizemova O.B., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sumachev A.V., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Sharapov R.D., Doctor of Juridical Sciences, professor

Shepel T.V., Doctor of Juridical Sciences, professor

Vasiliev A.A., Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor

Editorial Review Board:

Arsenova N.V., Candidate of Juridical Sciences

Bankovskij A.E., Candidate of Juridical Sciences

Belitskij V.Yu., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Bublik I.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Repev A.G., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Kriger A.E., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ovchinnikova O.D., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Semenyuk R.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Tirishkin V.V., Candidate of Juridical Sciences

Mikhaleva D.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Chesnokov A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shaganova O.M., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shebalin A.V., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Shmidt A.A., Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Executive Secretary:

Zholobova Yu.S.

Proofreading: O.N. Tatarnikova, Yu.S. Zholobova

Desktop publishing: O.N. Tatarnikova

The journal is registered in Federal Service
for Supervision in the Sphere
of Telecom, Information
Technologies and Mass Communications.

Registration certificate
PI No. FS77-57487 dated
27.03.2014.

The journal is included into the List
of peer-reviewed scientific
journals recommended by Higher
Attestation Commission
for publishing of major results
of dissertations for the degree of Doctor and
Candidate of sciences

Journal indexing:
RINTS contract
No. 245-04/2013 (23.04.2013)

Subscription index in the catalog
of «RosPechat»
Agency Ltd is 70801

Founder: Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia.
Uncontrolled price.

Address of editor, editor's
and printing office: 656038,
Altai territory,
Barnaul, Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia,
Chkalovastr., 49, (3852) 37-92-70, 37-91-49.
www. <http://vestnik.buimvd.ru>.
E-mail: altvest@buimvd.ru

Research-evaluation
and publishing department.

Passed for printing 21.02.2020.

Issue date 28.02.2020.

Order 85. Format 60x84/8.

Conventional printed sheets 15,5.

Issue 80 copies.

© Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia, 2020

Содержание

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

<i>Анохин Ю.В.</i> Предотвращение конфликта интересов как средство противодействия коррупции: теоретико-правовой аспект	7
<i>Кандрина Н.А.</i> основополагающие конституционно-правовые принципы обеспечения права на государственные услуги	11
<i>Коновалова Л.Г.</i> Принцип верховенства права: проблемы обеспечения справедливости законодательных норм	16
<i>Красилова Е.В.</i> Корреляция понятий «защита» и «охрана» в системе обеспечения прав и свобод личности	22

Административное право и административный процесс

<i>Гришаков А.Г.</i> Особенности взаимодействия участкового уполномоченного полиции с народными дружинами в сфере охраны общественного порядка на территории административного участка	27
<i>Заречнев Д.О., Левченко А.А., Федулов Б.А.</i> Особенности правового обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач	32
<i>Прокопенко А.Н.</i> К вопросу о необходимости подтверждения иностранными гражданами знания русского языка	36
<i>Шаклеин С.Н.</i> К вопросу выбора вида и размера (срока) административных наказаний, назначаемых за совершение административных правонарушений в области дорожного движения	41

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

<i>Ефимов И.А., Токарев Д.С., Выгузова Е.В.</i> Оценка орудия преступления при квалификации деяния, содержащего признаки преступления, предусмотренного статьей 168 УК РФ	46
<i>Западнова Ю.А., Воропаев С.А.</i> Актуальные проблемы толкования способа совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ	50
<i>Корнеев С.А.</i> Интенсификация уголовной ответственности в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных	55
<i>Малетина М.А.</i> Роль беспомощного состояния потерпевшего при квалификации склонения к самоубийству	60
<i>Плаксина Т.А.</i> Толкование признаков объективной стороны состава воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования в практике Верховного Суда РФ	64
<i>Слободенюк М.А.</i> О состоянии и тенденциях насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти	70
<i>Тыдыкова Н.В.</i> Проблемы толкования признака «иные тяжкие последствия» при квалификации насильственных половых преступлений	74

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

<i>Гаас Н.Н.</i> Право заявителя на ознакомление с материалами проверки по сообщению о преступлении: вопросы законодательного регулирования	79
<i>Давыдов С.И., Моляров Е.А.</i> Об использовании результатов оперативно-разыскного мероприятия «Отождествление личности» в уголовном судопроизводстве	84
<i>Ильин Н.Н.</i> Ситуационные задачи транспортно-технических судебных экспертиз	90
<i>Мангасаров Р.А.</i> Современное состояние борьбы с хищениями бюджетных денежных средств	95
<i>Мосина С.В., Кокорин Д.Л.</i> Тактические особенности производства некоторых следственных действий при расследовании преступлений, совершаемых при подготовке и проведении спортивных соревнований	100

<i>Черепанова Л.В.</i> Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления: понятие, содержание	104
--	-----

Гражданско-правовые отношения

<i>Еремич О.Н.</i> О роли юридического уведомления в механизме частноправового регулирования	110
<i>Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б.</i> О концепции защиты прав потребителей цифровых финансовых услуг	114
<i>Жмаева Е.С.</i> Индивидуализация будущей вещи как предмета договора.....	120

CONTENTS

STATE AND LEGAL REGULATION OF PUBLIC RELATIONS

<i>Anokhin Yu.V.</i> Prevention of Conflicts of Interest as a Means of Countering Corruption: Theoretical and Legal Aspect.....	7
<i>Kandrina N.A.</i> Constitutional and Legal Principles for Ensuring the Right to Public Services.....	11
<i>Konovalova L.G.</i> Principle of the Rule of Law: Problems of Ensuring Justice of Legislative Norms	16
<i>Krasilova E.V.</i> Correlation of the Concepts of «Protection» and «Defense» in the System of Ensuring Rights and Freedoms of Personality	22

ADMINISTRATIVE LAW AND ADMINISTRATIVE PROCESS

<i>Grishakov A.G.</i> Specific Aspects of Cooperation of the District Police Officer with People's Guards in the Sphere of Public Order in the Territory of the Administrative District	27
<i>Zarechnev D.O., Levchenko A.A., Fedulov B.A.</i> Features of Legal Support for the Personal Safety of Employees Police when Performing Combat Missions	32
<i>Prokopenko A.N.</i> Revisiting the Need of Confirmation the Russian Language Skills by Foreign Citizens	36
<i>Shaklein S.N.</i> Revisiting the Choice of Type and Size (Period) of Administrative Punishments Imposed for Administrative Offenses in Road Traffic	41

CRIMINAL LAW, CRIMINOLOGY, PENAL LAW

<i>Efimov I.A., Tokarev D.S., Vygzova E.V.</i> Assessment of Crime Instrument in Qualification of the Act Containing Elements of Crime under the Article 168 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	46
<i>Zapadnova Ju.A., Voropaev S.A.</i> Topical Problems of Interpretation Modus Operandi under Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation.....	50
<i>Korneev S.A.</i> Intensification of Criminal Liability in Respect of Suspects, Accused and Convicted Persons	55
<i>Maletina M.A.</i> The Role of Helpless State of the Victim in the Qualification of the Incitement to Suicide	60
<i>Plaksina T.A.</i> Interpretation of the Signs of the Objective Side of Obstruction of Justice and Preliminary Investigation in the Practice of the Supreme Court of the Russian Federation	64
<i>Slobodenyuk M.A.</i> About the Condition and Tendency of the Violent Crimes Committed by Minors and Youth on National Hatred Grounds.....	70
<i>Tydykova N.V.</i> Problems of Interpretation of the Sign «Other Grave Consequences» under Qualification of Violent Sexual Crimes	74

CRIMINAL PROCEDURE, CRIMINALISTICS, FORENSICS ENQUIRY, INVESTIGATIVE ACTIVITY

<i>Gaas N.N.</i> The Right of the Applicant to Familiarize Himself with the Materials of the Verification of the Crime Report: Issues of Legislative Regulation.....	79
<i>Davidov S.I., Moliarov E.A.</i> On the Use of the Results of the Operational-Search Measure «the Identification of Persons» in Criminal Proceedings.....	84
<i>Ilyin N.N.</i> Situational Tasks of Transport and Technical Forensic Examinations.....	90
<i>Mangasarov R.A.</i> Current State of Combating Embezzlement of Public Funds.....	95
<i>Mosina S.V., Kokorin D.L.</i> Tactical Features of Investigative Proceedings at Investigation of the Crimes Committed by Preparation and Running Sports Events	100
<i>Cherepanova L.V.</i> Circumstances that Contributed to the Commission of the Crime: Concept, Content	104

CIVIL LEGAL RELATIONS

<i>Eremich O.N.</i> On the Role of Legal Notice in the Mechanism of Private Law Regulation	110
<i>Efimova L.G., Sizemova O.B.</i> On the Concept of the Protection of the Rights of Consumers of Digital Financial Services	114
<i>Zhmaeva E.S.</i> Individualization of the Future Thing as the Subject Matter of the Contract.....	120

Государственно-правовое регулирование общественных отношений

УДК 34.01

Ю.В. Анохин, доктор юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: anohinuv@buimvd.ru

ПРЕДОТВРАЩЕНИЕ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ КАК СРЕДСТВО ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КОРРУПЦИИ: ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ

В современном мире проблема противодействия коррупции остается острой, а научное исследование противодействия ей важным и актуальным. Одним из направлений противодействия коррупции является предотвращение конфликта интересов. Сегодня на основе международных положений в Российской Федерации создана система нормативного правового регулирования, направленного на борьбу с коррупцией. Выработан законодательно закрепленный понятийный аппарат конфликта интересов. Проблема острая, дискуссионная и требует взвешенного, продуманного подхода к ее разрешению. Очевидно, что одних только мер наказания за коррупционные правонарушения недостаточно для ее искоренения. Необходимы понимание и активная позиция всего общества в противодействии этому социальному явлению.

Ключевые слова: конфликт интересов, коррупция, антикоррупционное законодательство, противодействие коррупции.

Yu. V. Anokhin, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: anohinuv@buimvd.ru

PREVENTION OF CONFLICTS OF INTEREST AS A MEANS OF COUNTERING CORRUPTION: THEORETICAL AND LEGAL ASPECT

The problem of countering corruption remains acute in the modern world, and the scientific study of countering is important and relevant. One of the directions of anti-corruption measures is to prevent conflicts of interest. Today, on the basis of international regulations, the Russian Federation has created a system of normative legal regulation aimed at combating corruption. A legally fixed conceptual framework for conflicts of interest has been developed. The problem is acute, debatable and requires a balanced, well-thought-out approach to its resolution. It is evident that punishing corruption offenses alone is not enough to eliminate it. We need an understanding and active position of the entire society in countering this social phenomenon.

Key words: conflict of interest, corruption, anti-corruption legislation, anti-corruption.

В системе противодействия коррупции в сфере управленческой деятельности государственного аппарата в последнее время особое значение придается понятию «конфликт интересов». Более того, считается, что это одно из важнейших правовых средств противодействия коррупции [2, с. 26-28]. Мы не будем впадать в дискуссию относительно понятийного аппарата категории «конфликт интересов» ввиду того, что в законодательстве это понятие не является новым, оно содержится в различных нормативно-правовых актах.

Организация Объединенных Наций в 2003 г. на пленарном заседании 58-й сессии своей Генеральной Ассамблеи приняла Резолюцию 58/4 [1]. В Российской Федерации в 2010 г. в рамках реализации Конвенции против коррупции была принята «Национальная стратегия противодействия коррупции» [6]. Также на определенные периоды утверждается «Национальный план противодействия коррупции» [7], определяющий комплекс мер по обеспечению государственной антикоррупционной политики России.

Правовое регулирование института конфликта интересов составляет Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [8]. В соответствии с ч. 1 ст. 10 закона под конфликтом интересов понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий).

Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [3] в ч. 1 ст. 19 не раскрывает понятия конфликта интересов на гражданской службе, а отсылает к ч. 1 ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции». Аналогичная правовая конструкция закреплена в ч. 1 ст. 14.1 Федерального закона от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 16.12.2019) «О муниципальной службе в Российской Федерации» [5].

При этом под личной заинтересованностью понимается возможность получения доходов в виде денег, иного имущества, в т.ч. имущественных прав, услуг имущественного характера, результатов выполненных работ или каких-либо выгод (преимуществ), лицом, состоящими с ним в близком родстве или свойстве лицами (родителями, супругами, детьми, братьями, сестрами, а также братьями, сестрами, родителями, детьми супругов и супругами детей), гражданами или организациями, с которыми лица, состоящие с ним в близком родстве или свойстве,

связаны имущественными, корпоративными или иными близкими отношениями.

Не возражая в целом против данного института противодействия коррупции, вместе с тем выскажем свое мнение как по отдельным категориям юридической конструкции данной правовой нормы, так и относительно субъектной стороны состава данного правонарушения.

Что касается юридической конструкции правовой нормы, содержащейся в ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» и иных нормативных правовых актах, мы категорически возражаем против использования нечетких и неконкретных оценочных критериев, как то «или может повлиять», «или может привести к конфликту интересов» [3], «или о возможности возникновения конфликта интересов» [9], которые в данном случае позволил себе законодатель, чем, с нашей точки зрения, подверг сам нормативный акт проверке на предмет соответствия коррупциогенности. Кроме того, состав правонарушения должен быть предельно точен и категоричен и не допускать иносказательных толкований. Обязательные признаки объективной стороны так называемых материальных составов правонарушений – наличие деяния (общественно опасного или вредного), причинная связь, последствия (общественно опасные или вредные) деяния.

Привязка к конфликту интересов введенного понятия «личная заинтересованность» поставила под уничтожение профессиональные династии. Кроме прочего, полагаем, что действие данной нормы не должно распространяться на сферы, связанные с научной, педагогической и творческой деятельностью. И действительно, авторы справедливо отмечают на страницах изданий то, что «особенно тяжел груз ответственности у людей, создающих законодательные тексты, ибо любое неточное слово или выражение может обернуться непоправимой потерей и трагедией» [11, с. 140].

Пагубность таких оборотов негативно сказывается на практике, когда родственникам или супругам создается препятствие прохождения службы в порядке соподчинённости, т.к. возможно что-то, а не сам факт противоправного деяния, о чем мы уже говорили с точки зрения объективной стороны правонарушения.

С нашей точки зрения, эти категории подлежат извлечению из действующего законодательства, т.к. в целом произвольно ограничивают права человека, когда субъектом еще не совершены противоправные деяния и лишь по усмотрению чиновника могут быть совершены. В таком случае, если использовать метод доведения до абсурда, то лицам, ранее осужденным за кражи, нельзя заходить в торговые учреждения, т.к. они могут совершить кражу и т.д. Более абсурдной

будет выглядеть ситуация, при которой родственникам нельзя проходить службу в порядке прямого или непосредственного подчинения, тогда получается, что дети и родственники руководителей государства вообще не могут работать в России. Явный абсурд. Полагаем, что внимание должно быть сосредоточено на другом аспекте. Сегодня дети высших чинов государства проживают и обучаются за рубежом, что составляет не только повышенную коррупциогенность, но и прямую угрозу национальной безопасности страны, т.к. они являются, а не только могут являться субъектами самых разных провокационных действий.

В целом же следует признать, что попытки нормативного ограничения прав граждан на свободу выбора своей деятельности под предлогом конфликта интересов и личной заинтересованности не соответствуют духу демократического и правового характера нашего государства.

Таким образом, считаем, что проблема конфликта интересов через личную заинтересованность для современного российского общества надумана, не имеет четкого научного обоснования, отсутствует законодательная ее проработка с опорой на практические результаты правоохранительных органов.

Но необходимо учитывать, что определение конфликта интересов имеет как общеправовое значение, так и межотраслевое понимание. С нашей точки зрения, более юридически грамотные и четкие конструкции правовых норм содержатся в ряде отраслевых законодательств. В частности, в соответствии с ч. 1 ст. 35 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 111-ФЗ (ред. от 03.08.2018) «Об инвестировании средств для финансирования накопительной части трудовой пенсии в Российской Федерации» [10] под конфликтом интересов понимается наличие в распоряжении должностных лиц, служащих Центрального банка Российской Федерации и их близких родственников прав, предоставляющих возможность получения указанными лицами лично или через юридического либо фактического представителя материальной и личной выгоды в результате использования ими служебных полномочий в части инвестирования средств пенсионных накоплений или информации об инвестировании средств пенсионных накоплений, ставшей им известной или имеющейся в их распоряжении в связи с осуществлением должностными лицами и служащими Центрального банка Российской Федерации профессиональной деятельности, связанной с формированием и инвестированием средств пенсионных накоплений.

Согласно Федеральному закону от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [4] под конфликтом интересов понимаются случаи, при которых руководитель

заказчика, член комиссии по осуществлению закупок, руководитель контрактной службы заказчика, контрактный управляющий состоят в браке с физическими лицами, являющимися выгодоприобретателями, единоличным исполнительным органом хозяйственного общества (директором, генеральным директором, управляющим, президентом и др.), членами коллегиального исполнительного органа хозяйственного общества, руководителем (директором, генеральным директором) учреждения или унитарного предприятия либо иных органов управления юридических лиц – участников закупки, с физическими лицами, в т.ч. зарегистрированными в качестве индивидуального предпринимателя, – участниками закупки либо являются близкими родственниками (родственниками по прямой восходящей и нисходящей линии (родителями и детьми, дедушкой, бабушкой и внуками), полнородными и неполнородными (имеющими общих отца или мать) братьями и сестрами), усыновителями или усыновленными указанных физических лиц. Под выгодоприобретателями для целей настоящей статьи понимаются физические лица, владеющие напрямую или косвенно (через юридическое лицо или через несколько юридических лиц) более чем десятью процентами голосующих акций хозяйственного общества либо долей, превышающей десять процентов в уставном капитале хозяйственного общества.

В целом говоря о противодействии коррупции посредством актуализации проблемы конфликта интересов, следует отметить главное – запреты и ограничения вряд ли способны сыграть решающую роль. С нашей точки зрения, напротив, они способны породить недоверие к государственной власти. В основе всего комплекса противодействия коррупции должна быть солидарная убежденность граждан и всего общества в том, что предпринимаемые меры действительно будут способствовать реализации правомочий в рамках правового поля и не позволят использование публичным лицом своего статуса в целях личной заинтересованности. Только открытость, гласность могут заслужить доверие власти у населения. Именно высокие моральные качества руководителя или специалиста должны выступать одним из основных критериев оценки их деловых качеств. Сегодня практика полна примеров, когда чиновники с высоким положением, но с низкими морально-этическими устоями совершают коррупционные правонарушения и при этом не получают осуждения в обществе – это уже страшный диагноз заболевания этого общества – равнодушие. И в обществе складывается убежденность, что все вопросы можно решать только посредством связей и коррупционных систем. В этой связи нужно заметить, что многочисленные социологические опросы показывают, что коррупция не воспринимается однозначно как аморальное поведение.

При этом определенная часть общества полагает, что коррупция – необходимая часть нашей жизни и посредством коррупции легче решать вопросы. Совершенно справедливо по данному поводу отмечает Г.А. Трофимова: «Коррупциогенный фактор возникает в том случае, когда качественные характеристики претендента на получение соответствующего блага заменяются деньгами или их имущественным эквивалентом, например, работой, услугой, покровительством или попустительством по службе» [12].

Чтобы этого не было, каждый случай совершения противоправного коррупционного правонарушения должен получать осуждающую оценку в обществе. Должна быть достигнута открытость и прозрачность в получении гражданами услуг (как например, через портал «Госуслуги»), тогда автоматически отпадает потребность обращаться к чиновнику за протекцией, т.е. нет необходимости в их посреднической функции, способствующей осуществлению коррупционных сделок.

Литература

1. Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции: принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН // Бюллетень международных договоров. 2006. № 10. С. 7-54.
2. Ноздрачев А.Ф. Конфликт интересов: новое «универсальное» нормативное правовое определение понятия в законодательстве о противодействии коррупции // Административное право и процесс. 2016. № 6. С. 26-38.
3. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2019).
4. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд: федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 27.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 28.12.2019).
5. О муниципальной службе в Российской Федерации: федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2019).
6. О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010-2011 годы // Собрание законодательства РФ. 2010. № 16. Ст. 1875.
7. О Национальном плане противодействия коррупции на 2018-2020 годы. URL: <http://www.pravo.gov.ru>, 30.06.2018.
8. О противодействии коррупции: федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 16.12.2019). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 16.12.2019).
9. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 03.07.2016; с изм. и доп., вступ. в силу с 15.07.2016) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 04.07.2016).
10. Об инвестировании средств для финансирования накопительной пенсии в Российской Федерации: федеральный закон от 24.07.2002 № 111-ФЗ (ред. от 03.08.2018). URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 30.07.2018).
11. Сальников В.П., Степашин С.В., Хабибулина Н.И. Государственная идеология и язык закона. СПб.: Фонд «Университет», 2001.
12. Трофимова Г.А. Коррупциогенный фактор в России // Российская юстиция. 2014. № 11.

УДК 342.7

Н.А. Кандрина, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: nadezhda.candrina @yandex.ru

ОСНОВОПОЛАГАЮЩИЕ КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ПРИНЦИПЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВА НА ГОСУДАРСТВЕННЫЕ УСЛУГИ

В статье рассматриваются вопросы обеспечения субъективного публичного права личности на государственные услуги на основе основополагающих конституционных принципов признания человека, его прав и свобод высшей ценностью демократического, правового, республиканского, федеративного и социального государства. В связи с тем, что понятие «право на государственные услуги» не имеет пока легального закрепления в законодательстве, да и достаточно широкого распространения в литературе, дается его авторское определение; обозначается место и значение в системе основных прав и свобод человека и гражданина как специальная гарантия их реализации. Раскрывая содержание основополагающих конституционных принципов, являющихся, по своей сути, и нормами-принципами, и нормами-целями и закладывающих основную цель современного государства – обеспечение основных прав и свобод личности, показываются обусловленность деятельности и обязанности органов публичной власти по обеспечению права личности на государственные услуги и дальнейшее их развитие в отраслевом законодательстве.

Ключевые слова: конституционные принципы, право на государственные услуги, обеспечение права личности, государственные услуги, предоставление государственных услуг, органы публичной власти.

N.A. Kandrina, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Altai State University
E-mail: nadezhda.candrina @yandex.ru

CONSTITUTIONAL AND LEGAL PRINCIPLES FOR ENSURING THE RIGHT TO PUBLIC SERVICES

The article considers the issues of ensuring the subjective public right of an individual to public services on the basis of fundamental constitutional principles for recognizing a person, his or her rights and freedoms as the highest value, a democratic, legal, republican, federal and social state. Due to the fact that the concept of the right to public services is not yet legally enshrined in the legislation, and indeed quite widespread in the literature, its authors definition is given; the place and significance in the system of fundamental rights and freedoms of a man and a citizen are designated as a special guarantee of their implementation. Revealing the content of fundamental constitutional principles which are inherently norms - principles and norms – goals, and laying the main goal of a modern state – ensuring the fundamental rights and freedoms of an individual, the conditionality of the activities and responsibilities of public authorities are shown to ensure the individual's right to public services and further their development in industry legislation.

Key words: constitutional principles, the right to public services, ensuring the right of an individual, public services, the provision of public services, public authorities.

В условиях становления современной российской государственности государственные органы не только осуществляют юрисдикционную деятельность, связанную с контролем и надзором, но и деятельность по предоставлению государственных услуг. В российском законодательстве [10], да и в юридической литературе [3, с. 7; 8, с. 8] отношения по предоставлению органами публичной власти государственных услуг населению рассматриваются преимущественно с позиции лишь внешнего, управленческого подхода. При этом имеется ряд научных исследований, рассматривающих сущность упомянутых общественных отношений, их обусловленность функциями и задачами государства [7, с. 45-48] как конституционно-правовое отношение государства и личности [4, с. 38-41], а также в качестве субъективного публичного права на предоставление публичных услуг [21, с. 116-128].

Думается, что отношения по предоставлению государственных услуг органами публичной власти демонстрируют, по сути, право на государственные услуги как субъективное публичное право личности. В общем виде право на государственные услуги определяем как закрепленную в законодательстве возможность личности обратиться в орган публичной власти или уполномоченную законом организацию с запросом о предоставлении государственных услуг в целях обеспечения его основных прав и свобод. Рассматривая структуру упомянутого субъективного публичного права, мы выделяем наряду с иными правомочиями правомочия-гарантии как сущность самого права на государственные услуги, т.е. его назначение в механизме обеспечения прав и свобод личности. Следовательно, право на государственные услуги занимает важное место в системе основных прав человека и гражданина; оно связано с реализацией жизненно важных потребностей, а поэтому является необходимым для жизнеобеспечения во всех сферах взаимодействия с государством. При этом интерес частного лица – конкретного физического либо юридического лица – на получение соответствующей государственной услуги является частью общего общественного интереса всего населения. Собственно, это и обуславливает в целях обеспечения закрепленных в Конституции РФ положений о человеке, его правах и свободах как высшей ценности обязанности органов публичной власти обеспечивать право личности на государственные услуги.

Как известно, в Конституции РФ и иных нормативных правовых актах РФ отсутствует легитимное закрепление права на государственные услуги. Более того, в конституционных положениях услуги в общем виде рассматриваются лишь как экономическая, а не публично-правовая категория [6]. Обозначенные обстоятельства, на наш взгляд, несколько сдерживают

становление института права на государственные услуги как субъективного публичного права личности.

Правовой механизм обеспечения любого субъективного публичного права включает наряду с иными элементами правовые принципы. Применительно к нашему случаю обеспечение права на государственные услуги основывается на конституционно-правовых принципах, которым принадлежит основополагающая роль среди правовых норм, регулирующих всю систему упомянутого механизма.

В доктрине российского конституционного права категория «конституционные принципы» порой подменяется категорией «основы конституционного строя» как системы основ политических, социально-экономических и духовных [1, с. 98-153; 5, с. 102-156]. Однако в последнее время все чаще понятие основ конституционного строя раскрывается посредством основополагающих конституционных принципов.

В системе конституционных принципов выделяют основополагающие и иные конституционные принципы. Основополагающие конституционные принципы принято определять в качестве исходных положений конституции, интегрирующих в себе содержание нормативного правового регулирования определенного круга общественных отношений, возникающих в процессе установления статуса личности в обществе и государстве, порядка организации общества и государства в их взаимодействии [9, с. 131].

Соответственно, фундаментальные основы обеспечения права на государственные услуги заложены такими основополагающими конституционными принципами, как принцип провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью; принципы демократического, правового, республиканского, социального государства. Они закреплены в главе 1 «Основы конституционного строя»; соответственно, «никакие другие положения настоящей Конституции не могут противоречить основам конституционного строя Российской Федерации» [6]. Тем самым, будучи нормой-принципом, основополагающие конституционные принципы являются обязательными и неизблемыми для всех субъектов права. Наряду с этим, как известно, основополагающие конституционные принципы являются и нормами-целями. В частности, можно сказать, что при обеспечении права на государственные услуги каждый из основополагающих конституционных принципов направляет всех участников соответствующих правоотношений на достижение четко определенных целей. Например, принцип провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью ориентирует на создание таких условий функционирования общества, государства и его органов, при которых человек, его права и свободы являются их «самоцелью» [2, с. 123-124].

Из содержания основополагающего конституционного принципа провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью следует, что все органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления и иные элементы государственного механизма служат основной цели – обеспечению прав и свобод человека и гражданина. Конституция РФ и в соответствии с её положениями федеральное законодательство и законодательство субъектов РФ закрепляют компетенцию органов государства – Президента РФ, Федерального Собрания РФ, Правительства РФ, Конституционного Суда РФ, Верховного Суда РФ, Прокуратуры РФ, Уполномоченного по правам человека РФ, других федеральных органов и государственных органов субъектов РФ и органов местного самоуправления. В современных условиях модернизации государственного управления формы и методы деятельности государственных органов свидетельствуют о том, что отношения в связи с предоставлением органами публичной власти государственных услуг населению активно проникают в механизм обеспечения основных конституционных прав и свобод личности. К примеру, Федеральным Собранием РФ принимаются как специальные федеральные законы [10], так и соответствующие нормы в гражданском, бюджетном, налоговом и иных законодательствах, касающиеся публично-правовой характеристики государственных услуг. Президентом РФ в числе приоритетных направлений совершенствования государственного управления определен курс, направленный на создание эффективной системы предоставления органами публичной власти государственных и муниципальных услуг населению [11]. Конституционный Суд РФ, в частности, рассматривая конституционность некоторых положений договора возмездного оказания услуг, установил, например, что казуальное истолкование и применение законоположений в связи с оказанием услуг должно осуществляться в общей системе конституционно-правового и гражданско-правового регулирования с соблюдением основ публичного правопорядка [13, 14, 15]. Конституционным Судом РФ определено также, что в целях становления социального государства право на предоставление государственной социальной помощи нуждающимся гражданам реализуется путем предоставления социальных услуг [16, 17, 18]. Существуют и иные примеры государственно-публичной деятельности, когда обеспечение на основе основополагающих конституционных принципов фактического права личности на государственные услуги судами, органами прокуратуры, Уполномоченным по правам человека и иными органами публичной власти направлено на реализацию основных прав и свобод человека и гражданина.

Реализуя основополагающий конституционный принцип провозглашения человека, его прав и свобод высшей ценностью, государство в том числе определяет и создает доступные условия для обеспечения права личности на государственные услуги. Например, для получения государственных услуг можно обратиться с запросом непосредственно в орган публичной власти, уполномоченный на предоставление соответствующей государственной услуги, либо в многофункциональный центр предоставления государственных и муниципальных услуг либо подать электронный запрос через Единый государственный портал государственных и муниципальных услуг [10].

Обеспечение права на государственные услуги на основе другого основополагающего конституционного принципа – принципа демократического государства – означает следующее. Во-первых, народ как носитель суверенитета и единственный источник власти осуществляет власть, в т.ч. через государственные органы и органы местного самоуправления, которые должны находиться в услужении народу; соответственно, эта власть имеет единственную цель – благо народа. И следовательно, во-вторых, право на эти блага, т.е. товары и услуги, на всё то, что удовлетворяет потребности людей и является полезным для всех людей, имеет человек и гражданин; и это фактическое право на государственные услуги должно обеспечиваться, соответственно, государством. В рамках принципа демократического государства допустимы, наряду с ограничениями основных прав личности, устанавливаемых конституционными положениями и нормами федеральных законов [6], и ограничения права личности на государственные услуги.

Основополагающий конституционный принцип правового государства в обеспечении права на государственные услуги предполагает направленность деятельности государства и его органов на установление приоритета и гарантированности этого права человека и гражданина. Эти обстоятельства, проявляющиеся посредством реализации конституционных положений, прежде всего установленных в статьях 10 и 15 Конституции РФ, закрепляются в специальном Федеральном законе от 27 июля 2010 г. «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» и иных федеральных законах, законах субъектов РФ, подзаконных нормативных правовых актах РФ и субъектов РФ. Законодательством определены виды государственных услуг, право на предоставление которых принадлежит физическим и юридическим лицам; установлены правомочия услугополучателей; закреплены обязанности органов публичной власти по предоставлению государственных услуг; определены порядок предоставления государственных услуг, а также порядок

обжалования неправомерных действий (бездействия) обязанных лиц в связи с предоставлением государственных услуг и др.

Система основополагающих конституционных принципов, закладывающих первооснову в обеспечение государством и его органами права личности на государственные услуги, включает также принципы республиканского и федеративного государства. Содержание упомянутых принципов связано с закреплением в Конституции РФ определенной организации систем органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов Федерации [6]; их дальнейшего воплощения в нормативных правовых актах РФ и субъектов РФ по регулированию предметов ведения и полномочий федеральных органов государственной власти и органов государственной власти субъектов Федерации в связи с предоставлением государственных услуг населению. Конституционные положения о единстве системы исполнительной власти в РФ в пределах ведения РФ и полномочий РФ по предметам совместного ведения РФ и субъектов РФ, состоящей из федеральных органов исполнительной власти и органов исполнительной власти субъектов РФ; иные конституционные нормы об особенностях органов исполнительной власти находят свое дальнейшее развитие в закреплении в отраслевом законодательстве статуса исполнительного органа государственной власти как основного органа публичной власти, наделенного государственными полномочиями по предоставлению государственных услуг населению. В соответствии с конституционным разграничением предмета ведения и полномочий между органами государственной власти РФ и субъектов РФ предоставление государственных услуг осуществляется соответственно на всей территории федеральными органами исполнительной власти, в субъектах Федерации – органами исполнительной власти субъектов РФ, органами местного самоуправления, наделенными отдельными переданными государственными полномочиями, и иными уполномоченными организациями.

Основополагающий конституционный принцип социального государства, как и все другие конституционные принципы, очень тесно связан с ключевым основополагающим принципом признания человека, его прав и свобод высшей ценностью. Провозглашение Российской Федерации социальным государством означает, что его политика направлена на соз-

дание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека [6]. Государство несет на себе обязанности обеспечивать основные личные, экономические и социальные права [6]. Вместе с тем принцип социального государства с точки зрения доктринального видения не ассоциируется лишь с социальной функцией государства, а в обязательном порядке предполагает и социальную ответственность самой личности в овладении соответствующими духовными и материальными благами [12, с. 22; 19, с. 31-32; 20, с. 18-20].

Содержание упомянутого основополагающего конституционного принципа обуславливает в том числе особенности обеспечения государством и его органами соответствующих основных конституционных прав человека и гражданина посредством реализации права личности на государственные услуги. Необходимо отметить, что государственная деятельность в этой сфере осуществляется путем предоставления различных государственных социальных услуг всему населению, а также определенным категориям граждан. Эта деятельность в области образования, здравоохранения, социальной защиты населения и в других областях, установленных нормативными правовыми актами РФ и субъектов РФ, осуществляется безвозмездно или по регулируемым ценам преимущественно федеральными органами исполнительной власти, органами исполнительной власти субъектов РФ и иными уполномоченными организациями.

Проявлением основополагающего конституционного принципа социального государства можно считать также образование флагманских центров в системе МФЦ, использование сервиса «услуги по жизненным обстоятельствам», создание комфортной среды для обращения и предоставления государственных услуг, транспортную доступность и различного рода удобства для всех категорий населения, включая лиц с ограниченными возможностями здоровья и т.п.

Таким образом, обеспечение субъективного публичного права личности на государственные услуги заложено основополагающими конституционными принципами приоритета человека, его прав и свобод как высшей ценности, демократического, правового, республиканского, федеративного, социального государства и дальнейшим развитием их положений в отраслевом законодательстве.

Литература

1. Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник для вузов. 8-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2009.
2. Бутусова Н.В. Социальное назначение Конституции // Конституция как символ эпохи: в 2 т. / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2004. Т. 1. С. 123-124.
3. Исаков А.Р. Обеспечение качества государственных услуг: административно-правовой аспект: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2014.

4. Кандрина Н.А. Предоставление государственных услуг населению как конституционно-правовое отношение // Конституционное и муниципальное право. 2016. № 11. С. 38-41.
5. Козлова Е.И., Кутафин О.Е. Конституционное право России: учебник. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2014.
6. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12.12.1993 // Собрание законодательства РФ. 2014. № 31. Ст. 4398.
7. Крусс В.И. Публичные услуги в контексте российской конституционализации // Конституционное и муниципальное право. 2014. № 5. С. 45-48.
8. Кулдыбаева И.У. Правовое регулирование предоставления электронных государственных услуг: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Челябинск, 2014.
9. Невинский В.В. Конституционные принципы и статус личности в России // Личность и государство в современной России: правовые аспекты: мат-лы научно-практ. семинара (Барнаул, 6 декабря 2005 г.) / под ред. В.В. Невинского. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2006. С. 131.
10. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ (ред. от 01.04.2019). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления: Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2338.
12. Осейчук В.И. Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009.
13. По делу о проверке конституционности положений пункта 1 статьи 779 и пункта 1 статьи 781 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобами общества с ограниченной ответственностью «Агентство корпоративной безопасности» и гражданина В.В. Макеева [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 23.01.2007 № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
14. По делу о проверке конституционности правоприменительной практики ограничения времени оплаты вынужденного прогула при незаконном увольнении, сложившейся на основе применения законодательства о труде и постановлений Пленумов Верховного Суда СССР, Верховного Суда Российской Федерации, регулирующих данные вопросы [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 27.01.1993 № 1-П. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».
15. По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 84 Федерального закона «Об акционерных обществах» в связи с жалобой открытого акционерного общества «Приаргунское» [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 10.04.2003 № 5-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
16. По делу о проверке конституционности пункта 2 части первой статьи 14 и пункта 1 части первой статьи 15 Закона Российской Федерации «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (в ред. Федерального закона от 22 августа 2004 г. № 122-ФЗ) в связи с запросом Курчатовского городского суда Курской области и жалобами граждан А.В. Жестикова и П.У. Мягчило [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 10.11.2009 № 17-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. По жалобе гражданина Шапкина Александра Михайловича на нарушение его конституционных прав статьями 6.1, 6.2 и 6.7 Федерального закона «О государственной социальной помощи» и статьями 15, 16, 151, 1064, 1069 и 1071 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 03.04.2014 № 686-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. По запросу Центрального районного суда города Кемерово о проверке конституционности части 2 статьи 6.3 Федерального закона «О государственной социальной помощи» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 11.05.2012 № 817-О. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».
19. Постников В.Г. Становление социального государства, его конституционно-правовые и политические характеристики // Журнал российского права. 2005. № 1. С. 31-32.
20. Родионова О.В. Социальная функция современного государства: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2007.
21. Харинов И.Н. Субъективное право на получение публичных услуг: правовая природа и проблемы защиты // Российский юридический журнал. 2017. № 5. С. 116-128.

УДК 34.03

Л.Г. Коновалова, канд. юрид. наук, доцент

Алтайский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

E-mail: vaskova82@yandex.ru

ПРИНЦИП ВЕРХОВЕНСТВА ПРАВА: ПРОБЛЕМЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫХ НОРМ

В статье рассматривается содержательная составляющая принципа верховенства права, которая предполагает, что закон должен быть правовым, т.е. справедливым, правильным, объективно необходимым. В связи с этим анализируются трудности понимания справедливости закона, обусловленные историческим развитием, национальными представлениями и принадлежностью к той или иной правовой семье. Рассматриваются особенности восприятия верховенства права в англосаксонской, романо-германской и восточно-европейской традициях, а также в международно-правовом понимании. Затрагивается вопрос использования в качестве критерия справедливости немецкой «формулы Г. Радбруха». В статье уделяется внимание проблеме эффективности правового регулирования, в т.ч. с использованием наработок представителей нового зарубежного направления исследований в этой сфере – легиспруденции. Делается вывод о том, что в качестве ориентиров в оценке справедливости закона выступают реализация прав человека, разделение властей, эффективность права и его стабильность, создание механизмов, предотвращающих злоупотребление властью. Однако подчеркивается относительность понятия «справедливость закона».

Ключевые слова: верховенство права, закон, эффективность правового регулирования, правовая система.

L.G. Konovalova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
the Russian Academy of National Economy and Public Administration under
the President of the Russian Federation, Altai branch
E-mail: vaskova82@yandex.ru

PRINCIPLE OF THE RULE OF LAW: PROBLEMS OF ENSURING JUSTICE OF LEGISLATIVE NORMS

The article discusses the substantive component of the rule of law principle, which suggests that the law should be legal, that is, fair, correct, objectively necessary. In this regard, the difficulties of understanding the validity of the law due to historical development, national perceptions and belonging to a particular legal family are analyzed. The features of the perception of the rule of law in the Anglo-Saxon, Romano-Germanic and East European traditions, as well as in the international legal understanding, are examined. It raises the question of using the German «G. Radbruch formula» as a criterion of justice. The article pays attention to the problem of the effectiveness of legal regulation, including using the experience of representatives of a new foreign direction of research in this area - legal investigation. It is concluded that the implementation of human rights, the separation of powers, the effectiveness of law and its stability, and the creation of mechanisms to prevent the abuse of power act as guidelines in assessing the fairness of the law. However, the relativity of the concept of «justice of the law» is emphasized.

Key words: rule of law, law, effectiveness of legal regulation, legal system.

Принцип верховенства права является одним из основополагающих принципов современной государственности и фундаментальным ориентиром международного права. Он предполагает обязательное следование законам как нормативным правовым актам, принимаемым парламентом (или в результате прямого волеизъявления народа) по наиболее важным вопросам жизнедеятельности общества и государства, а также обладает приоритетом над всеми подзаконными актами. При этом предполагается, что закон должен быть правовым, т.е. справедливым, правильным, объективно необходимым [27, с. 301]. Поэтому зачастую принцип верховенства права именуется принципом верховенства правового закона. В этой связи председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин задается вопросом: над чем должно проявляться верховенство права? И отвечает: над произволом, и ссылается на известный тезис Ш.Л. Монтескье о том, что нет более жесткой тирании, чем та, которая прикрывается законами и видимостью правосудия [6, с. 117].

Эта идеальная модель при видимой простоте сложна в практической реализации. Дело в том, что, во-первых, в современном государстве в условиях расширения и усложнения сфер правового регулирования, обширного правотворчества органов исполнительной власти и признания феномена судебного правотворчества различия между законом и подзаконным актом, «первичным» и «вторичным» законодателем, нормативным правовым актом и актом толкования права все менее очевидны [29, с. 30]. На практике это дает почву для различных юридических трактовок и политических манипуляций в конкретных жизненных ситуациях. Но все же правовое закрепление и стремление к реализации принципа верховенства закона различными участниками правоотношений позволяет государствам развиваться в более справедливом, гуманистическом направлении.

Во-вторых, очень сложна в восприятии и юридическом установлении грань между законом и правом или «справедливым», «правильным» законом и законом несправедливым, «несправедливым». Изначально концепция верховенства права зародилась в недрах европейской цивилизации с надеждой на воплощение в законе разумного и справедливого порядка, пришедшего на смену мифическому, сословному или религиозному оправданию власти и предполагающего возможность неповиновения нормам, не отвечающим требованию справедливости. Однако до настоящего времени универсальные критерии справедливости не выработаны. К примеру, в мусульманском праве все еще можно убивать жену за измену мужу, а за повторное воровство отрубаяют руки [30, с. 34]. Даже в условиях формирующихся неких мировых стандартов прав человека нет единства мнений

по вопросам эвтаназии, абортов, смертной казни, допустимых пределов вторжения в частную жизнь граждан и т.д. В юридической науке нет даже общего понимания самого феномена «право», существует множество подходов к определению права и его соотношения с законом, начиная от юридического позитивизма и заканчивая естественно-правовыми и психологическими концепциями [15, с. 5-10; 14, с. 107].

С XX века стало понятно, что право как универсальный регулятор общественных отношений бездефектно только в идеале [17, с. 15]: право становится все более фрагментированным, субъективным, ориентированным на удобство, а не на мораль, оно не заботится о преемственности, представляет собой не «свод» правил, а все больше «кашу» из сиюминутных решений и противоречащих друг другу норм [9, с. 14] и, вопреки общим представлениям юристов, несет в себе значительную иррациональную составляющую [7, с. 15-217].

К названному еще нужно добавить потенциальную многосмысловую нагрузку законодательных формулировок, а также претензии философов права на легитимацию законов в правосознании граждан [1, с. 6] или даже на непосредственное участие в их принятии. Например, один из известнейших современных политических мыслителей Запада Ю. Хабермас развивает классическую либерально-демократическую идею о том, что закон существует лишь для того человека, который либо участвовал в его создании, либо согласился с ним. Для любого другого человека это уже не закон, а заповедь или приказ [29, с. 129]. Французский мыслитель Ж.-Л. Бертелье и немецкий правовед Г. Радбрух обращают внимание на проблемы выявления смысла закона, т.е. подлинной воли законодателя. Поскольку закон – это продукт коллективного творчества членов парламента, то он почти всегда выражает компромисс и не соответствует чьему-то единоличному замыслу, содержит коллизии и абстрактные формулировки [3, с. 330-337]. Несмотря на требование формальной определенности права, язык, эмоциональное восприятие норм позволяют по-разному толковать легальный текст. Авторы допускают возможность «усмотрения в воле законодателя даже того, чего никогда не было в воле разработчиков закона» [23, с. 128].

В развитие этой мысли следует привести мнение Т. Карозерса о том, что сама теория верховенства права слишком неопределенна, а поэтому порождает широкий простор для различных интерпретаций, базирующихся на идеологии. Например, консерваторы часто воспринимают верховенство закона как гарантию неприкосновенности права собственности, справедливого отношения к иностранным инвесторам, сильной полиции и особого упора на закон и порядок. На левом идеологическом фланге эту кон-

цепцию толкуют с акцентом на равное отношении ко всем, помощь социально незащищенным и расширение возможностей граждан в целом. Для центристов принцип верховенства закона – это некий технологический идеал, обеспечивающий эффективное управление благодаря подотчетности, прозрачности и антикоррупционной установке власти. Исследователь полагает, что даже профессиональная принадлежность и иные субъективные факторы личности могут влиять на трактовку принципа верховенства права. Так, по его мнению, в комплексе правовых преобразований судьбы склонны подчеркивать важность судебной реформы, полицейский чиновник приведет доводы в пользу выделения больших ресурсов для принуждения к исполнению законов, адвокаты выдвинут на первый план потенциально важную роль коллегий адвокатов и т.д. [8, с. 139-151].

В таких условиях с очевидностью становится понятным, что оценивать правовое содержание закона не так-то просто, равно как и непросто определиться с вопросом, а кто, собственно, должен оценивать правомерность и справедливость закона. Трудно не согласиться с В.Е. Чиркиным в том, что «в демократическом обществе можно и нужно бороться мирными способами против «плохого» закона, но пока он действует, закон должен соблюдаться всеми, альтернатива этому – крушение правопорядка, анархия и распад общества» [30, с. 38]. Поэтому в современном государстве, как правило, исключительно за парламентами и судами признается возможность прекращать действие закона, можно сказать, действует презумпция правомерности закона.

В то же время мировой опыт демонстрирует необходимость неподчинения в отдельных случаях несправедливым законам со стороны непосредственно граждан. Например, германская судебная практика признает следующее правило: «позитивный закон должен рассматриваться как противоречащий справедливости в ситуации, когда расхождение между статутным правом и справедливостью настолько нестерпимо, что первое должно уступить дорогу второй» [21, с. 145]. В основе этого правила лежит выработанная после Второй мировой войны и получившая широкую известность «формула Г. Радбруха»: «очевидно противоречащий естественному праву (*lex naturalis*) закон не является справедливым и обязательным к исполнению». Такой постулат впервые был реализован в ходе Нюрнбергского процесса над нацистскими преступниками. Устав Международного военного трибунала в 1945 г. счел возможным наказывать действия, направленные против мира и человечности, даже если они не нарушали законов страны. Еще одним примером является осуществленное после объединения Германии признание Конституционным Судом ФРГ правомерности привлечения

к ответственности сотрудников пограничной службы ГДР, которые на основании закона открывали огонь по людям, пытавшимся покинуть свою страну [10]. Думается, что даже эти классические примеры демонстрирует неоднозначность понимания справедливости.

Современным аспектом справедливости закона можно считать оценку его эффективности. На фоне постоянно возрастающего в XX-XXI вв. числа законов, именуемого зачастую «инфляцией законов», «законодательным потопом» и т.п., стал ставиться вопрос о присутствии в них рациональности, достижения целей правового регулирования, удовлетворенности граждан их содержанием. Во многих странах предпринимаются попытки оценки результативности нормативных актов. Так, зародившаяся в США и распространенная в других государствах методика оценки регулирующего воздействия первоначально была настроена на то, чтобы измерять влияние мер юридического воздействия на предпринимательскую деятельность, позднее стал учитываться эффект влияния на экономику в целом, а также на социальную сферу и окружающую среду. С минимизации регулирующего воздействия акцент был перенесен на создание более эффективных регуляторов посредством создания процедур открытой и вариативной работы над предварительным и последующим мониторингом государственно-властных решений [9, с. 14].

В течение 70-х гг. XX в. в Германии, Швейцарии, Бельгии и других странах появилось новое направление исследования права через призму эффективности и результативности законодательства – легиспруденция [31, с. 14]. Представители этого направления пытаются предложить критерии оценки эффективности законов, такие как действенность, целесообразность нормативного правового акта, соответствие его общественным ожиданиям. В качестве методов оценки предлагается использовать социологические приемы (интервью, опросы, анкетирование), моделирование, графические представления, политические трактовки, анализ причинно-следственных связей и др. [11].

По мнению Комиссара Совета Европы по правам человека, из правовых позиций Европейского Суда по правам человека вытекают такие критерии эффективного правотворчества, сопряженного с ограничением прав человека, как ясность, точность, доступность и прогнозируемость правовых норм, служение их четко определенным законным целям, наличие четких средств правовой защиты в отношении предполагаемых нарушений [25, с. 133-147].

Однако эмпирические исследования демонстрируют неутешительную картину применения оценки в законотворческой деятельности [31, с. 14-19]. Сами представители легиспруденции признают отнесенность вырабатываемых ими критериев. Так,

швейцарский профессор Л. Мадер отмечает условность любых оценок законодательства, поскольку они связаны со сложными общественными отношениями и возможностью многоаспектного их восприятия. В качестве примера, подтверждающего эту мысль, автор рассматривает ситуацию с юридической обязанностью пристегиваться ремнями безопасности в автомобиле. Казалось бы, практически общепринято считать, что ремни безопасности позитивно влияют на обеспечение безопасности дорожного движения, что подтверждается многочисленными исследованиями. Однако Л. Мадер указывает на то, что при подобных оценках не учитывается негативный компонент пользования ремнями безопасности – пристегнутый ремнем безопасности водитель становится более уверенным в своей безопасности, способен переоценить свои возможности и вследствие этого совершать больше наездов на пешеходов [12].

Поэтому, безусловно, актуальной является необходимость осознания законодателем реальных последствий принятия закона, но преувеличивать роль формальных критериев оценки эффективности правотворчества не следует. Эффективная законотворческая процедура и справедливое содержание закона – это явления сложной социальной жизни, имеющие значительную политическую составляющую. Например, Г. Кельзен в связи с этим полагал, что создание законов – это политические дискуссии о ценностях и что политика не поддается научным исследованиям и формально-юридическим установкам [36, с. 271]. Можно сказать, что эффективность закона – это столь же дискуссионный вопрос, как и в целом справедливость его содержания, и его решение во многом предопределяется методологическими установками исследователя.

Оценка справедливости закона связана и с особенностями правовых систем. Так, традиционная англосаксонская трактовка принципа господства права («rule of law») сводится к установлению такого правопорядка, при котором суд, а не законодатель обладал бы полномочиями окончательного решения вопроса о том, что является правом, а что не является таковым [33, с. 21]. Верховенство права в рамках британской традиции связано с правом, создаваемым судьями и основанным на законности, определенности и равноправии при невозможности для судов оспаривать суверенитет парламента [21, с. 145]. Романо-германская трактовка принципа господства права («rechtsstaat») апеллирует к такому правопорядку, когда законодатель в окончательном варианте решал бы все фундаментальные вопросы права, а суд контролировал бы деятельность исполнительной власти [34, с. 3-18]. В государствах Восточной Европы речь преимущественно ведется о принципе верховенства закона (supremacy of statute law). В том

числе в России превалирует позитивистская трактовка «верховенства права», не предполагающая контроля, выходящего за рамки буквы закона. Образно это направление именуют диктатурой закона [21, с. 145]. Оно связано с формальным правилом о презумпции правомерности закона и необходимости его применения вплоть до его отмены или признания недействующим судом. В Китае с 2010 г. стал активно разрабатываться своеобразный принцип «управления при верховенстве закона», предполагающий установку на индивидуализацию в рамках патриархальной модели государственности [24, с. 12-16].

К настоящему времени различия в понимании «господства права» в названных правовых системах начинают в определенной степени нивелироваться, поскольку в соответствующих странах идет процесс сближения системы источников права [16, с. 211], происходит активный обмен юридическим опытом в части способов поддержания верховенства права и закона. И если говорить о некоей собирательной концепции «верховенства права» за рубежом, то ее суть видят в том, что «правительственные решения должны быть основаны на согласии народа и действовать только через структуры и процедуры, разработанные для предупреждения индивидуальных притеснений или государственной тирании, защищающие фундаментальные права и свободы и являющиеся объектом оценки независимыми судами, выносящими приговоры, основанные на законах» [13, с. 86]. В современном варианте эту концепцию характеризуют уже не только нормативные признаки, адресованные к системе источников права, но и институциональные, направленные на установление требований к органам власти и защищающие права граждан. При всем многообразии подходов к таковым обычно причисляют: правовое правление, разделение властей, независимую систему судебных органов, эффективность права, его стабильность, верховенство законной власти, справедливость, беспристрастное отношение органов власти к гражданам и уважение их прав, создание альтернативных центров власти, запрет злоупотребления властью [35, с. 7; 37, с. 32; 33, с. 74; 19, с. 13-28; 8, с. 139; 4, с. 34].

В отечественной науке к признакам верховенства закона относят: разделение властей, обеспечение прав человека, взаимную ответственность государства и личности, соблюдение международного права, суверенитет народа и др. [22, с. 348]. Хотя, по мнению Г.А. Гаджиева, в России концепция верховенства права развивается преимущественно как судебная доктрина в актах Конституционного Суда РФ при пассивном участии законодателя и ученых [5, с. 13].

Во второй половине XX в. стало формироваться международное восприятие принципа верховенства права. Этот принцип закреплен, к примеру, в преам-

буле Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., в Заключительном документе Копенгагенской встречи 1990 г., ОБСЕ, в Амстердамском договоре Европейского Союза 1997 г. [13, с. 86]. При этом международное право исходит из того, что верховенство права означает гораздо больше, чем просто формальную законность, оно означает и справедливость, основанную на признании и полном принятии высшей ценности человеческой личности, гарантированную институтами, обеспечивающими рамки ее наиболее полного выражения [19, с. 13].

Международной неправительственной организацией World Justice Project разработана и уже несколько лет применяется на практике система индикаторов, позволяющих рассчитать индекс верховенства права для различных стран мира. К числу таких индикаторов отнесены степень ограничения полномочий институтов власти, уровень коррупции, порядок и безопасность, гарантии защиты основных прав, прозрачность институтов власти, соблюдение законов, качество правосудия [6, с. 117]. В 2016 году Венецианской комиссией был утвержден «Контрольный список вопросов для оценки соблюдения верховенства права». В этом документе к основным нарушениям рассматриваемого принципа отнесены: осуществление полномочий, ведущее к принятию явно несправедливых, необоснованных решений; неограниченные полномочия органов исполнительной власти. Соответственно, комиссия считает, что для защиты от произвола закон должен определять объем полномочий государственных органов, злоупотребление этими полномочиями должно подлежать судебному контролю, а существующие средства защиты должны быть подробно прописаны и доступны [4, с. 34].

Столь пристальное внимание к принципу верховенства права связано с политической идеей о том, что утверждение этого постулата способно позитивно влиять на экономическое развитие стран, на борьбу с коррупцией, на решение социальных проблем. Концепт верховенства закона также вселяет надежду на преодоление современных вызовов глобализации в виде огромного роста потоков информации через

Интернет, диверсификации транснационального гражданского общества, активного перемещения индустрии услуг через государственные границы и т.п. [8, с. 139-151].

Таким образом, принцип верховенства права является фундаментальным в развитии государственности и международного правопорядка. Значение этого принципа сравнимо с ролью новой религии и связано с надеждами на рациональное устройство публичной власти. Однако критерии справедливости содержания законодательных актов до сих пор остаются дискуссионными. В качестве неких ориентиров в восприятии правомерности закона выступают реализация прав человека, разделение властей, эффективность права и его стабильность, создание механизмов, предотвращающих злоупотребление властью. Но даже эти ориентиры несут в себе много-смысловую нагрузку, имеют национальные, политические и даже экономические аспекты понимания.

Изложенное подтверждает мысль, что нельзя чрезмерно идеализировать юридические конструкции, в т.ч. и концепт верховенства права. Как верно пишет Н.И. Матузов, «абсолютно совершенного, идеального законодательства нигде в мире нет. Право каждой страны неизбежно содержит в себе определенные коллизии, пробелы, противоречия» [18, с. 208]. А Ю.А. Тихомиров в этой связи даже отмечает положительное значение коллизий и недостатков правовых норм: «они служат свидетельством нормального процесса развития или же выражают законное притязание на новое правовое состояние» [27, с. 4]. Представления о справедливости законов подлежат трансформации с течением времени.

Но одновременно недопустимо и пренебрежительное отношение к рассматриваемому принципу, поскольку он является результатом многовековой истории становления государственности, отражает непреложные ценности и призван противостоять произволу, насилию, деспотии, создает предпосылки для воплощения в государственной политике социальной справедливости и построению мирного диалога по поводу поиска акцентов понимания этой справедливости.

Литература

1. Андрианов Н.В. Модернизация правовых институтов: проблемы методологии // Государство и право. 2013. № 6.
2. Бейтс Дж. Британский опыт // Оценка законов и эффективности их принятия: мат-лы международного семинара, 16-17 декабря 2002 г., г. Рязань. М.: Издание Государственной Думы, 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>.
3. Бертельс Ж.-Л. Общая теория права / пер с фр. Г.В. Чуршукова. М.: Nota Vene, 2000.
4. Блохин П. Злоупотребление правами и злоупотребление властью: к построению единой доктрины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2 (123).
5. Гаджиев Г. О судебной доктрине верховенства права // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 4 (95).
6. Зорькин В.Д. Цивилизация права и развитие России. М.: ИНФРА-М, 2015.

7. Исаев И.А. Власть и закон в контексте иррационального. М.: Юрист, 2006.
8. Карозерс Т. Искушение верховенством закона // Pro et Contra. 2009. № 3-4 (46).
9. Кененова И. Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92).
10. Лезина Е. Судебные преследования лиц, ответственных за нарушения прав человека в ГДР // Уроки истории. XX век. 2013. 5 ноября. URL: <https://urokiistorii.ru/article/51885>.
11. Мадер Л. Опыт Швейцарии // Оценка законов и эффективности их принятия: мат-лы международного семинара, 16-17 декабря 2002 г., г. Рязань. М.: Издание Государственной Думы, 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>.
12. Мадер Л. Оценка законодательства – вклад в повышение качества законов // Оценка законов и эффективности их принятия: мат-лы международного семинара, 16-17 декабря 2002 г., г. Рязань. М.: Издание Государственной Думы, 2003. URL: <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/material/>.
13. Марочкин С.Ю. Верховенство права на внутривнутригосударственном и международном уровнях: динамика развития и взаимодействия // Государство и право. 2013. № 10.
14. Мартышин О.В. Классические типы понимания права. Проблемы выбора // Развитие российского права: новые контексты и поиски решения проблем: мат-лы международной конференции. М.: Проспект, 2016. Ч. 1.
15. Марченко М.Н. «Умеренный» позитивизм и верховенство права в условиях правового государства // Государство и право. 2012. № 4.
16. Марченко М.Н. Правовые системы современного мира: учебное пособие. М.: ИКД «Зеркало-М», 2008.
17. Матейкович М.С. Дефекты конституционно-правового регулирования в РФ // Государство и право. 2007. № 12.
18. Матузов Н.И. Актуальные проблемы теории права. Саратов: Изд-во Саратовской гос. академии права, 2003.
19. Мур Дж. Н. Верховенство права: обзор // Верховенство права: сборник: пер. с англ. М.: Прогресс, 1992.
20. Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М.: Юридическая литература, 2010.
21. Нуссбергер А. Независимость судебной власти и верховенство права в практике Европейского Суда по правам человека // Сравнительное конституционное обозрение. 2016. № 2 (111).
22. Перевалов В.Д. Теория государства и права. М.: Юрист, 2012.
23. Радбрух Г. Философия права / пер с нем. Ю.М. Юмашева. М.: Международные отношения, 2004.
24. Серов К.Н. Социально-экономическая политика государства и политический режим: некоторые проблемы взаимосвязи // Юридический мир. 2007. № 4.
25. Тематический доклад, опубликованный Комиссаром Совета Европы по правам человека «Верховенство права в Интернете и в остальном цифровом мире» // Прецеденты Европейского Суда по правам человека: Электронное периодическое издание. 2015. № 1 (13).
26. Теория государства и права: учебник / под ред. А.С. Пиголкина. М.: Юрайт, 2007.
27. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия: власть и правопорядок // Государство и право. 1994. № 1.
28. Филиппова Н.А. Представительство публичных интересов в федеративном государстве: особенности российской национальной модели. Екатеринбург: УрО РАН, 2009.
29. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне. М.: Весь мир, 2003.
30. Чиркин В.Е. Субъективные заметки о либеральной концепции права в Российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10.
31. Шульмане Д., Шевчук П. Легиспруденция – новый подход к вопросу о законотворчестве // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 6 (97).
32. Allan T. Constitutional Justice: A Liberal Theory of the Rule of Law. L., 2001.
33. Bogs H. Urteilsverfassungsbeschwerde zum Bundesverfassungsgericht. Baden-Baden: Nomos, 1999.
34. Campbell J. The Legal Theory of Ethical Positivism. L., 1996.
35. Fallon R.N. «The Rule of Law» as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. № 2.
36. Siehr A. Symbolic Legislation and the Need for Legislative Jurisprudence: The Example of the Federal Republic of Germany // Legisprudence. 2008. № 3. Vol. 2.
37. Waldron J. Judicial Review and the Conditions of Democracy // Journal of Political Philosophy. 1998. Vol. 6. № 4.

УДК 342.7

Е.В. Красилова

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: krasilova1357@mail.ru

КОРРЕЛЯЦИЯ ПОНЯТИЙ «ЗАЩИТА» И «ОХРАНА» В СИСТЕМЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ И СВОБОД ЛИЧНОСТИ

В настоящее время существует проблема разграничения понятий «защита» и «охрана». С целью устранения противоречий в статье анализируется соотношение обозначенных категорий. На видение данной проблемы существует множество точек зрения, в каждой из которых присутствует рациональное решение поставленной задачи. Автором было выявлено четыре направления, раскрывающих взаимодействие категорий «защита» и «охрана». Сделан вывод о разграничении защиты и охраны как самостоятельных категорий. Такое решение проблемы в реалиях современного общества предопределяет развитую деятельность государства по всем направлениям осуществления прав и свобод личности, их всестороннего обеспечения. Автором выделены признаки различия «защиты» и «охраны». Для установления единого подхода к их пониманию были предложены авторские трактовки определений рассматриваемых понятий.

Ключевые слова: защита, охрана, обеспечение, права человека, правозащитная функция государства, правоохранительная функция государства, личность, правовое государство.

E.V. Krasilova

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: krasilova1357@mail.ru

CORRELATION OF THE CONCEPTS OF «PROTECTION» AND «DEFENSE» IN THE SYSTEM OF ENSURING RIGHTS AND FREEDOMS OF PERSONALITY

Currently, there is a problem of distinction between the concepts of «protection» and «defense». In order to eliminate contradictions, the article analyzes the correlation of these categories. Taking into consideration the chosen topic, there are many points of view, in each of which there is a rational solution to the problem. The author identified four areas that reveal the interaction of the categories of «protection» and «defense». The conclusion is drawn on the distinction between protection and defense as independent categories. Such a solution of the problem in the realities of modern society predetermines the developed activity of the state in all areas of the implementation of the rights and freedoms of the individual, their comprehensive provision. The author highlights the differences between «protection» and «defense». To establish a unified approach to their understanding, author proposes her own interpretations of the definitions of these concepts.

Key words: protection, defense, provision, human rights, human rights function of the state, law enforcement function of the state, personality, rule of law state.

В условиях формирования правового государства и гражданского общества актуализируются проблемы регулирования сферы обеспечения прав и свобод личности. На международной арене вопросы в области обеспечения прав человека достаточно продолжительное время не теряют своей значимости. Развитие этой деятельности в каждой стране предопределяет политику государства, его социальное предназначение.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. закреплена главная обязанность страны – признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина. Более 25 лет политика государства направлена на всестороннее развитие обозначенной сферы деятельности. В этом аспекте функции государства имеют особое значение. Во исполнение главной обязанности в настоящее время актуальным направлением деятельности государства является его правозащитная функция.

Правовая защита каждого человека в обществе на данном этапе мирового развития является одним из приоритетных задач современного правового государства. Право на защиту, соответствующее международным правовым нормам, является неотъемлемым элементом жизнедеятельности граждан. В рамках существующих направлений работы государственных органов в сфере реализации прав и свобод человека, помимо правовой защиты, немаловажным элементом является правовая охрана личности.

В научной литературе возникла дискуссия, которая выражается в разграничении категорий «защита» и «охрана» в сфере функционирования прав и свобод личности. Так, ряд ученых не разделяют понятия «защита» и «охрана», употребляют их как равнозначные дефиниции. А.В. Стремоухов в своем исследовании рассматривает понятие «защита» как деятельность, связанную с обороной. По его мнению, защита – это сфера работы каких-либо субъектов, направленная на охрану и оборону, под которыми понимаются определенные механизмы, предметы, действия [14, с. 24]. Он приходит к выводу о том, что «защита» и «охрана» являются идентичными категориями.

Похожее мнение высказывал Н.В. Витрук. Он считал, что охрана прав включает в себя деятельность, которая направлена на устранение каких-либо препятствий в непосредственной реализации прав и свобод человека, на борьбу с нарушениями в сфере осуществления прав личности, превентивной деятельности в указанном направлении. Защита возникает в случае существования неисполнения обязанности по реализации прав. В то же время Н.В. Витрук соотносит категории «защита» и «охрана», обосновывая это тем, что они составляют единое целое – «охрану (защиту) прав и обязанностей» [4, с. 528-529].

По мнению Ю.К. Осипова, необходимость в защите прав человека возникает только тогда, когда речь идет об их нарушении, или присутствует какая-либо угроза в их реализации. В этом случае следует иметь в виду защиту как часть правоприменительной деятельности, которая в научной литературе именуется правоохранной [13, с. 95].

В работе В.С. Шадрина указано, что государственная деятельность по охране прав личности состоит в предупреждении возможного нарушения, контроле за их соблюдением, а также готовности применить меры реагирования на возможное нарушение [17, с. 45]. В связи с этим возникает другое разрешение дискуссионного вопроса – включение в деятельность по охране защиту как более узкое понятие. В этом случае возникает такая проблема, как подмена понятий.

В.А. Терехин в своей работе проанализировал категории «защита» и «охрана». Он пришел к выводу, что современное законодательство определенных отличительных признаков не выделяет. По его мнению, стоит соотносить категории «защита» и «охрана» как часть и целое. Понятие «защита» является одной из форм охраны права. В этом случае можно заметить, что охрана имеет свойство выражаться посредством многих других форм. «Защита» может осуществлять свое действие только при нарушении либо при реальной существующей угрозе нарушения (оспаривании) прав и свобод. «Охрана» начинает действовать с момента установления общего конституционно-правового режима прав и свобод [16, с. 22].

Противоположное мнение у Т.Б. Шубиной, которая придерживается необходимости закрепления в нормативных правовых актах понятия «защита прав», т.к. термин «охрана прав» в законодательстве практически не применяется, а если и применяется, то в самом общем смысле. Эта категория не имеет юридического содержания, поскольку правоохранительная деятельность применима для отдельной сферы деятельности и выполняется определенными субъектами. Она носит правоохранительный характер, а не общерегулятивный [19, с. 11]. Однако такой крайний подход снижает значение охраны. Мы согласны с мнением о том, что законодатель ошибочно применяет одну из категорий либо сопоставляет их в одном значении. В настоящее время в этом и заключается проблема – правильно разграничить столь близкие понятия. Но охрана, как и защита, имеет все основания на самостоятельное существование.

Подобную точку зрения выразила З.В. Макарова. Она рассматривает категорию «защита» в широком понимании, которое содержит в себе более узкую категорию «охрана прав». В этой связи она предопределяет деятельность по защите прав личности в рамках предупреждения их нарушения. В ситуациях

нарушения прав человека происходит защита, т.е. действия по их восстановлению [9, с. 215-227]. В указанном подходе происходит слияние рассматриваемых категорий. Необходима конкретизация признаков, способных разделить «охрану» и «защиту».

Следует особо отметить мнение М.Н. Мальцева, который в своей работе сопоставил ряд российских и международных нормативных правовых актов на предмет содержания в них категорий «защита» и «охрана». Проведя широкий анализ, он пришел к выводу, что «охрана» применяется в случаях, когда объектом воздействия являются жизненно важные блага для человека, а «защита» – в случаях, где таким объектом является человек. В противовес вышеуказанным мнениям он считает, что вследствие разного объекта «термин "охрана" не может считаться ни узким, ни широким по отношению к термину "защита"» [10, с. 48-52]. Следует заметить, что обращать внимание на объект воздействия необходимо, однако разграничивать столь разные понятия стоит в совокупности, отталкиваясь от их сущности.

Д.А. Авдеев, рассуждая о соотношении терминов «охрана» и «защита», считает, что охрана в сфере обеспечения прав и свобод личности действует постоянно. Деятельность по защите прав человека осуществляется при каком-либо их нарушении, а также их оспаривании. В этом аспекте «защита» осуществляется в принудительной форме, т.е. её возможно применить в определенном порядке исключительно субъектами. Вместе с этим возможно применение самозащиты, под которой понимаются активные действия личности, направленные на восстановление какого-либо нарушенного права [2, с. 11]. Стоит отметить, что в юридической литературе сферу самозащиты относят к категории «защита», а не к охране. При самостоятельной защите своих прав человек их не охраняет, а защищает. Этот аспект является отличительным признаком сферы защиты.

В.И. Абрамов также разделяет две рассматриваемые нами категории. По его мнению, охрана включает в себя совокупность законов, государственных мероприятий, которые направлены на реализацию субъективных прав, охраняемых законом интересов. Защита представляет собой комплекс мер, в который входят: судебная защита, законодательные, экономические, организационно-технические и другие средства и мероприятия, самозащита гражданских прав [1, с. 83].

С другой стороны разделял две рассматриваемые нами категории В.М. Капицын. Под защитой прав он понимал деятельность, направленную на восстановление нарушенных прав. Охрана права включает в себя систему законодательства, органы власти и организации, которые стремятся ликвидировать всевозможные нарушения прав [7, с. 126-127]. В этой связи

считается верным относить меры по восстановлению именно к защите, т.к. этот аспект является одним из основных отличительных свойств.

В словаре русского языка закреплено, что слово «охрана» производно от глагола «охранять», что означает «стеречь, беречь, оберегать, сторожить, караулить» [6, с. 774]. Понятие «защита» происходит от слова «защищать», под которым понимается «оборонять, отстаивать, заступаться, не давать в обиду» [5, с. 668]. В рамках правовых отношений можно предположить, что охрана является деятельностью, которая осуществляется в форме превенции, т.е. государство «оберегает» права человека от нарушений. В случае непосредственного нарушения прав личности, в целях их восстановления, уполномоченные субъекты «служат обороной» и защищают нарушенные права.

Анализ юридической литературы позволяет сделать вывод, что рассматриваемая проблема является до настоящего времени актуальной. Существует множество точек зрения, в каждой из которых присутствует рациональное решение поставленной задачи. Проанализировав мнения ученых, можно выделить четыре направления, раскрывающих взаимодействие категорий «защита» и «охрана»:

- 1) «охрана» является более широкой по содержанию категорией, чем «защита»;
- 2) «защита» включает в себя деятельность по «охране»;
- 3) «защита» и «охрана» – тождественные понятия;
- 4) категории «защита» и «охрана» являются самостоятельными направлениями деятельности.

Мы придерживаемся последнего подхода. Рассмотрение защиты и охраны в качестве отдельных категорий в реалиях современного общества предопределяет развитую деятельность государства по всем направлениям осуществления прав и свобод личности. Защиту и охрану необходимо рассматривать как разные категории, которые имеют главное отличие – цель. Охрана действует постоянно и направлена на недопущение нарушения прав человека. Защита возникает в случае непосредственного нарушения прав либо при прямой угрозе нарушения и действует с целью их восстановления.

Как справедливо отмечал А.С. Мордовец, необходимо различать «защиту» и «охрану» по сути, содержанию и форме [11, с. 106-107]. Они, являясь обособленными друг от друга категориями, направлены на всестороннее обеспечение прав и свобод человека. Охрана является состоянием правомерной реализации прав и свобод, которое находится под контролем социальных институтов. Защищать права необходимо в случае создания угрозы полномочного осуществления прав.

Действие государственных и негосударственных органов, институтов гражданского общества ориентировано на всестороннее обеспечение прав человека, куда входят такие самостоятельные течения, как защита права и охрана права.

Вся деятельность государства по реализации прав и свобод личности выражается в обобщенном понятии – «обеспечение». Выделенная нами категория соединяет в себе всю совокупность общественных отношений в рассматриваемой сфере. Деятельность по обеспечению прав и свобод включает в себя такие разные формы выражения, как защита и охрана. Они действуют самостоятельно, но в результате направлены на всестороннее обеспечение прав человека.

Многие авторы отмечают, что охрана и защита являются абсолютно разными аспектами общей категории – обеспечение прав человека. Она характеризуется связями, которые в определенных случаях совпадают между собой, а в других существуют самостоятельно, являясь обособленными элементами [18, с. 42]. В этом же направлении исследует данные категории О.С. Лапшина, определившая в своей работе понятие «обеспечение» как родовое по отношению к «защите» и «охране». По её мнению, обеспечение включает в себя систему политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных мер и условий, которые направлены на наиболее полное пользование личностью социальными благами [8, с. 43].

В рамках своего исследования Д.А. Авдеев предложил рассматривать термин «обеспечение» в широком и узком смыслах. В широком понимании указанной категории под ней подразумевается создание государственными органами определенных гарантий для осуществления прав человека. В указанном направлении происходит охрана общественных отношений, что представляет статический аспект. Также реализуется непосредственная защита прав и свобод, что, по нашему мнению, является динамическим аспектом. В узком смысле обеспечение является деятельностью государства. Её целью является реализация прав и свобод человека. Начало процесса обеспечения прав и свобод происходит с момента их законодательного закрепления, а также организации специальных органов, направленных на охрану и защиту прав и свобод каждой личности [3, с. 45].

Ю.В. Анохин рассматривает термин «обеспечение» как основную категорию в институте прав человека. «Обеспечение» необходимо в создании базовых условий, способствующих нормативному закреплению прав личности, а также осуществлению их охраны и защиты [12, с. 262].

В связи с вышеизложенными мнениями стоит отметить, что благодаря существующей дискуссии в

настоящее время осуществляется слияние таких важных государственных функций, как правозащитная и правоохранительная, которые являются производными от категорий «защита» и «охрана». Отсутствие единого подхода к разграничению базовых терминов влечет за собой проблему подмены важных направлений деятельности.

Для разграничения понятий «защита» и «охрана» в качестве самостоятельных категорий мы предлагаем выделить следующие основания для их различия.

Во-первых, защита и охрана выступают в качестве отдельных видов деятельности. Они реализуются на основе свойственных им международных норм и нормативных правовых актов.

Во-вторых, защита и охрана осуществляются определенным кругом субъектов, которые реализуют предоставленные государством полномочия.

В-третьих, защита действует в случае нарушения прав и свобод личности либо угрозы нарушения с целью их восстановления и осуществляется в принудительной форме. Охрана действует постоянно и направлена на предупреждение, предотвращение нарушения прав человека.

В-четвертых, защита дает право каждому гражданину воспользоваться самозащитой, т.е. защищать себя самостоятельно всеми способами, не запрещенными законом. Охрана осуществляется преимущественно уполномоченными на то субъектами.

Под принуждением следует понимать деятельность (кроме случаев самозащиты) уполномоченных органов, проявляющуюся во властном акте, предписании, которая выражается в возможности принуждения нарушителей прав человека восстановить нарушенные ими права [15, с. 12].

Всесторонне рассмотрев категории «защита» и «охрана», мы предлагаем установить единый подход к их пониманию. По нашему мнению, защита представляет собой вид деятельности, который осуществляется компетентными органами в принудительной форме, а также самостоятельно гражданами с целью восстановления их нарушенных прав и свобод.

Под охраной понимается вид деятельности, который осуществляется уполномоченными субъектами с целью предупреждения и предотвращения условий, способствующих нарушению прав и свобод человека.

В рамках проведенного исследования стоит отметить, что вопросы, посвященные реализации прав человека, в современных реалиях не теряют своего значения. Проблемы в рассматриваемой сфере остаются актуальными и в настоящее время. Основная задача государства на современном этапе состоит в создании условий, необходимых для всестороннего обеспечения прав и свобод каждого гражданина страны.

Литература

1. Абрамов В.И. Права ребенка и их защита в России: общетеоретический анализ: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2007. 455 с.
2. Авдеев Д.А. Охрана, защита, обеспечение прав и свобод человека и гражданина // Российское правовое государство. Итоги формирования и перспективы развития. Воронеж, 2004. Ч. 1. С. 7-16.
3. Авдеев Д.А. Правовой механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина в субъектах РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Тюмень, 2004. 239 с.
4. Витрук Н.В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права: курс лекций / под ред. В.К. Бабаева. Н. Новгород: Изд-во Нижегород. ВШ МВД РФ, 1993. 539 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981. Т. 1. 699 с.
6. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: Рус. яз., 1981. Т. 2. 779 с.
7. Капицын В.М. История, теория и защита прав человека: учебник. М.: Московский университет потребительской кооперации, 2003. 260 с.
8. Лапшина О.С. Охранительная функция права в системе функций права и государства: дис. ... канд. юрид. наук. Тольятти, 2011. 180 с.
9. Макарова З.В. Защита в российском уголовном процессе: понятие, виды, предмет и пределы // Правоведение. 2000. № 3.
10. Мальцев М.Н. Самозащита субъективных прав по российскому законодательству: теоретико-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2006. 194 с.
11. Мордовец А.С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина (теоретико-правовое исследование): дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1997. 384 с.
12. Обеспечение прав человека: учебник / под ред. Ю.В. Анохина. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. 600 с.
13. Осипов Ю.К. Подведомственность юридических дел. Свердловск: Свердл. юрид. ин-т, 1973. 124 с.
14. Стремоухов А.В. Правовая защита человека. Теоретический аспект: дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 1996. 423 с.
15. Стремоухов А.В. Право человека на защиту и формы его защиты в Российской Федерации // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 1 (47). С. 9-20.
16. Терехин В.А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2001. 217 с.
17. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. М.: Юрлитинформ, 2000. 230 с.
18. Шадрин В.С. Обеспечение прав личности при расследовании преступлений. Волгоград: Волгоградский юридический институт МВД России, 1997. 220 с.
19. Шубина Т.Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 1997. 16 с.

Административное право и административный процесс

УДК 351.741:342.98

А.Г. Гришаков, канд. юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: grischakow@buimvd.ru

ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ С НАРОДНЫМИ ДРУЖИНАМИ В СФЕРЕ ОХРАНЫ ОБЩЕСТВЕННОГО ПОРЯДКА НА ТЕРРИТОРИИ АДМИНИСТРАТИВНОГО УЧАСТКА

Актуальность настоящей статьи заключается в том, что в современных условиях народные дружинники привлекаются участковыми уполномоченными полиции, как правило, только при патрулировании и рейдовых мероприятиях. Автором предлагаются направления возможного взаимодействия в сфере охраны общественного порядка. В частности, участковый уполномоченный полиции может совместно с дружинниками осуществлять профилактический обход административного участка, посещать по месту жительства лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор, проводить индивидуальную профилактическую работу с гражданами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел. Наряду с этим целесообразно привлекать дружинников в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также в противодействии незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов на территории административного участка.

Ключевые слова: административный участок, народная дружина, участковый уполномоченный полиции, дружинник, профилактическая работа, общественный порядок, жилой сектор, административные правонарушения.

A.G. Grishakov, Candidate of Juridical Sciences,
assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: grischakov@buimvd.ru

SPECIFIC ASPECTS OF COOPERATION OF THE DISTRICT POLICE OFFICER WITH PEOPLE'S GUARDS IN THE SPHERE OF PUBLIC ORDER IN THE TERRITORY OF THE ADMINISTRATIVE DISTRICT

The relevance of this article lies in the fact that in modern conditions, people's vigilantes are attracted by district police commissioners, as a rule, only when patrolling and raiding. The author suggests possible areas of interaction in the field of public order protection. In particular, the district police Commissioner may, together with vigilantes, carry out preventive rounds of the administrative area, visit the place of residence of persons in respect of whom the court has established administrative supervision, conduct individual preventive work with citizens who are on preventive registration in the internal Affairs bodies. Along with this, it is advisable to involve vigilantes in the prevention of neglect and juvenile delinquency, as well as in countering illegal trafficking of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues on the territory of the administrative area.

Key words: administrative district, people's guards, district police officer, member of people's guards, students, prevention, public policy, the scene, preventive activities, residential sector, the emergency, the administrative offences and crimes.

В современный период правовое регулирование деятельности участковых уполномоченных полиции продолжает свое совершенствование посредством мониторинга основных направлений правоприменительной деятельности территориальных органов МВД России. Вновь стал актуальным вопрос о создании необходимых условий для эффективной работы участковых уполномоченных полиции с помощью детализации их функциональных задач, конкретизации механизма организации и контроля профилактической работы с лицами, состоящими на учете в органах внутренних дел, модернизации и перевода в электронный формат документооборота, а также исключения избыточного количества обязанностей. Более того, принят новый нормативный правовой акт, утвердивший инструкцию и наставление по организации деятельности подразделений участковых уполномоченных полиции [3].

Полагаем, что при несении службы на административном участке участковый уполномоченный полиции должен активно взаимодействовать с народными дружинами и иными общественными объединениями правоохранительной направленности в сфере охраны общественного порядка. В рамках данной научной статьи хотелось бы затронуть отдельные направления взаимодействия участковых уполномоченных полиции с народными дружинами, которым на практике не уделяется внимания.

В соответствии с федеральным законодательством [4] под народной дружиной понимается основанное на членстве общественное объединение, участвующее в охране общественного порядка во взаимодействии с органами внутренних дел (полицией) и иными правоохранительными органами, органами государственной власти и органами местного самоуправления. Народным дружинником (далее – дружинник) по замыслу законодателя может быть любой гражданин Российской Федерации, являющийся членом народной дружины и принимающий в ее составе участие в охране общественного порядка. Под участием граждан в охране общественного порядка подразумевается оказание помощи органам внутренних дел и иным правоохранительным органам в целях защиты жизни, здоровья, чести и достоинства человека, собственности, интересов общества и государства от преступных и иных противоправных посягательств, совершаемых в общественных местах.

На сегодняшний день установлено четыре основных направления деятельности народных дружин в сфере охраны общественного порядка. Во-первых, это содействие органам внутренних дел (полиции) и иным правоохранительным органам в охране общественного порядка, во-вторых, участие в предупреждении и пресечении правонарушений на территории по месту создания народной дружины, в-третьих, уча-

стие в охране общественного порядка в случаях возникновения чрезвычайных ситуаций, в-четвертых, распространение правовых знаний, разъяснение норм поведения в общественных местах.

Заметим, что законодатель наделил дружинников серьезным арсеналом полномочий, позволяющих активно участвовать в охране общественного порядка на территории муниципального образования. Так, дружинники имеют право: требовать от граждан и должностных лиц прекратить противоправные деяния; принимать меры по охране места происшествия, а также по обеспечению сохранности вещественных доказательств совершения правонарушения с последующей передачей их сотрудникам полиции; оказывать содействие полиции при выполнении возложенных на нее обязанностей в сфере охраны общественного порядка; применять физическую силу в случаях и порядке, предусмотренных законодательством; осуществлять иные права в рамках федерального законодательства. При этом дружинники вправе отказать от исполнения возложенных на них обязанностей в случае, если имеются достаточные основания полагать, что их жизнь и здоровье могут подвергнуться опасности.

Следует признать, что в настоящее время законодатель урегулировал правоотношения добровольного участия граждан Российской Федерации в охране общественного порядка, закрепив основные принципы и формы такой деятельности и создав для этого все необходимые правовые условия. Вместе с тем одни исследователи считают, что законодательная регламентация участия граждан в охране общественного порядка не в полной мере отвечает потребностям сложившейся реальности [5, с. 386], другие высказывают предложения об изменении сущностного и содержательного состава некоторых юридических норм федерального закона [2, с. 44].

В любом случае правоприменительная деятельность органов внутренних дел выявляет имеющиеся «несовершенства» отдельных правовых норм, регулирующих обеспечение общественного порядка в общественных местах, в т.ч. и в вопросах деятельности народных дружин и иных общественных объединений правоохранительной направленности. Полагаем, что своевременный мониторинг и анализ указанной информации позволят подготовить предложения о внесении изменений или дополнений в отдельные нормы федерального законодательства либо разработать новые нормативные правовые акты.

Далее перейдем к рассмотрению отдельных аспектов взаимодействия участковых уполномоченных полиции с народными дружинами по вопросам охраны общественного порядка, обратившись к имеющейся статистике на примере Алтайского края. По официальным данным в городе Барнауле обществен-

ная организация «Народная дружина "Барнаульская"» состоит из 12 отрядов общей численностью 1090 человек. Необходимо отметить, что дружинники были задействованы в 3985 рейдовых мероприятиях по приоритетным направлениям деятельности правоохранительных органов Алтайского края (ГУ МВД, ЛУ ВДТ, УФСИН, УФССП). Кроме этого, было принято участие в 4652 проверках по месту жительства лиц, состоящих на профилактическом учете в органах внутренних дел. Более того, оказана помощь в выявлении и пресечении 5174 административных правонарушений и раскрытии 53 преступлений¹.

В то же время правоприменительная практика деятельности органов внутренних дел показывает, что участковые уполномоченные полиции не всегда реализуют имеющиеся ресурсы народных дружин на обслуживаемых участках. Как правило, участковый уполномоченный полиции не проявляет инициативы в данном вопросе и работает с дружинниками только в случаях их направления руководством территориального органа МВД России для совместного патрулирования и при проведении плановых оперативно-профилактических мероприятий².

На наш взгляд, дружинников целесообразно использовать в различных направлениях административной деятельности полиции в сфере охраны общественного порядка, не ограничиваясь только патрулированием и рейдовыми мероприятиями на территории административного участка. Очевидно, что нахождение с участковым уполномоченным полиции двух дружинников создаст численное превосходство при доставлении или задержании правонарушителя, обеспечит личную безопасность сотрудника полиции, позволит в чрезвычайных ситуациях оказать первую помощь сразу нескольким пострадавшим лицам, а также организовать охрану следов и вещественных доказательств на месте происшествия. Более того, при отсутствии связи с территориальным органом МВД России дружинника можно использовать как посыльного в целях информирования оперативного дежурного или ближайших нарядов полиции о совершенном преступлении, административном правонарушении, ином происшествии или какой-либо чрезвычайной ситуации.

По нашему мнению, регулярное привлечение сил и средств народных дружин подразделениями участковых уполномоченных полиции к поддержанию

¹ Статистические сведения о результатах работы в сфере охраны общественного порядка за 2018 год предоставлены «Координирующим штабом народной дружины» города Барнаула Алтайского края.

² Данные интервьюирования участковых уполномоченных полиции территориальных органов МВД России Сибирского федерального округа (СФО), обучавшихся в Барнаульском юридическом институте МВД России в 2018-2019 учебном году.

правопорядка в жилом секторе, общей и индивидуальной профилактике на обслуживаемой территории является вполне обоснованным и необходимым. Нельзя не отметить, что участковый уполномоченный полиции может привлекать дружинников при ежедневном профилактическом обходе административного участка, посещении по месту жительства лиц, в отношении которых судом установлен административный надзор, проведении индивидуальной профилактической работы с гражданами, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел (в частности, с больными алкоголизмом или наркоманией и состоящими на учете в медицинской организации, которые неоднократно привлекались к административной ответственности, допускающими нарушения в сфере семейно-бытовых отношений, а также совершившими административные правонарушения, посягающие на общественный порядок и общественную безопасность при проведении общественно-политических или спортивно-массовых мероприятий).

Кроме этого, вполне уместно задействовать силы дружинников при обследовании на территории административного участка чердачных и подвальных помещений в многоквартирных домах жилого сектора, заброшенных зданий, строений или сооружений в целях выявления граждан, ведущих антиобщественный образ жизни (например, лиц без определенного места жительства и занятий, организующих азартные игры, занимающихся бродяжничеством, попрошайничеством, проституцией, потребляющих наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача).

Наряду с этим следует использовать дружинников в профилактике безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, а также в розыске детей, самовольно ушедших из семей или специализированных организаций для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, покинувших специальные учебно-воспитательные организации закрытого типа. Наконец, вполне обоснованно привлекать их к работе, связанной с выявлением лиц, вовлекающих несовершеннолетних в совершение преступлений и административных правонарушений, употребление алкогольных напитков, наркотических средств, психотропных и одурманивающих веществ. Здесь же нам представляется разумным приглашать дружинников из числа студенческой молодежи при проведении участковым уполномоченным полиции индивидуальных воспитательных бесед с подростками, состоящими на учете в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел.

Если на территории обслуживаемого административного участка имеются образовательные ор-

ганизации высшего образования, то участковый уполномоченный полиции в рамках правового информирования обучающихся может проводить целенаправленную работу по подбору кандидатов для зачисления в народную дружину своего муниципального образования. В этом случае студенческую молодежь можно агитировать к вступлению в состав народной дружины с дальнейшей перспективой службы в органах внутренних дел. Представляется, что таким образом участковый уполномоченный полиции не только внесет большой вклад в комплектование данных общественных формирований правоохранительной направленности, но и сформирует своего рода «кадровый резерв» для подразделений участковых уполномоченных полиции на дальнейшую перспективу.

Еще одним направлением административной деятельности органов внутренних дел, где участковый уполномоченный полиции может активно использовать дружинников, является противодействие незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов на территории административного участка. В городских условиях это может быть работа по выявлению многоквартирных жилых домов или дворов, на территории которых происходит бесконтактное распространение наркотических средств или психотропных веществ посредством «закладок». В сельских поселениях – выявление лиц, хранящих или культивирующих растения, содержащие наркотические средства или психотропные вещества (коноплю, произрастающую в естественных природных условиях, посевы мака на приусадебных участках и пр.). Не менее актуальным является привлечение дружинников к участию в комплексных оперативно-профилактических операциях «Азиатский заклон», «Мак», «Притон», «Семья без наркотиков», проводимых ежегодно как в городах, так и в сельских поселениях.

Отдельной составляющей взаимодействия подразделений участковых уполномоченных полиции с народными дружинами будет и использование дружинников при чрезвычайных ситуациях природного или техногенного характера в целях охраны общественного порядка, спасения граждан, оказавшихся в зоне стихийного бедствия, охраны имущества, оставшегося без присмотра, оказания содействия бесперебойной работе аварийно-спасательных служб.

В развитие этой темы нельзя не упомянуть мнение Л.Л. Грищенко о том, что наиболее сложным и с точки зрения охраны общественного порядка опасным мероприятием при угрозе и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций является эвакуация населения. Перемещение значительных масс людей

является весьма сложным процессом, требующим от государственных органов тщательного планирования, организации и поддержания взаимодействия. Безусловно, следует согласиться с точкой зрения исследователя, что в процессе эвакуации людей при угрозе либо наступлении чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера могут возникнуть неразбериха, паника и нарушение общественного порядка [1, с. 27].

Изложенное позволяет предположить, что силы народных дружин, задействованные с участковыми уполномоченными полиции при проведении аварийно-спасательных работ, спасении граждан, охране имущества, оставшегося без присмотра, и охране общественного порядка в общественных местах, будут объективно необходимыми и внесут определенный вклад в поддержание правопорядка на территории административного участка.

Следующим актуальным направлением взаимодействия является использование дружинников при выявлении и пресечении административных правонарушений, направленных на права граждан, собственность, против порядка управления, посягающих на здоровье и общественную нравственность, общественный порядок и общественную безопасность, совершаемых в жилом секторе и других общественных местах обслуживаемой территории.

Дружинники могут содействовать сотруднику полиции в установлении свидетелей или очевидцев противоправного деяния, поиске предметов административного правонарушения, дополнительных доказательств, в т.ч. посредством установления наличия систем видеонаблюдения в районе места происшествия в целях получения цифровой записи с последующим приобщением к материалам дела. Кроме этого, как отмечалось выше, имея численное превосходство по отношению к правонарушителю, участковый уполномоченный полиции без привлечения ближайшего наряда полиции сможет с помощью дружинников осуществить его задержание и доставление в территориальный орган МВД России. При этом в критических и экстремальных ситуациях дружинники окажут помощь сотруднику полиции в силовом воздействии на правонарушителя.

В поддержку сформулированных нами обстоятельств, подтверждающих целесообразность привлечения народных дружин к охране общественного порядка на территории административного участка, необходимо отметить и право дружинников на применение физической силы при устранении опасности, непосредственно угрожающей им или иным лицам. Так, при задержании лиц, совершивших в общественных местах административные правонарушения или преступления, дружинник имеет право наравне с сотрудником полиции применить физиче-

скую силу в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости в пределах, установленных законодательством Российской Федерации [4].

В завершение отметим, что вопросы взаимодействия участковых уполномоченных полиции с народными дружинами в сфере обеспечения охраны общественного порядка не должны оставаться декларативными и восприниматься сотрудниками полиции

как излишне «навязанные» и не представляющие интереса в поддержании правопорядка. Проведенное нами исследование подтверждает, что грамотно организованное взаимодействие позволит участковому уполномоченному полиции оптимально использовать имеющиеся ресурсы дружинников в рамках административной деятельности на территории обслуживаемого участка.

Литература

1. Грищенко Л.Л. Обеспечение безопасной эвакуации населения из районов чрезвычайных ситуаций // Безопасность бизнеса. 2017. № 3.
2. Зайцев И.А., Репьев А.Г. О некоторых проблемах совершенствования законодательства в сфере участия граждан в охране общественного порядка // Административное право и процесс. 2015. № 3.
3. О несении службы участковым уполномоченным полиции на обслуживаемом административном участке и организации этой деятельности [Электронный ресурс]: приказ МВД России от 29 марта 2019 г. № 205. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Об участии граждан в охране общественного порядка [Электронный ресурс]: федеральный закон от 2 апреля 2014 г. № 44-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Щербаков О.Н. Отдельные аспекты участия граждан в охране общественного порядка // Административное и муниципальное право. 2016. № 5.

УДК 351.741

Д.О. Заречнев, канд. пед. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России;

А.А. Левченко
Барнаульский юридический институт МВД России;

Б.А. Федулов, доктор пед. наук, профессор
Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: fedulovb@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ЛИЧНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СОТРУДНИКОВ ПОЛИЦИИ ПРИ ВЫПОЛНЕНИИ СЛУЖЕБНО-БОЕВЫХ ЗАДАЧ

В статье рассматриваются особенности правового обеспечения личной безопасности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач в современных условиях. Выделяются проблемные вопросы правового регулирования и правоприменительной практики, влияющие на эффективность деятельности сотрудников полиции. Проведен анализ состояния обеспечения личной безопасности при реализации положений необходимой обороны и крайней необходимости, которые присущи для условий выполнения служебно-боевых задач, а также приведен зарубежный опыт в решении данной проблемы. Предложены рекомендации по совершенствованию правовой базы регулирования деятельности сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач.

Ключевые слова: личная безопасность, сотрудник полиции, служебно-боевые задачи, необходимая оборона, условия крайней необходимости, правовое регулирование.

D.O. Zarechnev, Candidate of Pedagogical Sciences,
assistant-professor

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

A.A. Levchenko
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia;

B.A. Fedulov, Doctor of Pedagogical Sciences, professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: fedulovb@mail.ru

FEATURES OF LEGAL SUPPORT FOR THE PERSONAL SAFETY OF EMPLOYEES POLICE WHEN PERFORMING COMBAT MISSIONS

The article discusses the features of legal support for the personal safety of police officers when performing combat missions in modern conditions. The problematic issues that arise in various situations and affect the degree of legality and effectiveness of police officers are highlighted. The analysis of ensuring personal security in the implementation of the provisions of the necessary defense and emergency, which are inherent in the conditions for the performance of military-combat missions, is given, as well as foreign experience in solving the identified problem. The directions of improving the legal framework and organizational measures to regulate activities in the performance of military-combat missions are proposed.

Key words: personal security, police officer, combat missions, necessary defense, emergency conditions, legal regulation.

Проблема обеспечения личной безопасности сотрудников полиции приобретает в современных условиях особую остроту. В наибольшей степени эта проблема проявляется при выполнении служебно-боевых задач, связанных с задержанием правонарушителей, применением физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия. По данным ГИАЦ МВД России, только в Алтайском крае за 2018 год ста пятидесяти сотрудникам полиции в ходе выполнения служебных обязанностей был причинен вред здоровью, в 2019 г. количество пострадавших сотрудников увеличилось до ста пятидесяти трех. Только за 2018 год в регионе возбуждено 366 уголовных дел по ст. 317-319 Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), предусматривающим ответственность за посягательство на жизнь, применение насилия в отношении сотрудника полиции, а также оскорбление. Стоит отметить, что в 2019 г. количество возбужденных уголовных дел по вышеуказанным статьям возросло до 420.

При этом сами сотрудники полиции боятся быть привлеченными к ответственности за превышение правил необходимой обороны и крайней необходимости. Например, по ст. 286 УК РФ (превышение должностных полномочий) мы видим негативную динамику: в 2016 г. в целом по России возбуждено 2633 уголовных дел в отношении сотрудников полиции; в 2017 г. количество возбужденных уголовных дел увеличилось до 3258, а в 2018 г. их стало 3425 [2]. Большое количество возбуждаемых уголовных дел в отношении сотрудников полиции приводит к тому, что сотрудник при возникновении условий применения оружия медлит, сомневаясь в правомерности своих действий, чем ставит под угрозу не только свою жизнь и здоровье, но и безопасность окружающих [3, с. 371].

Вместе с этим необходимо отметить, что деятельность сотрудников полиции при выполнении служебно-боевых задач принципиально отличается от условий повседневной жизнедеятельности граждан в сторону увеличения риска. При этом право на необходимую оборону (с наличием ограничений, связанных с ее превышением) имеют в равной мере все лица независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки, служебного положения, согласно ч. 3 ст. 37 УК РФ [7], что, на наш взгляд, требует уточнений и разграничений.

Говоря о специфике служебно-боевых задач, стоит уточнить, что это профессиональные задачи, связанные с задержанием преступников, освобождением заложников, проведением специальных операций, предотвращением различных правонарушений и т.п. Здесь сотрудник полиции выступает барьером, защищающим государство и общество, жизнь и здоровье сотрудника обладают повышенной ценностью. В связи с вышеизложенным считаем, что общие по-

ложения о необходимой обороне не могут в полной мере обеспечить личную безопасность сотрудников полиции в рассматриваемых условиях.

В контексте обсуждаемой проблемы можно рассмотреть случай, произошедший на Матвеевском рынке в г. Москве, когда в рамках оперативно-разыскных мероприятий сотрудники полиции прибыли на рынок для задержания уроженца Республики Дагестан, подозреваемого в тяжком преступлении, ответственность за которое предусмотрена ст. 131 УК РФ. При задержании родственники преступника оказали сопротивление и препятствовали законным действиям сотрудников полиции. В ходе конфликта один из родственников преступника нанес удар в область головы сотрудника тяжелым тупым предметом, причинив тем самым тяжкий вред здоровью, в этот момент преступник беспрепятственно скрылся. Прибывшие с оперуполномоченным уголовного розыска двое сотрудников полиции бездействовали, сомневаясь в правовом основании применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия [4]. К сожалению, подобных примеров множество.

Вышеуказанное происшествие, а также аналогичные по ситуации являются подтверждением того, что основные причины бездействия сотрудников – сомнения в правовой основе своих действий, чувство незащищенности, страх необоснованного преследования.

Более того, проведенный анализ ст. 23 ФЗ «О полиции» показывает, что порядок применения оружия сотрудником полиции при угрозе его жизни и здоровью значительно ужесточен по сравнению со схожей ситуацией, в которой оказывается обычный гражданин. Это вызвано особой ролью сотрудника как представителя государственной власти, наличием у него повышенного уровня знаний, навыков и умений обращения с оружием, а также с риском возможных злоупотреблений.

Поэтому мы считаем, что необходимо конкретизировать ситуации применения положений, предусмотренных ст. 23 ФЗ «О полиции», и норм о необходимой обороне и крайней необходимости сотрудником полиции, иначе эффективность служебно-боевой деятельности будет снижена.

В настоящее время формируется определенная система обеспечения личной безопасности сотрудников ОВД, учитывающая специфику правоохранительной деятельности в целом. В процессе профессиональной подготовки уделяется достаточно серьезное внимание занятиям, которые проводятся с моделированием ситуаций, где отрабатываются приемы применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, в то же время правовое обеспечение этих действий рассматривается поверхностно. Существует потребность в дальней-

шем совершенствовании правовых основ для обеспечения личной безопасности сотрудников полиции от посягательства преступных элементов при выполнении служебно-боевых задач [8, с. 197]. При этом результатом правовой защиты сотрудника полиции является правовая защищенность, что является высокой степенью защиты сотрудников полиции, которая характеризуется предоставлением широких правомочий, установленных нормативно-правовыми актами РФ [1, с. 5]. Стоит всегда учитывать особый статус сотрудника полиции в сфере данных правоотношений и рассматривать положения о защищенности сотрудников в более широком толковании, чем это определено в понятии «необходимая оборона».

Также немаловажным фактором выступает применение сотрудниками полиции различных средств самообороны, обладающих высоким останавливающим воздействием. Как показывает практика, табельное огнестрельное оружие не всегда является эффективным. Один из примеров – случай, произошедший в г. Сургуте в 2019 г., когда во дворе жилого дома на двух сотрудников патрульно-постовой службы полиции напал мужчина с ножом, нанеся сотрудникам несколько ножевых ранений, в результате которых один из сотрудников погиб. Прибывшие на помощь сотрудники Росгвардии в общей сложности произвели тринадцать выстрелов, после которых преступник упал, но продолжал противоправные действия, пытаясь нанести удары ножом лежащему рядом раненому сотруднику полиции [5]. Данный факт подтверждает, что табельное огнестрельное оружие в некоторых ситуациях является слабоэффективным и обладает низким останавливающим воздействием. Во многих случаях для того, чтобы остановить правонарушителя посредством применения табельного огнестрельного оружия, сотруднику полиции приходится стрелять на поражение, исходя из чего минимизировать причиненный вред здоровью не представляется возможным.

На наш взгляд, более эффективным останавливающим воздействием обладает оружие ограниченного поражения, например бесствольный пистолет Оса ПБ-4. Для данного оружия предусмотрена крупнокалиберная резиновая пуля, которая обладает упругой деформацией, что усиливает останавливающий эффект и минимизирует проникающую способность. Также к пистолету разработаны светозвуковые патроны, которые в некоторых случаях позволят минимизировать причиненный вред, оказав психологическое воздействие.

Отдельно стоит отменить дистанционно-контактное электрошоковое оружие, которое способно подстроиться под физиологические свойства правонарушителя, а также физико-химические изменения в зоне поражения во время воздействия. Контур

устройства передает энергию, обладающую поражающим фактором, от устройства к правонарушителю в виде специального импульса, тем самым блокируя двигательные и сенсорные нервы. Такая блокада очень эффективна в отношении правонарушителей, имеющих высокий болевой порог (лиц, находящихся в алкогольном или наркотическом опьянении, в состоянии сильного стресса, подготовленных или тренированных правонарушителей, способных проявить агрессию и оказать физическое сопротивление).

Законодательством предусмотрено применение сотрудником полиции служебного огнестрельного оружия ограниченного поражения, однако на практике такое оружие не выдается. Наличие служебного травматического или иного оружия самообороны при выполнении служебно-боевых задач позволит сотрудникам полиции более уверенно действовать в неоднозначной оперативной обстановке, а также снизить сомнения по фактам превышения допустимого вреда правонарушителям.

Говоря о личной безопасности, отметим, что многие сотрудники полиции выполняют ежедневно служебные обязанности без получения табельного оружия и специальных средств, что в большей мере подвергает их жизнь риску. Отдельно выделим, что оружие ограниченного поражения, не состоящее на вооружении полиции, сотрудник полиции имеет право применять лишь при отсутствии у него необходимых специальных средств или табельного огнестрельного оружия, как подручное средство, что также усложняет служебную деятельность. Это подразумевает необходимость правовой регламентации применения оружия ограниченного поражения, не состоящего на вооружении полиции.

Обращаясь к зарубежному опыту, стоит обратить внимание на практику США, где полицейские применяют оружие в каждом случае существования подозрения на то, что их жизни может угрожать опасность. При этом в американском законодательстве нет четких правил, регулирующих порядок применения огнестрельного оружия, все зависит от конкретных условий. Говоря об ограничениях на применение огнестрельного оружия сотрудниками полиции, законодательно выделяется два пункта: против невооруженного убегающего преступника, без наличия на то объективной необходимости [6].

Сравнительный анализ норм уголовного законодательства России и США относительно применения огнестрельного оружия показывает, что сотрудник полиции США в правовом поле более защищен и имеет минимум ограничений на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия.

Говоря о сравнении судебной практики, очевидны принципиально разные подходы к решению

проблем по реализации данного института. При разбирательстве дел американские суды исходят из презумпции невиновности сотрудников полиции, что позволяет последним быть более уверенными в реализации предоставленного им права на самооборону, гарантирующую личную безопасность. Вместе с этим сотрудники полиции США в судебных разбирательствах выступают как незаинтересованные лица, в связи с чем в спорных ситуациях суд принимает всегда сторону сотрудника.

Исходя из вышеизложенного, предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 37 УК РФ, в которой необходимо сделать разграничение действий в пределах необходимой обороны гражданских лиц и сотрудников

правоохранительных органов с учетом особенностей деятельности при выполнении служебно-боевых задач.

Также предлагаем внести изменения в ч. 3 ст. 18 Федерального закона «О полиции», позволив сотрудникам полиции применять оружие ограниченного поражения, не состоящее на вооружении, не только в случае отсутствия табельного огнестрельного оружия, а как альтернативу в тех ситуациях, когда его применение более целесообразно и эффективно. Предложенные изменения позволят сотрудникам полиции более уверенно действовать при выполнении служебно-боевых задач, что, в свою очередь, обеспечит личную безопасность сотрудника полиции.

Литература

1. Анохина С.Ю., Овчинникова О.Д., Черепанова О.С., Шаганян А.М. Нормативно-правовое регулирование социальной и правовой защищенности сотрудников органов внутренних дел. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. 44 с.

2. ГИАЦ МВД России. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen, 2020 (дата обращения: 15.01.2020).

3. Задонских С.П. К вопросу применения сотрудниками полиции оружия самообороны для обеспечения личной безопасности // Проблемы совершенствования российского законодательства: сборник тезисов Всероссийской научной конф-ции курсантов, слушателей и студентов. Барнаул: БЮИ МВД России, 2019. С. 371-373.

4. Московский комсомолец 2014. URL: <https://www.mk.ru/social/2014/05/30/itog-draki-na-matveevskom-gynke.html> (дата обращения: 12.01.2020).

5. Московский комсомолец 2019. URL: <https://www.mk.ru/incident/2019/08/02/podrobnosti-ubiystva-policeyskogo> (дата обращения: 12.01.2020).

6. Примерный Уголовный кодекс США // Юридическая Россия. URL: <http://law.edu.ru/norm/norm.asp> (дата обращения: 12.01.2020).

7. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Федулов Б.А. Факторы, определяющие чрезвычайные ситуации социального характера, и их влияние на деятельность ОВД // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями: мат-лы четырнадцатой международной научно-практ. конф-ции. Барнаул: БЮИ МВД России, 2016. Ч. 2. С. 197-199.

УДК:342.951:325.14

А.Н. Прокопенко, канд. техн. наук, доцент

Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина

E-mail: aprokopenko11@mvd.ru

К ВОПРОСУ О НЕОБХОДИМОСТИ ПОДТВЕРЖДЕНИЯ ИНОСТРАННЫМИ ГРАЖДДАНАМИ ЗНАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА

В статье рассматриваются вопросы преобразования и оптимизации миграционного законодательства. Анализируются требования миграционного законодательства и законодательства о гражданстве Российской Федерации о необходимости подтверждения иностранными гражданами знания русского языка. Рассматриваются такие категории иностранных граждан, как трудовые мигранты, лица, обращающиеся за получением разрешения на временное проживание и вида на жительство, участники программы переселения соотечественников, носители русского языка, лица, претендующие на получение гражданства России. Делается вывод о необходимости унификации правил подтверждения знания иностранными гражданами русского языка, а также распространения данных требований на всех лиц, претендующих на получение российского гражданства. Предлагается внести изменения в нормативные правовые акты, реализующие предложенную унификацию.

Ключевые слова: миграция, трудовая миграция, программа переселения соотечественников, миграционная политика, подтверждение знания русского языка.

A.N. Prokopenko, Candidate of Technical Sciences,
assistant-professor

Putilin Belgorod Law Institute of Ministry of the Interior of Russia

E-mail: aprokopenko11@mvd.ru

REVISITING THE NEED OF CONFIRMATION THE RUSSIAN LANGUAGE SKILLS BY FOREIGN CITIZENS

The article deals with the issues of transformation and optimization of migration legislation. The article analyzes the requirements of migration legislation and legislation on citizenship of the Russian Federation on the need for foreign citizens to confirm their knowledge of the Russian language. The article considers such categories of foreign citizens as labor migrants, persons applying for temporary residence permits and residence permits, participants in the program of resettlement of compatriots, native speakers of the Russian language, and persons applying for Russian citizenship. The conclusion is made that it is necessary to unify the rules for confirming the Russian language skills by foreign citizens, as well as to extend these requirements to all persons applying for Russian citizenship. It is proposed to make changes to the normative legal acts implementing the proposed unification.

Key words: migration, labor migration, program of resettlement of compatriots, migration policy, confirmation the Russian language skills.

Возрастание миграционных потоков, увеличение трудовой миграции, осложнение миграционной ситуации в Российской Федерации в 2000-х годах привели к необходимости преобразования миграционной сферы. В период с 2002 г. по 2010 г. был сформирован межотраслевой институт правового регулирования миграции. Принятый базовый Федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» [2] регулирует «отношения между иностранными гражданами, с одной стороны, и органами государственной власти, органами местного самоуправления, должностными лицами указанных органов, с другой стороны». Кроме того, была установлена административная ответственность за привлечение к труду незаконных мигрантов, создана система квотирования, введено обязательное медицинское обследование мигрантов, осуществлены другие усовершенствования в миграционной сфере.

Одной из проблем, с которой столкнулась Российская Федерация, было плохое знание русского языка приезжающими мигрантами, особенно трудовыми мигрантами из государств Средней Азии. Первая волна мигрантов, приехавшая в 1990-х гг. из Узбекистана, Киргизии, Таджикистана, окончила школу во времена СССР и знала русский язык хотя бы на уровне, позволяющем изъясняться, достаточном для понимания. Однако в 2000-х гг. к нам в страну начали приезжать трудовые мигранты, закончившие школу в период независимости и не изучавшие русский язык. Это привело к появлению большого количества иностранных работников, причем только некоторые из них могли разговаривать на русском языке.

Для устранения возникшей ситуации сначала в законодательство о гражданстве России, а затем и в миграционное законодательство были введены требования о подтверждении иностранным гражданином знания русского языка. Сами по себе подобные требования не вызывают никаких возражений, могут только приветствоваться и полностью соответствуют международной практике. Однако их реализация в российских условиях вызывает некоторые вопросы и требует корректировки. Рассмотрим установленные правила более подробно.

Для мигрантов, которые приезжают в Россию с целями соискания работы или для временного проживания, обязанность подтверждения владения русским языком установлена ст. 15.1 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в РФ», введенной Федеральным законом от 20.04.2014 № 74-ФЗ [4]. В соответствии с данной статьей подтверждение знания русского языка осуществляется одинаково как трудовыми мигрантами, так и лицами, приехавшими в Россию для постоянного проживания.

Существует три подхода к подтверждению мигрантами своего знания русского языка. Первым ва-

риантом подтверждения является наличие у мигранта документа об образовании, выданного в СССР или Российской Федерации. Вторым вариантом подтверждения знания русского языка является сдача иностранным гражданином комплексного экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации с получением соответствующего сертификата. Не требуется подтверждение знания русского языка мужчинам старше 65 лет и женщинам старше 60 лет, а также несовершеннолетним. Таким образом, большинство современных мигрантов обязаны подтверждать свое знание русского языка.

Требования к минимальному уровню знаний и порядок проведения экзамена утверждены Приказом Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1156 [12]. В соответствии с данным приказом мигранты сдают комплексный экзамен не только по русскому языку, но и по основам законодательства Российской Федерации и истории России. Русский язык принимается на основании собеседования с иностранным гражданином и прохождения им теста. История и основы российского законодательства сдаются в формате тестирования. Результатом сдачи комплексного экзамена является сертификат, подтверждающий знание мигрантом основ законодательства и истории России, а также русского языка. Приказом Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154 [13] утверждена форма данного сертификата, срок действия которого составляет пять лет.

Отдельные категории мигрантов законодательно освобождены от необходимости подтверждения знания русского языка. К ним относятся следующие иностранные граждане:

- недееспособные или ограниченные в дееспособности;
- являющиеся участниками Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом, и члены их семей, переселяющиеся совместно с ними в Российскую Федерацию;
- высококвалифицированные специалисты и члены их семей;
- обратившиеся с заявлением о выдаче вида на жительство в связи с признанием носителями русского языка в соответствии со ст. 33.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации» [6];
- являющиеся гражданами Союзного государства, образованного Российской Федерацией и Республикой Беларусь.

Недееспособные, ограниченные в дееспособности, дети и пожилые мигранты, как правило, являются членами семей других иностранных граждан, переезжают не самостоятельно и не претендуют на

рабочие места. После получения вида на жительство иностранные граждане пенсионного возраста начинают получать пенсию по российскому законодательству, а дети и недееспособные граждане находятся на содержании у родственников.

Следующие четыре категории иностранных граждан, освобожденных от подтверждения знания русского языка, являются специфическими категориями лиц. Высококвалифицированные специалисты представляют ценность для страны и без знания русского языка, а граждане Беларуси знают русский язык. Лица, являющиеся участниками программы по переселению соотечественников, и носители русского языка получают российское гражданство по упрощенной процедуре. Для данных категорий лиц подтверждение знания русского языка на начальном этапе не предусмотрено.

Иностранный гражданин признается носителем русского языка на основании решения специальной комиссии в том случае, если он сам или его родственники по прямой восходящей линии постоянно проживают или ранее постоянно проживали на территории Российской Федерации либо на территории, относившейся к Российской империи или СССР, в пределах Государственной границы России. Комиссия должна установить, что носители русского языка разговаривают на нем в быту и семье, используют русскоязычный контент в культурной сфере, т.е. слушают музыку, смотрят фильмы, читают новости на русском языке. Правила проведения собеседования с носителями русского языка установлены Приказом МВД России от 28.09.2017 № 738 [11].

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 24.05.1999 № 99-ФЗ «О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом» [5] соотечественниками признаются в том числе «лица, состоявшие в гражданстве СССР, проживающие в государствах, входивших в состав СССР, получившие гражданство этих государств или ставшие лицами без гражданства». Необходимо отметить, что подавляющее большинство участников программы переселения соотечественников – это граждане республик бывшего СССР, которые приняли решение переехать в Россию.

Отдельно необходимо остановиться на вопросе подтверждения знания русского языка иностранными гражданами при получении гражданства России. Частью 1 статьи 13 Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации» установлено, что иностранные граждане, обращающиеся за получением российского гражданства, должны владеть русским языком.

В соответствии с Указом Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации» [10] владение русским языком

подтверждается или документом об образовании, или сертификатом о прохождении государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку. Документ об образовании должен подтверждать получение образования на уровне школы (не ниже основного общего образования) до 1991 г. на территории СССР или после 1 сентября 1991 г. на территории России. Кроме того, документ об образовании может быть выдан иностранным государством, в котором русский язык является одним из государственных языков.

Правила проведения государственного тестирования, перечень образовательных организаций, проводящих тестирование, и форма его проведения утверждены Приказом Минобрнауки России от 18.06.2014 № 667 [14]. Тестирование может проводиться как в устной, так и в письменной формах, причем с использованием компьютерных и дистанционных технологий. Приказом Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 установлено семь уровней владения русским языком как иностранным языком: элементарный, базовый для трудящихся мигрантов, базовый, первый, второй, третий и четвертый. Причем иностранный гражданин, претендующий на гражданство России, должен подтвердить знание русского языка в объеме не ниже базового [15].

Необходимо отметить, что до 2012 г. участники программы переселения соотечественников и члены их семей не должны были подтверждать знание русского языка. Однако Указом Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 данная норма отменена [9].

Подводя итог рассмотрению необходимости подтверждения иностранными гражданами русского языка, можно подразделить всех мигрантов на следующие группы.

Для категории трудовых мигрантов, получающих разрешение на работу или патент, обязательно прохождение комплексного экзамена на знание истории и основ законодательства России, а также русского языка.

Иностранные граждане, являющиеся носителями русского языка, экзамен не сдают и подтверждают свой статус в ходе собеседования.

Участники программы переселения соотечественников сдают экзамен по русскому языку только при подаче документов на получение гражданства.

Для лиц, получающих гражданство России посредством последовательного получения разрешения на временное проживание и вида на жительство, экзамен по русскому языку сдается дважды. На этапе получения разрешения на временное проживание мигрант сдает комплексный экзамен на знание истории и основ законодательства России, а также русского языка. На этапе подачи документов на получение российского гражданства иностранный гражданин сдает экзамен только на знание русского языка.

Мигранты пенсионеры, несовершеннолетние, недееспособные, а также высококвалифицированные специалисты и члены их семей освобождены от сдачи экзамена на знание русского языка.

Анализ положений Приказа Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154 и Приказа Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 позволяет сделать вывод, что требования к уровню знания русского языка, содержащиеся в данных нормативных правовых актах, являются практически идентичными. Кроме того, нужно заметить, что стоимость сдачи экзамена составляет не менее десяти тысяч рублей на одного человека, что оказывается достаточно существенным для большинства мигрантов.

В результате наличие двух разных экзаменов и целых семи уровней одного из них, которые не имеют никакого практического применения, породило путаницу и стало источником возмущения мигрантов необходимостью дважды сдавать экзамен, а также тем, что срок действия сертификата составляет всего пять лет.

Считаем, что в данной области необходима унификация. Поскольку у приезжающих мигрантов есть всего две цели прибытия: работа или переезд на постоянное жительство в Россию, то необходимо разделить экзамены по русскому языку на две группы. Для трудовых мигрантов необходимо предусмотреть минимальные требования к комплексному экзамену. Для лиц, связывающих свою судьбу в дальнейшем с Россией, требования должны быть существенно выше. Причем в программу экзамена и для тех и для других должно быть включено знание истории России и основ российского законодательства опять же в разных объемах. Неправильной представляется ситуация, когда трудовые мигранты изучают российское законодательство и сдают экзамен по его основам, а лица, претендующие на российское гражданство, не изучают и не сдают.

Кроме того, необходимо устранить разночтения в правилах, устанавливающих разный подход к сдаче русского языка. Часть иностранных граждан сдает только экзамен по русскому языку, большая часть сдает два экзамена, а носители русского языка только проходят собеседование в специальной комиссии. Полагаем, что исключения из правила обязательного подтверждения знаний истории и основ законодательства России и русского языка путем сдачи комплексного экзамена не допустимы. Вне зависимости от порядка получения гражданства России (как носитель русского языка, как соотечественник, на общих основаниях) иностранный гражданин должен сдавать указанный комплексный экзамен.

Иностранный гражданин должен определиться с тем, какова цель его прибытия в Россию, пройти обучение при необходимости и сдать экзамен или как трудовой мигрант, или как будущий гражданин нашей

страны. Причем второй, более высокий уровень экзамена должен автоматически позволять мигранту получать при желании патент и претендовать на работу. В дальнейшем он может претендовать на получение российского гражданства по одной из используемых схем, однако экзамен им уже сдан и подтверждения знания русского языка, истории и законодательства далее не требуется. Причем экзамен должен быть однократным и не пересдаваться каждые пять лет. Сведения о сданных экзаменах должны содержаться в федеральной информационной системе «Федеральный реестр сведений о документах об образовании и (или) о квалификации, документах об обучении».

Для реализации изложенных предложений необходимо внести следующие изменения в нормативные правовые акты:

1. В Приказе Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154 «Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации и технических требований к нему» необходимо предусмотреть два уровня знания истории и основ законодательства России и русского языка. Первый – более низкий для трудовых мигрантов. И второй уровень – повышенный для лиц, приехавших в Российскую Федерацию для постоянного проживания и дальнейшего получения российского гражданства.

2. Распространить действие Приказа Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154 на правоотношения, возникающие при оформлении документов на получение гражданства России. Для этого требуется отменить приказы Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 «Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним» и от 18.06.2014 № 667 «Об утверждении формы и Порядка проведения государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку». В результате документом, подтверждающим знание русского языка при получении гражданства, должен быть установлен «сертификат о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации». Это потребует внесения изменений в Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 «Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации».

3. Внести изменения в часть 1 статьи 33.1 Федерального закона от 31.05.2002 № 62-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации», предусмотрев обязательность сдачи носителями русского языка комплексного экзамена в соответствии с Приказом Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154. Аналогичные изменения внести в Приказ МВД России от 28.09.2017 № 738.

Также необходимо существенно снизить стоимость проведения экзамена и унифицировать его

содержание за счет применения компьютерного тестирования и дистанционных технологий.

Внедрение предложенных изменений позволит унифицировать подтверждение иностранными гражданами знания русского языка и исключить повторную сдачу экзамена. Выполняя положения Концепции госу-

дарственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы, утвержденной Указом Президента РФ № 622 [7], данные изменения позволят обеспечить простоту, прозрачность процедур и понятность условий получения права на пребывание в России и приобретение гражданства Российской Федерации.

Литература

1. Катаева О.В. Государственно-правовые основы миграции и миграционных процессов: учебник. Белгород: БелЮИ МВД России имени И.Д. Путилина, 2018. 219 с.
2. Малышев Е.А. Государственное управление в сфере внешней трудовой миграции: теория и практика: монография. М.: Юстицинформ, 2017.
3. Миграция населения: теория, политика: учебное пособие / под ред. д-ра экон. наук, проф. О.Д. Воробьевой, д-ра экон. наук, проф. А.В. Топилина. М.: Экономическое образование, 2012. 364 с.
4. О внесении изменений в Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»: федеральный закон от 20.04.2014 № 74-ФЗ // Российская газета. 2014. 23 апр. № 92.
5. О государственной политике Российской Федерации в отношении соотечественников за рубежом: федеральный закон от 24.05.1999 № 99-ФЗ // Российская газета. 1999. 1 июня. № 103.
6. О гражданстве Российской Федерации: федеральный закон от 31.05.2002 № 62-ФЗ // Российская газета. 2002. 5 июня. № 100.
7. О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 31.10.2018).
8. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации: федеральный закон от 25.07.2002 № 115-ФЗ // Российская газета. 2002. 31 июля. № 140.
9. О реализации Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом: Указ Президента РФ от 14.09.2012 № 1289 // Российская газета. 2012. 17 сент. № 213.
10. Об утверждении Положения о порядке рассмотрения вопросов гражданства Российской Федерации: Указ Президента РФ от 14.11.2002 № 1325 // Российская газета. 2002. 19 нояб. № 219.
11. Об утверждении Порядка формирования и работы комиссий по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, требований к специалистам, входящим в состав комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка, Правил проведения комиссией по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка собеседования с иностранным гражданином или лицом без гражданства, требований к форме заявления о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка и к форме решения комиссии по признанию иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка о признании иностранного гражданина или лица без гражданства носителем русского языка: приказ МВД России от 28.09.2017 № 738 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 14.11.2017).
12. Об утверждении формы, порядка проведения экзамена по русскому языку как иностранному, истории России и основам законодательства Российской Федерации и требований к минимальному уровню знаний, необходимых для сдачи указанного экзамена: приказ Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1156 // Российская газета. 2014. 24 сент. № 217.
13. Об утверждении формы, порядка выдачи сертификата о владении русским языком, знании истории России и основ законодательства Российской Федерации и технических требований к нему: приказ Минобрнауки России от 29.08.2014 № 1154 // Российская газета. 2014. 15 окт. № 235.
14. Об утверждении формы и Порядка проведения государственного тестирования по русскому языку как иностранному языку: приказ Минобрнауки России от 18.06.2014 № 667 // Российская газета. 2014. 15 авг. № 184.
15. Об утверждении уровней владения русским языком как иностранным языком и требований к ним: приказ Минобрнауки России от 01.04.2014 № 255 // Российская газета. 2014. 20 июня. № 136.
16. Озеров И.Н., Карагодин А.В., Ряпухина И.А., Катаева О.В. Современные проблемы исполнения административного наказания в виде административного штрафа за правонарушения в сфере миграции // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2014. № 8 (51). С. 108-112.

УДК 342.922

С.Н. Шаклеин

адъюнкт Дальневосточного юридического института МВД России

E-mail: shaklein83@mail.ru

К ВОПРОСУ ВЫБОРА ВИДА И РАЗМЕРА (СРОКА) АДМИНИСТРАТИВНЫХ НАКАЗАНИЙ, НАЗНАЧАЕМЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ АДМИНИСТРАТИВНЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ В ОБЛАСТИ ДОРОЖНОГО ДВИЖЕНИЯ

Статья посвящена проблемным аспектам привлечения к ответственности лиц, совершивших административные правонарушения в сфере дорожного движения. Изучаются мнение ученых-административистов и зарубежный опыт в области эффективного назначения административного наказания за нарушения Правил дорожного движения в целях предупреждения совершения новых правонарушений. Проводится сравнительный анализ действующего уголовного и административного законодательства. Рассматривается судебная практика по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения и проблемы правоприменения. По результатам проведенного теоретического и эмпирического исследования автор пришел к выводу о необходимости разработки критериев выбора вида и размера (срока) административного наказания и закрепления этих критериев в Общей части Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях.

Ключевые слова: административное наказание, административная ответственность, правонарушения в области дорожного движения, вид и размер (срок) административного наказания, предупреждение правонарушений.

S.N. Shaklein

postgraduate student of Far Eastern Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of the Russia

E-mail: shaklein83@mail.ru

REVISITING THE CHOICE OF TYPE AND SIZE (PERIOD) OF ADMINISTRATIVE PUNISHMENTS IMPOSED FOR ADMINISTRATIVE OFFENSES IN ROAD TRAFFIC

The article is devoted to the problematic aspects of bringing to justice persons who have committed administrative offenses in of road traffic. The author studies the opinion of administrative scientists and foreign experience in the field of effective administrative punishment for traffic violations in order to prevent the commission of new offenses. A comparative analysis of the current criminal and administrative legislation is carried out. Judicial practice in cases of administrative offenses in the field of traffic and problems of law enforcement are studied. Based on the results of theoretical and empirical research, the author came to the conclusion that it is necessary to develop criteria for choosing the type and size (term) of administrative punishment and fixing these criteria in the General part of the Administrative Offences Code of the Russian Federation.

Key words: administrative punishment, administrative responsibility, offences in the field of road traffic, the type and amount (period) of administrative punishments, the prevention of crime.

Дорожно-транспортные происшествия (далее – ДТП), административные деликты в области безопасности дорожного движения и общественная значимость последствий правонарушений в указанной сфере традиционно находятся в фокусе внимания законодателя, правоприменителя и научного сообщества. Особое место в рассматриваемых правоотношениях занимает институт административной ответственности. Следует согласиться с мнением А.Г. Репьева и К.А. Василькова о том, что значительная часть исследований в науке административного права посвящена первым трем группам мер государственного принуждения, т.е. предупредительным, пресекающим и обеспечительным. При этом вопросы назначения и реализации наказания затрагиваются не так часто [8, с. 84].

Необходимо отметить, что по итогам первого полугодия 2019 г. на территории Российской Федерации отмечается снижение аварийности. Количество ДТП снизилось на 1,3%, число погибших – на 5,4%, раненых – на 0,5%. Вместе с тем, несмотря на определенные позитивные изменения, уровень дорожно-транспортной аварийности в стране остается по-прежнему высоким, поскольку каждое двенадцатое ДТП (8,3%) – со смертельным исходом. По сравнению с аналогичным периодом прошлого года количество ДТП со смертельным исходом снизилось на 3% (с 5992 до 5811). Тяжесть ДТП составила 7 погибших на 100 пострадавших. Всего на улицах и дорогах страны зарегистрировано 70 151 ДТП, в котором погибли 6763 и получили ранения 90 103 человека [5, с. 3].

Значительные размеры социальных и экономических потерь от ДТП придают задаче обеспечения безопасности дорожного движения государственную значимость [1, с. 312]. Именно поэтому В.В. Головкин, О.И. Бекетов и В.И. Майоров полагают, что в настоящее время как никогда требует дальнейшего совершенствования законодательство об административной ответственности в области дорожного движения [3, с. 34].

Таким образом, ситуация с дорожно-транспортной безопасностью остается достаточно напряженной, что вызывает необходимость дальнейшего совершенствования комплексных (социально-правовых, морально-нравственных и общественных) мер противодействия соответствующим правонарушениям и повышения эффективности применения административного наказания.

Как нам представляется, одной из причин рассматриваемой проблемы в сфере безопасности дорожного движения являются недостаточно эффективные меры административного воздействия на правонарушителей. Это мнение обусловлено не столько отсутствием норм материального и процессуального

административного права, устраняющих пробелы в действующем законодательстве, сколько неэффективностью использования уже существующих нормативных правовых актов, в частности, при выборе вида и размера (срока) административного наказания к лицу, совершившему административное правонарушение. В этом смысле неправильное установление вида и размера (срока) административного наказания приводит к тому, что идея правового воздействия за допущенное правонарушение теряет свое превентивное значение, что противоречит целям административного наказания.

Согласно сведениям Судебного департамента при Верховном Суде РФ, в которых содержатся данные о рассмотрении административных правонарушений в 2018 г., предусмотренных главой 12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее – КоАП РФ) [12], можно отметить следующее:

- принято 1 107 436 решений по делам об административных правонарушениях;
- назначено основное наказание в виде штрафа по 678 133 делам;
- вынесено 800 письменных предупреждений;
- 129 994 лица подвергнуты административному аресту;
- лишены права управления 74 918 лиц;
- назначено наказание в виде обязательных работ в отношении 18 270 лиц, причем все эти лица совершили одно и то же правонарушение: управляли автомобилем, не имея права управления (ч. 2 ст. 12.7 КоАП РФ);
- дополнительное наказание в виде лишения права управления транспортным средством назначено 359 247 лицам;
- сумма штрафов, назначенных судами первой инстанции, составила 15 207 682 651 рубль.

Из представленных материалов судебной статистики видно, что тенденция преимущественного назначения административного штрафа за административные правонарушения в области безопасности дорожного движения по-прежнему сохраняется. Увеличивается количество лиц, подвергнутых административному аресту, оно даже превысило число лиц, лишенных права на управление транспортным средством в качестве основного наказания. А вместе с тем А.Г. Репьевым и К.А. Васильковым аргументированно высказано мнение о неэффективности предупредительной функции такого вида наказания, как административный арест [8, с. 86]. Действительно, предупреждение как мера профилактики административного правонарушения практически не применяется, что, по нашему мнению, противоречит цели административного наказания, указанной в ст. 3.1 КоАП РФ.

Помимо прочего, следует отметить, что имеются трудности при определении вида и размера (срока) административного наказания. Так, в санкциях статей Особенной части КоАП РФ распространено наличие альтернативности видов и размеров (сроков) административного наказания. С одной стороны, наличие альтернативных норм позволяет учитывать индивидуальные особенности правонарушителя, его имущественное состояние, отношение к совершенному правонарушению и степень виновности к последствиям административного деликта, его семейное положение и иные индивидуальные обстоятельства дела об административном правонарушении, а также обстоятельства, отягчающие и смягчающие административную ответственность, имеющие значение для соответствующего и соразмерного наказания. Но с другой стороны, это может привести к не единообразному применению нормы права субъектом функциональной власти при реализации своих дискреционных полномочий. Иными словами, отсутствие четких критериев применения того или иного вида наказания, а также его критериев размеров (сроков) приводит к разному определению и назначению административных наказаний.

К примеру, в санкции ст. 12.24 КоАП РФ имеется выбор между лишением права управления и штрафом, причем размер штрафа изменяется в пределах одной части нормы в два и более раза. Если обратиться к правоприменительной практике, то мы увидим, что в судебных решениях обычно дается лишь общий вывод: «учитывая все обстоятельства дела и характер правонарушения, суд решил...», в которых ссылаются на ст. 26.11 КоАП РФ. Таким образом, в судебных решениях совершенно не приводятся какие-либо обоснования, почему в одной ситуации суд решил лишить лицо права управления транспортным средством на 1 год [10], а в другой, при совершенно аналогичных обстоятельствах, – на 1 год и 3 месяца [2].

Для устранения указанной проблемы выбора вида и размера (срока) административного наказания существуют различные мнения. Например, Л.Б. Антонова полагает, что конкретный вид и размер наказания за то или иное административное правонарушение должен быть жестко установлен в законе. Индивидуализация же размера наказания, назначаемого в каждом конкретном случае, должна зависеть не от усмотрения рассматривающего дело лица, а от наличия смягчающих и отягчающих административную ответственность обстоятельств. За каждым из таких обстоятельств необходимо законодательно закрепить соответствующий коэффициент, снижающий или повышающий базовый размер наказания. В результате окончательный размер наказания будет определяться как сумма базового размера и его частей, полученных при применении к нему коэффициентов за

каждое смягчающее и отягчающее ответственность обстоятельство [2, с. 77]. Мнение о введении балльной системы учета нарушений Правил дорожного движения как одного из главных критериев назначения административного наказания высказывали В.В. Головкин, О.И. Бекетов и В.И. Майоров [3, с. 34]. В.В. Зиновенко пишет, что введение балльной системы учета нарушений ПДД и установление на ее основе административной ответственности за данные правонарушения являются фактором повышения эффективности административной ответственности за их совершение. Подобные системы широко используются в зарубежных странах (в Австралии, Великобритании, Германии, Италии, Франции, Польше, Латвии, Литве, Норвегии, Румынии, Словении, США, Чехии и др.) и признаны одним из наиболее эффективных способов обеспечения должного поведения водителей транспортных средств [6, с. 27].

Мы же в свою очередь предлагаем разработать обоснованную систему административного наказания, наличие критериев выбора того или иного вида наказания и его размеров (сроков), особенно в составах с альтернативными наказаниями, а также взаимозаменяемость одного административного наказания на другое (сейчас такой порядок регламентирован лишь в отношении замены административного штрафа на предупреждение (ст. 4.1.1 КоАП РФ)).

В качестве примера предлагаем обратить внимание на нормы уголовного закона. Так, в соответствии с п. 3 ст. 46 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) размер штрафа определяется судом с учетом тяжести совершенного преступления и имущественного положения осужденного и его семьи, а также с учетом возможности получения осужденным заработной платы или иного дохода. С учетом тех же обстоятельств суд может назначить штраф с рассрочкой выплаты определенными частями на срок до пяти лет, т.е. УК РФ содержит перечень обстоятельств, которые суд обязан учитывать при назначении наказания в виде штрафа. Аналогичным образом уголовный закон раскрывает правила назначения других видов наказания. Однако положения КоАП РФ (ст. 4.1) закрепляют лишь общие правила назначения административного наказания, что, по нашему мнению, недостаточно.

В настоящей редакции в КоАП РФ имеются статьи Особенной части, наказание по которым оказывает недостаточное воздействие на сознание правонарушителя, и в некоторых случаях позволяет ему избежать административной ответственности в связи с недостаточностью разработанных санкций, что отрицательно влияет на отношение гражданина к правовым нормам, развивает и укрепляет правовой нигилизм. К примеру, в главе 12 КоАП РФ содержатся статьи, имеющие санкции, не позволяющие

привлечь к ответственности лиц, не имеющих права управления транспортными средствами. Так, ч. 4, 5, 6 ст. 12.5, ч. 3 ст. 12.10, ч. 5 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16 КоАП РФ предусматривают одно наказание в виде лишения права управления. В результате этого лица, совершившие административные правонарушения, квалифицируемые по указанным статьям, не имеющие права управления транспортным средством, избегают административной ответственности, что нарушает принцип неотвратимости административного наказания.

Дополнительным аргументом в пользу необходимости разработать обоснованную систему административного наказания, наличия критериев выбора того или иного вида наказания и его размеров (сроков), как нам представляется, является то основание, что наличие в статьях санкций, имеющих одно административное наказание в виде штрафа единого размера, лишает индивидуальности административное наказание. Например, штраф в размере 500 рублей с оплатой в половину указанной суммы, если он оплачивается не позднее двадцати дней, теряет свою целесообразность в связи с невозможностью реализации принципа соразмерности и индивидуализации наказания, а предупредительная цель не достигается. При таких обстоятельствах фактически исполненное лицом наказание не будет обладать «разумным сдерживающим эффектом, необходимым для соблюдения находящихся под защитой административно-деликтного законодательства запретов», согласно постановлению Конституционного Суда Российской Федерации от 25.02.2014 № 4-П [7].

По мнению А.В. Руденко, введенный законодателем механизм не только создает проблемы при определении размера административного наказания в виде административного штрафа за совершение административных правонарушений, предусмотренных главой 12 КоАП РФ, за исключением административных правонарушений, предусмотренных ч. 1.1 ст. 12.1, ст. 12.8, ч. 6 и 7 ст. 12.9, ч. 3 ст. 12.12, ч. 5 ст. 12.15, ч. 3.1 ст. 12.16, ст. 12.24, 12.26, ч. 3 ст. 12.27 КоАП РФ, но и может способствовать увеличению количества административных правонарушений в данной сфере в связи с несоразмерностью наказания содеянному правонарушению [11, с. 80].

Мы разделяем вышеуказанную позицию и полагаем, что подобная практика привлечения к административной ответственности создает реальную угрозу безопасности не только правонарушителю, но и другим участникам дорожного движения, наказание за такие нарушения явно несоразмерно и неиндивидуализированно, а принцип неотвратимости наказания теряет свою сущность и назначение.

Вместе с тем нельзя сказать, что указанная проблема не была в сфере внимания современных

ученых-административистов. Так, А.Н. Дерюга считает, что использование кумулятивных санкций существенно разнообразит административно-принудительные меры воздействия, расширяя юридические возможности для достижения цели административного наказания – предупреждение совершения новых административных правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами [4, с. 9].

В этой связи мы считаем, что для достижения предупредительной цели привлечения к административной ответственности разумно предусмотреть в статьях главы 12 КоАП РФ санкции, имеющие максимальный и минимальный порог наказания, чтобы у должностных лиц административно-юрисдикционных органов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, имелась возможность индивидуализированно и дифференцированно назначить целесообразное и соразмерное административное наказание. Кроме того, законодателю необходимо определить виды и размеры (сроки) административного наказания, позволяющие субъекту функциональной власти, реализующему свои юрисдикционные полномочия, с учетом индивидуальных особенностей правонарушителя и административного деликта выбрать и назначить соответствующее и соразмерное наказание, оказывающее воспитательное воздействие на него.

Помимо прочего, следует отметить, что наличие вышеуказанных пробелов в применении наказания с позиции профилактики ведет к ложному восприятию правонарушителем вседозволенности и противоправности, искажению морально-нравственных норм и правил поведения, укреплению нигилизма, подрыву авторитета власти, проявлению неуважения к закону. Считаем, что эффективность наказания зависит от степени его влияния на осознание лицом противоправности своих действий (бездействия). При совокупности назначения наказания и ее альтернативности предупредительный эффект наказания становится более глубже, увеличивая длительность чувства ответственности.

Таким образом, для построения эффективной работы института привлечения к административной ответственности в сфере безопасности дорожного движения в Российской Федерации необходима разработка критериев назначения административных наказаний, учитывающих виды и размеры (сроки), позволяющие наиболее полно реализовать принципы соразмерности, индивидуализации и неотвратимости наказания. Наличие альтернативности в административно-правовых санкциях позволит достичь цели административного наказания – предупреждение совершения новых правонарушений как самим правонарушителем, так и другими лицами.

Литература

1. Административная деятельность полиции. Часть Особенная: учебное пособие / под ред. проф. О.И. Бекетова. Омск, 2016. 356 с.
2. Антонова Л.Б. Проблемы назначения административных наказаний // Вестник Воронежского института МВД России. 2015. № 2. С. 75-78.
3. Головкин В.В., Бекетов О.И., Майоров В.И. Повышение эффективности административной ответственности за правонарушения в области дорожного движения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2017. № 2 (65). С. 34-38.
4. Дерюга А.Н., Дерюга Н.Н. Правовой контур административной педологии: проблемы современного состояния // Административное право и процесс. 2018. № 2. С. 4-14.
5. Дорожно-транспортная аварийность в Российской Федерации за первое полугодие 2019 года. Информационно-аналитический обзор. М.: ФКУ НЦ БДД МВД России, 2019. 23 с. URL: <https://media.mvd.ru/files/embed/1653463> (дата обращения: 30.09.2019).
6. Зиновенко В.В. О перспективных направлениях повышения эффективности административной ответственности за совершение правонарушений, посягающих на безопасность дорожного движения // Борьба с преступностью: теория и практика: тезисы докладов IV международной научно-практ. конф-ции (Могилев, 25 марта 2016 г.): в 2 ч. / под ред. Ю.П. Шкаплерова. Могилев, 2016. Ч. 2.
7. По делу о проверке конституционности ряда положений статей 7.3, 9.1, 14.43, 15.19, 15.23.1 и 19.7.3 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с запросом Арбитражного суда Нижегородской области и жалобами обществ с ограниченной ответственностью «Барышский мясокомбинат» и «ВОЛМЕТ», открытых акционерных обществ «Завод «Реконд»», «Эксплуатационно-технический узел связи» и «Электронкомплекс», закрытых акционерных обществ «ГЕОТЕХНИКА П» и «РАНГ» и бюджетного учреждения здравоохранения Удмуртской Республики «Детская городская больница № 3 "Нейрон"» Министерства здравоохранения Удмуртской Республики [Электронный ресурс]: постановление Конституционного Суда РФ от 25.02.2014 № 4-П. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Репьев А.Г., Васильков К.А. «Судебное предупреждение» как новая мера административного наказания // Административное право. 2019. № 2 (89). С. 84-90.
9. Решение Московского городского суда от 22.12.2017 по делу № 7-15872/2017. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Решение Московского городского суда от 14.12.2017 по делу № 7-11795/2017. Документ опубликован не был [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Руденко А.В. Соблюдение принципов соразмерности наказания и индивидуализации наказания при привлечении к административной ответственности // Академический вестник Ростовского филиала Российской таможенной академии. 2016. № 4 (25). С. 77-81.
12. Сводные статистические сведения о деятельности мировых судей за 2018 год. URL: http://www.cdep.ru/userimages/sudebnaya_statistika/2019/F2-svod_vse_sudy-2018.xls (дата обращения: 30.09.2019).

Уголовное право, криминология, уголовно-исполнительное право

УДК 343.76

И.А. Ефимов, канд. юрид. наук
Уральский институт ГПС МЧС России
E-mail: e3efimov@yandex.ru;

Д.С. Токарев, канд. юрид. наук, доцент
Уральский юридический институт МВД России
E-mail: tokarev@uralweb.ru;

Е.В. Выгузова, канд. пед. наук
Уральский институт ГПС МЧС России
E-mail: E.wigusova@mail.ru

ОЦЕНКА ОРУДИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ ДЕЯНИЯ, СОДЕРЖАЩЕГО ПРИЗНАКИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТАТЬЕЙ 168 УК РФ

Статья 168 УК РФ предусматривает преступность деяния, совершенного путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Понятие «источник повышенной опасности» не раскрывается Уголовным кодексом Российской Федерации, что вызывает сложности в правоприменении органами дознания вышеуказанной нормы. Авторы статьи на основе легальных, доктринальных источников, а также примеров судебной практики приняли попытку толкования признака «источник повышенной опасности» для целей ст. 168 УК РФ.

Ключевые слова: источник повышенной опасности, орудие преступления, неосторожное обращение с огнем, механизм, транспортное средство, электрическая энергия высокого напряжения, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды.

I.A. Efimov, Candidate of Juridical Sciences
Ural Institute of State Firefighting Service of Ministry of the Russian
Federation for Civil Defense, Emergencies and Elimination of Consequences
of Natural Disasters

E-mail: e3efimov@yandex.ru;

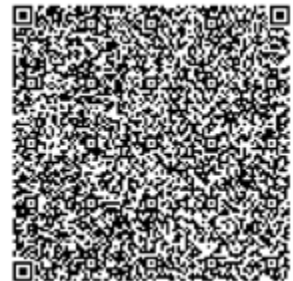
D.S. Tokarev, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: tokarev@uralweb.ru;

E.V. Vyguzova, Candidate of Pedagogical Sciences

Ural Institute of State Firefighting Service of Ministry of the Russian Federation for Civil Defense,
Emergencies and Elimination of Consequences of Natural Disasters

E-mail: E.wigusova@mail.ru

ASSESSMENT OF CRIME INSTRUMENT IN QUALIFICATION OF THE ACT CONTAINING ELEMENTS OF CRIME UNDER THE ARTICLE 168 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The article 168 of the Criminal Code of Russian Federation establishes the criminality of the act committed by careless handling of fire or other sources of increased danger. The notion «source of increased danger» is not disclosed in the Criminal Code of the Russian Federation. This causes difficulties in law enforcement of the above-mentioned norm of the Criminal Code of the Russian Federation by the inquiry bodies. The authors of the article made an attempt to determine the sign «source of increased danger» for the art. 168 of the Criminal Code of the Russian Federation using legal doctrinal sources and examples of the court practice.

Key words: source of increased danger, crime instrument, careless handling of fire, mechanism, vehicle, high voltage electric energy, explosives, strong poisons.

Для решения вопроса о привлечении к уголовной ответственности лица, совершившего деяние, в соответствии со ст. 8 УК РФ правоприменителю уголовного законодательства Российской Федерации необходимо установить все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом РФ.

В теории уголовного права орудие преступления рассматривается как факультативный признак обязательного элемента состава преступления – объективной стороны.

Говоря об уголовно-правовом значении орудия преступления, большинство ученых сходятся во мнении, что если орудие преступления указано законодателем в диспозиции статьи Особенной части УК РФ, то оно становится составообразующим [13]. Следуя данной позиции, если лицо при совершении деяния не использует указанное в диспозиции орудие преступления, необходимо констатировать отсутствие состава преступления, что в процессуальном порядке выражается в постановлении об отказе в возбуждении уголовного дела.

Что касается определения понятия «орудие преступления», принципиально в ключевых моментах большинство авторов дают сходные толкования.

Так, в «Курсе уголовного права» под редакцией Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой дается следующее определение для орудия преступления: «предметы материального мира и процессы, которые используются для преступного воздействия на предмет преступления» [3].

А.С. Денисова определяет орудие преступления как «предметы материального мира, используемые для разрушающего воздействия на предметы преступления или для причинения физического вреда человеку, которые полностью находятся под контролем воли и сознания субъекта, применяются для непосредственного осуществления преступного деяния путем уменьшения количества затрачиваемых усилий или путем концентрации силы» [2].

В соответствии с п. 6 ч. 3 ст. 151 УПК РФ дознание по уголовным делам о преступлениях, предусмотренных статьей 168, частью первой статьи 219, частями первой и второй статьи 261 Уголовного кодекса Российской Федерации, производится органами дознания государственного пожарного надзора Федеральной противопожарной службы.

Диспозиция ст. 168 УК РФ закрепляет преступность деяния, совершенного путем неосторожного обращения с огнем или иными источниками повышенной опасности. Таким образом, орудием данного преступления являются огонь или источники повышенной опасности.

Принимая во внимание, что законодатель использует бланкетную норму, обратимся к Гражданскому кодексу РФ для толкования диспозиции ст. 168 УК

РФ. В соответствии со статьей 1079 ГК РФ «Ответственность за вред, причиненный деятельностью, создающей повышенную опасность для окружающих» под источниками повышенной опасности следует понимать: *транспортные средства, механизмы, электрическую энергию высокого напряжения, атомную энергию, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды и т.п.*

Кроме того, Пленум Верховного Суда Российской Федерации при толковании деяния, закрепленного диспозицией ст. 168 УК РФ, отмечает, что неосторожное обращение с огнем или иными источниками повышенной опасности в смысле части второй статьи 168 и части первой статьи 261 УК РФ может, в частности, заключаться в ненадлежащем обращении с источниками воспламенения вблизи горючих материалов, в эксплуатации технических устройств с неустранимыми дефектами (например, использование в лесу трактора без искрогасителя, оставление без присмотра непогашенных печей, костров либо невыключенных электроприборов, газовых горелок и т.п.) [6].

Норма ГК РФ, с одной стороны, раскрывает понятие «источник повышенной опасности», с другой – не содержит их исчерпывающего перечня, что, в свою очередь, вызывает неоднозначное толкование данного понятия в правоприменении. Пленум Верховного Суда Российской Федерации также приводит лишь частные случаи ситуаций, оцениваемых как неосторожное обращение с источниками повышенной опасности, что в корне не позволяет однозначно решить вопрос об отождествлении той или иной вещи материального мира с источником повышенной опасности.

Так, по данным управления надзорной деятельности и профилактической работы ГУ МЧС России по Свердловской области, в 2018 г. поступило 2504 сообщений о преступлении, предусмотренном ст. 168 УК РФ. По результатам проверки возбуждено 1 уголовное дело, принято 2460 решений об отказе в возбуждении уголовного дела, из них в рамках осуществления прокурорского надзора отменено 217 постановлений.

Анализ причин отмены надзорными органами постановлений об отказе в возбуждении уголовного дела, а также опрос дознавателей, выносивших данные постановления, указывают на то, что признание используемого виновным предмета, механизма и т.д. орудием преступления является одним из ключевых аспектов при решении вопроса о наличии или отсутствии в деянии признаков состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ.

В действительности термины, используемые законодателем в ст. 1079 ГК РФ для определения источника повышенной опасности, в своем содержании требуют дополнительного толкования.

Транспортное средство – в уголовном законодательстве содержится толкование термина «механическое транспортное средство». «Под другими механическими транспортными средствами в настоящей статье и статье 264.1 настоящего Кодекса понимаются трактора, самоходные дорожно-строительные и иные самоходные машины, а также транспортные средства, на управление которыми в соответствии с законодательством Российской Федерации о безопасности дорожного движения предоставляется специальное право» [14]. Однако из содержания определения следует, что данное понятие используется для целей ст. 264, 264.1 УК РФ. В этой связи следует применять понятие, предусмотренное Правилами дорожного движения, – «устройство, предназначенное для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем» [4].

Механизм – данный термин не имеет легального толкования, что и вызывает наибольшие сложности в правоприменении. В этой связи считаем возможным обратиться к доктринальному толкованию, проанализировав ряд толковых словарей.

С.И. Ожегов определяет механизм как внутреннее устройство (система звеньев) машины, прибора, аппарата, приводящее их в действие [10].

В словаре Д.Н. Ушакова дается следующее определение механизма – внутреннее устройство машины или прибора, приводящее машину, прибор в действие [11].

Толковый словарь Т.Ф. Ефремовой раскрывает анализируемое понятие как устройство машины, прибора, аппарата и т.п., приводящее их в действие [12].

Таким образом, любое техническое изделие бытового, хозяйственного, производственного назначения, приводимое в действие посредством имеющегося устройства (системы звеньев), в целях оценки в качестве орудия преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, в результате использования которого лицо уничтожило или повредило чужое имущество в крупном размере, следует признавать таковым.

Электрическая энергия высокого напряжения – в соответствии с ГОСТ Р 54149-2010 напряжение, номинальное среднеквадратическое значение которого превышает 35 кВ, но не превышает 220 кВ [1].

Взрывчатые вещества – данный термин не раскрывается в Уголовном кодексе Российской Федерации, однако имеет легальное толкование в различных сферах правового регулирования общественных отношений. Остановимся лишь на некоторых из них:

- вещества, которые при определенных видах внешнего воздействия способны на очень быстрое самораспространяющееся химическое превращение с выделением тепла и образованием газов [5];

- конденсированное химическое вещество или смесь таких веществ, способные при определенных

условиях под влиянием внешних воздействий к быстрому самораспространяющемуся химическому превращению (взрыву) с выделением большого количества тепла и газообразных продуктов [9].

Кроме того, Приказ Ростехнадзора от 15.09.2011 № 537 «Об утверждении Перечня взрывчатых материалов, оборудования и приборов взрывного дела, допущенных к применению в Российской Федерации» утверждает перечень взрывчатых материалов, оборудования и приборов взрывного дела, допущенных к применению в Российской Федерации [7].

Полагаем, что для целей ст. 168 УК РФ применимо любое из приведенных понятий.

Сильнодействующие яды – для толкования данного термина следует обратиться к списку сильнодействующих и ядовитых веществ для целей статьи 234 и других статей Уголовного кодекса Российской Федерации, а также крупного размера сильнодействующих веществ для целей статьи 234 Уголовного кодекса Российской Федерации, утвержденного Постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964 [8].

Однако, как нами ранее отмечалось, перечень источников повышенной опасности, закрепленный Гражданским кодексом Российской Федерации, не носит исчерпывающий характер. В этой связи в целях единообразного применения уголовного законодательства следует обратиться к примерам судебной практики в части признания орудием преступления для целей ст. 168 УК РФ вещи материального мира в качестве источника повышенной опасности.

Так, приговором Воткинского районного суда Удмуртской Республики от 10.04.2012 по делу № 1-08-13/15310 о признании Харламова Ю.С. виновным в совершении преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, источниками повышенной опасности признаны сварочный аппарат инверторного типа ЮАСИ-200 марки «ЮНИТЭК», электрическая дрель марки Hammer модель UDD 550A, электрическая шлифмашина Hammer [15].

В качестве вывода отметим, что законодатель неслучайно закрепил в качестве обязательного признака состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, орудие – огонь и иные источники повышенной опасности. Тем самым акцентировано внимание на том, что общественно опасным является не просто уничтожение или повреждение чужого имущества в крупном размере, а только в случае использования виновным орудия преступления. Вместе с тем отсутствие законодательного толкования в Уголовном кодексе РФ понятия источников повышенной опасности в целях квалификации по рассматриваемой норме придает данному термину статус оценочного признака. Оценочный признак, с одной стороны, разбивает принцип романно-германской (нормативной)

правовой системы, позволяющей в каждом конкретном случае определять степень общественной опасности содеянного, с другой стороны, в современных условиях интенсивности технического процесса, появления множества бытовых приборов, не требующих специальных навыков эксплуатации, ставит правоприменителя в затруднительную ситуацию относительно возможности отнесения данных приборов к источникам повышенной опасности.

Полагаем, что законодателю необходимо конкретизировать орудие преступления, предусмотренного

ст. 168 УК РФ, или закрепить толкование имеющихся в диспозиции признаков в примечании к данной статье. До внесения указанных изменений в уголовное законодательство Российской Федерации органам дознания при решении вопроса о наличии в действиях лица признаков состава преступления, предусмотренного ст. 168 УК РФ, в части «обращения с огнем и иными источниками повышенной опасности» следует исходить из сложившейся практики судебного и доктринального толкования признаков, приведенных в настоящей статье.

Литература

1. ГОСТ Р 54149-2010 Электрическая энергия. Совместимость технических средств электромагнитная. Нормы качества электрической энергии в системах электроснабжения общего назначения. URL: <http://docs.cntd.ru/document/1200084639>.

2. Денисова А.С. Уголовно-правовое значение орудия и средств совершения преступления: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. URL: <http://lawtheses.com/ugolovno-pravovoe-znachenie-orudiy-i-sredstv-soversheniya-prestupleniya#ixzz5mQIKWKxy>.

3. Курс уголовного права. Общая часть. Том 1: Учение о преступлении / под ред. Н.Ф. Кузнецовой и И.М. Тяжковой. М., 2002.

4. О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») [Электронный ресурс]: постановление Правительства РФ от 23.10.1993 № 1090. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. О промышленной безопасности опасных производственных объектов [Электронный ресурс]: федеральный закон от 21.07.1997 № 116-ФЗ (ред. от 29.07.2018). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О судебной практике по делам о нарушении правил пожарной безопасности, уничтожении или повреждении имущества путем поджога либо в результате неосторожного обращения с огнем [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 5 июня 2002 г. № 14. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. Об утверждении Перечня взрывчатых материалов, оборудования и приборов взрывного дела, допущенных к применению в Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Ростехнадзора от 15.09.2011 № 537. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Постановление Правительства РФ от 29 декабря 2007 г. № 964. URL: <https://base.garant.ru/>.

9. Решение Совета Евразийской экономической комиссии от 20.07.2012 № 57 (ред. от 17.03.2017) «О принятии технического регламента Таможенного союза "О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе"» (вместе с «ТР ТС 028/2012. Технический регламент Таможенного Союза. О безопасности взрывчатых веществ и изделий на их основе») [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Толковый словарь Ожегова. URL: <https://www.endic.ru/ozhegov/Mehanizm-15651.html>.

11. Толковый словарь Д.Н. Ушакова. 1935-1940. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ushakov/859698>.

12. Толковый словарь Ефремовой. 2012. URL: <https://slovar.cc/rus/efremova-tolk/304223.html>.

13. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник для вузов / под ред. В.С. Комиссарова, Н.Е. Крыловой, И.М. Тяжковой. М.: Статут, 2012.

14. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 27.12.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

15. URL: <https://bsr.sudrf.ru/bigsp/portal.html>.

УДК 343.625.5

Ю.А. Западнова, канд. юрид. наук

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: Kap-zapad@yandex.ru;

С.А. Воропаев, канд. юрид. наук

Уральский юридический институт МВД России

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ СПОСОБА СОВЕРШЕНИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ, ПРЕДУСМОТРЕННОГО СТ. 156 УК РФ

Способ совершения преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ («жестокое обращение» с несовершеннолетним), имеет разные подходы к толкованию у правоприменителей (дознавателей, сотрудников подразделений по делам несовершеннолетних, участковых уполномоченных полиции), ученых в области уголовного права и криминологии, а также не имеет точной законодательной регламентации, что создает значительные проблемы в защите законных прав и интересов несовершеннолетних от преступных посягательств. Многочисленные законодательные инициативы по внесению изменений в конструкцию рассматриваемого состава преступления являются подтверждением необходимости выработки аргументированных предложений по совершенствованию законодательства в этой области. Авторами проанализированы значительная эмпирическая база, доктринальный подход других авторов, редакция законопроектов № 14296-7 «О внесении изменения в статью 156 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части введения легального понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним»), на основании чего предложены обоснованные пути решения данной проблемы на законодательном уровне.

Ключевые слова: несовершеннолетний, безнадзорный, неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего, совершенствование мер профилактики, статья 156 Уголовного кодекса Российской Федерации, жестокое обращение с несовершеннолетним.

Ju.A. Zapadnova, Candidate of Juridical Sciences

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: Kap-zapad@yandex.ru;

S.A. Voropaev, Candidate of Juridical Sciences

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

TOPICAL PROBLEMS OF INTERPRETATION MODUS OPERANDI UNDER ARTICLE 156 OF THE CRIMINAL CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

The method of committing a crime under art. 156 of the Criminal Code of the Russian Federation («child abuse») has different approaches to interpretation by law enforcers (investigators, juvenile affairs officers, district police officers), scientists in the field of criminal law and criminology, and also has no precise legislative regulation, which creates significant problems in protecting the legal rights and interests of minors from criminal encroachments. Numerous legislative initiatives to amend the design of the considered elements of a crime are confirmation of the need to develop reasoned proposals to improve legislation in this area. The authors analyzed a significant empirical base, the doctrinal approach of other authors, the editors of draft laws № 14296-7 «On Amendments to Article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation» (in terms of introducing the legal concept of «child abuse»), on the basis of which reasonable solutions this problem at the legislative level were proposed.

Key words: juvenile, neglected, dereliction of duty on the education of the minor, improper performance of duties on education minor, improvement of prevention measures, article 156 of the Criminal Code of the Russian Federation, child abuse.

Сведения, представленные в официальной статистике, свидетельствуют об увеличении количества преступлений в отношении несовершеннолетних в целом по России. Так, по итогам 2014 г. 95 431 несовершеннолетний признан потерпевшим по уголовному делу, в 2015 г. – 102 695 (+7,6%), в 2016 г. – 78 698 (-23,3%), в 2017 г. – 105 519 (+34%), в 2018 г. – 106 779 (+1,2%) [14].

Регистрируемые преступления не отражают большую часть деяний, которые остаются скрытыми от правоохранительных органов. Повышенная латентность преступлений в отношении несовершеннолетних обусловлена разными факторами: страхом перед родителями, стыдом перед сверстниками, давлением со стороны лиц, от которых несовершеннолетний каким-либо образом зависит, психическими особенностями развития ребенка, непониманием происходящих событий в силу незрелости взглядов и некоторыми другими условиями.

Вместе с тем существенную роль в сложившейся ситуации играют проблемы правоприменения, касающиеся дискуссионности вопросов толкования отдельных объективных и субъективных признаков преступлений против несовершеннолетних, в их числе преступление, предусмотренное ст. 156 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) [12]. Краеугольным камнем проблемы применения данной нормы уголовного законодательства, по мнению опрошенных нами инспекторов подразделений по делам несовершеннолетних, дознавателей и участковых уполномоченных полиции Уральского федерального округа, является вопрос о толковании способа рассматриваемого преступления – «жестокое обращение» с несовершеннолетним [4, с. 10].

На сегодняшний день объективная сторона состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, состоит из альтернативных деяний, таких как «неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего» или «ненадлежащее исполнение таких обязанностей», и способа совершения преступления, выступающего в качестве обязательного признака.

При этом Семейный кодекс Российской Федерации (далее – СК РФ) [11] также использует понятие «жестокое обращение» с несовершеннолетним и рассматривает его как одно из оснований для лишения родительских прав, разъясняя в ст. 69 СК РФ, что оно может быть выражено в физическом или психическом насилии над ними, покушении на их половую неприкосновенность [11].

Для толкования вопросов правоприменения семейно-правовых норм Пленум Верховного Суда Российской Федерации в своем постановлении от 10 ноября 2017 г. № 44 «О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных

с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав» разъяснил, что следует понимать под «жестоким обращением» [7].

Однако у правоприменителя все же остался вопрос о распространении данного толкования «жестокое обращение» на нормы уголовного законодательства при квалификации деяния по ст. 156 УК РФ, о чем свидетельствует большое количество противоречий в принимаемых по уголовным делам решениях как на стадии предварительного расследования, так и при вынесении судебных актов.

В связи с этим полагаем, что указанное разъяснение высшей судебной инстанции относится сугубо к области семейно-правовых отношений при установлении основания для лишения родительских прав.

Следует отметить, что в названном постановлении, на наш взгляд, не совсем удачно для применения норм уголовного законодательства используется термин, характеризующий одну из форм «жестокое обращение». В частности, Верховный Суд РФ характеризует «жестокое обращение» через «покушение на половую неприкосновенность», а не через «посягательство на половую неприкосновенность», что может породить вопросы о характере выполняемых виновным действий с точки зрения института неоконченного преступления.

Более того, не вдаваясь в подробности проблемы лексического значения, трудно согласиться с представленным в постановлении толкованием «жестокое обращение» для применения ст. 156 УК РФ, в т.ч. и по сути. Поскольку половые преступления в отношении несовершеннолетних всегда являются более тяжкими по отношению к преступлению, предусмотренному ст. 156 УК РФ, они никогда не смогут рассматриваться в качестве части при конкуренции норм и не будут поглощены способом «жестокое обращение».

Следует отметить, что преступление, предусмотренное ст. 156 УК РФ, относится к категории небольшой тяжести (санкция до 3-х лет лишения свободы). В этой связи при посягательстве на половую неприкосновенность несовершеннолетнего при осуществлении процесса его воспитания лицами, на которых лежит обязанность по воспитанию, их деяние должно оцениваться по совокупности преступлений, предусматривающих ответственность за посягательство на половую неприкосновенность и половую свободу несовершеннолетнего по ст. 156 УК РФ.

Соответственно, полагаем, что при толковании термина «жестокое обращение» нельзя унифицировать разъяснение Верховного Суда РФ в отношении содержания этого признака для норм семейного законодательства.

Поскольку анализ правоприменения не разрешил проблемы толкования признака ст. 156 УК РФ, состоящего в «жестокое обращение», ответ на вопрос о содержании данного признака постараемся найти, изучив результаты уголовно-правовой доктрины, полученные учеными при исследовании ими способа анализируемого преступления.

Л.А. Авдеева и Б.Б. Картавченко, толкуя признак жестокого обращения с несовершеннолетним, рассматривают его как способ, связанный с применением любых форм насилия [6, с. 65-71]. Профессор Ю.Е. Пудовочкин предлагает заменить «жестокое обращение» на термин «насилие». Н.В. Довголюк, А.А. Никитина, О.В. Пристанская, Н.В. Шкурихина полагают, что, помимо насилия, в жестокое обращение следует включать «пренебрежение основными интересами и нуждами ребенка». Есть и иная позиция. Так, А.А. Гордейчик, интерпретируя термин «жестокое обращение», полагает, что, помимо насилия, в него входит эксплуатация несовершеннолетнего. Достаточно широкой представляется позиция Н.В. Довголюк, которая считает, что содержание жестокого обращения с несовершеннолетним составляют унижение его достоинства, а также оскорбление несовершеннолетнего вместе с насилием. Недостаточно аргументированной представляется позиция ученых Е.Б. Веред, Э.Э. Эмирбекова, которые насилие и сексуальные посягательства полагают включать в термин «жестокое обращение» с несовершеннолетним [6, с. 65-71].

Анализ теоретических подходов к содержанию жестокого обращения, также как и изучение правоприменения, выявил существенные противоречия во мнениях ученых. Вместе с тем систематизация обвинительных приговоров по ст. 156 УК РФ, а также обобщение позиций, по которым ученые в большинстве своем сходятся во мнении, позволили сформулировать нам свою позицию в отношении толкования «жестокое обращение».

Для установления общей картины в рамках исследуемой темы, т.е. разъяснения вопросов того, что же следует включать в понимание термина «жестокое обращение», нами проведен анализ ста обвинительных приговоров по ст. 156 УК РФ за период с 2016 по 2017 г. Результаты исследования показали, что около 60% преступлений включают в содержание способа данного преступления физическое насилие, в т.ч. 90% случаев при этом связано с насилием, неопасным для жизни или здоровья [5, с. 234], при этом оставшиеся 40% фактов в способ совершения преступления в виде жестокого обращения включают иные недопустимые способы воспитания (пренебрежение основными потребностями и нуждами ребенка и эксплуатация несовершеннолетнего).

Например, опекун будила несовершеннолетних в 06.00 часов и принуждала кормить домашний скот,

убирать навоз, чистить место обитания животных, носить ведрами воду и корм, поливать и полоть огород. Кроме того, дети не посещали школу и не были обеспечены надлежащим местом для сна и отдыха (дело № 1-2/2017 от 23 января 2017 г., р.п. Степное Саратовской области) [1].

Также примером может служить относительно недавнее событие в Москве, где был обнаружен ребенок-«маугли» – 5-летняя девочка, мать которой не исполняла обязанности по воспитанию несовершеннолетней путем длительного бездействия, пренебрегала основными потребностями и нуждами несовершеннолетней в еде, воде, сне, уходе за здоровьем и санитарным состоянием места проживания [2]. Этот случай был квалифицирован органами предварительного следствия как покушение на убийство. Полагаем, что это не совсем верно с точки зрения квалификации, но обосновано с точки зрения общественной опасности.

Полагаем, что жестокое обращение с несовершеннолетним охватывает как физическое насилие, так и психическое насилие, при этом шире насилия и включает также в себя применение иных недопустимых способов воспитания, которые могут быть выражены в пренебрежении основными потребностями и нуждами ребенка. Что касается унижения человеческого достоинства и оскорбления, то считаем, что они охватываются психическим насилием, совершаемым в отношении несовершеннолетнего. Поэтому выделение самостоятельных форм жестокого обращения, таких как унижение, оскорбление, нецелесообразно [9]. Указанный тезис также подтверждается судебной практикой [10].

Посягательства на половую свободу или половую неприкосновенность либо эксплуатация несовершеннолетних при соотношении с жестоким обращением имеют особенности юридической оценки. Данная специфика связана с тем, что, как правило, даже если такие деяния совершаются субъектами, указанными в ст. 156 УК РФ, в отношении несовершеннолетнего, то указанные действия чаще всего не связаны с процессом воспитания и в силу этого полностью охватываются квалификацией по составам преступлений против половой неприкосновенности либо личной свободы несовершеннолетнего [13].

Уточнить нашу позицию в вопросе совершенствования применения ст. 156 УК РФ позволил анализ ряда законодотворческих инициатив.

Так, Липецкий областной Совет депутатов разработал законопроект № 14296-7 «О внесении изменения в статью 156 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части введения легального понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним») (далее – законопроект) и 25 октября 2016 г. направил его в Государственную Думу РФ. В рамках законо-

проекта предусмотрено дополнение ст. 156 УК РФ примечанием, где будет раскрыто понятие «жестокое обращение» в следующем виде:

«Примечание. Под жестоким обращением с несовершеннолетним в настоящей статье понимается сопряженное с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего применение физического или психического насилия в отношении несовершеннолетнего, покушение на его половую неприкосновенность, пренебрежение жизненными потребностями несовершеннолетнего, если эти действия (бездействие) создают реальную угрозу причинения вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего либо направлены на причинение вреда жизни или здоровью несовершеннолетнего» [3].

Текст данного законопроекта 14 сентября 2016 г. подвергся критическим замечаниям и был возвращен по следующим причинам: неясность формулировок «отсутствие заботы», «грубое нарушение режима дня» и т.д.; покушение на половую неприкосновенность и эксплуатация несовершеннолетнего влекут более строгую ответственность по иным главам УК РФ; побуждение или принуждение несовершеннолетнего к насилию образует иной состав преступления, предусмотренный ст. 150 УК РФ [3].

8 мая 2018 г. данный законопроект был доработан и в новой редакции внесен в Государственную Думу РФ:

«Примечание. Под жестоким обращением с несовершеннолетним в настоящей статье понимаются сопряженные с неисполнением или ненадлежащим исполнением обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего действия (бездействие), причиняющие несовершеннолетнему физические и (или) нравственные страдания и (или) наносящие вред его здоровью либо создающие реальную угрозу наступления такого вреда» [3].

Вместе с тем законопроект вновь критически оценен по следующим причинам: определение чрезмерно широкое и оценочное, причинение вреда здоровью несовершеннолетнего образует самостоятельные составы преступлений и в зависимости от обстоятельств квалифицируется по соответствующим ст. 111, 112, 117 УК РФ, присутствует конкуренция норм уголовного законодательства [3].

23 ноября 2018 г. предложено отклонить законопроект.

Полагаем, что доработка соответствующего законопроекта необходима и актуальна. Вместе с тем следует учесть, что жестокое обращение обладает соответствующей общественной опасностью и выражается в двух основных формах: насилии (психическом и физическом) и иных недопустимых способах воспитания (эксплуатации несовершеннолетнего и пренебрежении основными нуждами ребенка).

По нашему мнению, выходом из проблемы толкования «жестокое обращение» будет исключение данного способа из диспозиции рассматриваемого состава и замена на альтернативные признаки в виде «деяние совершено с применением насилия, неопасного для жизни или здоровья либо с угрозой применения насилия», а также если «деяние повлекло существенное нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего» и «совершение деяния лицом, подвергнутым административному наказанию за аналогичное деяние» [4].

При этом признак «существенное нарушение прав и законных интересов несовершеннолетнего» должен найти своё отражение в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» [8], в котором следует дать следующее разъяснение:

«Под существенным нарушением прав и законных интересов несовершеннолетнего в результате неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию следует понимать нарушение прав и интересов, гарантированных общепризнанными принципами и нормами международного права, Конституцией РФ, и может выражаться в негативных отклонениях физического или психического развития несовершеннолетнего (состояние здоровья, уровень обучения, социализации и пр.), в физических или нравственных страданиях (длительное чувство голода, физической боли, нахождение в унижительном состоянии и пр.), в нахождении несовершеннолетнего в социально опасном положении (безнадзорность в местах или обстановке, угрожающей жизни или здоровью несовершеннолетнего и пр.)» [4].

Литература

1. Дело № 1-2/2017 от 23 января 2017 г. р.п. Степное Саратовской области. URL: rospravosudie.com/ (дата обращения: 13.12.2016).
2. Дикая история в столице: в квартире без воды и еды обнаружена пятилетняя девочка-маугли // Официальный сайт первого канала. URL: https://www.1tv.ru/news/2019-03-11/361722-dikaya_istoriya_v_stolitse_v_kvartire_bez_vody_i_edy_obnaruzhena_pyatiletnyaya_devochka_maugli (дата обращения: 22.06.2019).
3. Законопроект № 14296-7 «О внесении изменений в статью 156 Уголовного кодекса Российской Федерации» (в части введения легального понятия «жестокое обращение с несовершеннолетним») // Официальный

сайт Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. URL: <http://www.gosduma.net/> (дата обращения: 10.06.2019).

4. Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

5. Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2019.

6. Коваль Н.В. Проблемы квалификации жестокого обращения с детьми // Уголовное право. 2015. № 1. С. 65-71.

7. О практике применения судами законодательства при разрешении споров, связанных с защитой прав и законных интересов ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью, а также при ограничении или лишении родительских прав: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 14 ноября 2017 г. № 44 // Российская газета. 2017. 20 нояб.

8. О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 1 февраля 2011 г. № 1 (ред. от 29 ноября 2016 г.). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Обвинительный приговор по делу № 1-71/2014 (18596) мирового судьи № 31 Мурашинского судебного района Кировской области. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 13.12.2016).

10. Постановление по делу № 10(2)-2/2012 с. Асекеево 5 июля 2012 г. Бугурусланский районный суд Оренбургской области. URL: <https://rospravosudie.com/> (дата обращения: 14.12.2016).

11. Семейный кодекс Российской Федерации (в ред. от 29 мая 2019 г.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 17 июня 2019 г.) // Собрание законодательства РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

13. Учебное пособие по уголовному праву. URL: <http://www.allpravo.ru/library/doc101p/instrum5430/item5436.html> (дата обращения: 14.12.2016).

14. Форма 5.2. Число несовершеннолетних, признанных потерпевшими // Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики. URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 05.05.2019).

УДК 343.2

С.А. Корнеев

адъюнкт Академии права и управления ФСИН России

E-mail: kornei_lam@mail.ru

ИНТЕНСИФИКАЦИЯ УГОЛОВНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В ОТНОШЕНИИ ПОДОЗРЕВАЕМЫХ, ОБВИНЯЕМЫХ И ОСУЖДЕННЫХ

Статья посвящена уголовной ответственности как межотраслевому правовому институту, реализуемому в рамках уголовно-процессуального, уголовного и уголовно-исполнительного законодательства, и преследует цель выделения новой для доктрины уголовного права категории. Ввиду того что дефиниция уголовной ответственности не предусматривалась ни в одном из источников отечественного уголовного законодательства, включая и действующий уголовный закон, автором приводится ряд доктринальных попыток определения понятия рассматриваемого явления. На протяжении долгого времени к традиционным видам уголовной ответственности относились негативная и позитивная. В рамках настоящей статьи приводится новая уголовно-правовая категория, возникающая непосредственно в процессе реализации негативной уголовной ответственности – «интенсификация уголовной ответственности». Под последней необходимо понимать процесс усиления строгости мер уголовной ответственности в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Для более глубокого изучения заявленного вопроса в работе представлены практические материалы (личные дела подозреваемых, обвиняемых, осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях ФСИН России), а также результаты анкетирования осужденных, отбывающих наказание в виде лишения свободы в исправительных учреждениях, по вопросам усиления мер уголовно-правового воздействия на различных этапах привлечения к уголовной ответственности.

Ключевые слова: уголовная ответственность, виды уголовной ответственности, негативная уголовная ответственность, позитивная уголовная ответственность, интенсификация уголовной ответственности.

S.A. Korneev

postgraduate student of the Academy of the FPS of Russia

E-mail: kornei_lam@mail.ru

INTENSIFICATION OF CRIMINAL LIABILITY IN RESPECT OF SUSPECTS, ACCUSED AND CONVICTED PERSONS

The article is devoted to criminal responsibility as an intersectoral legal institution implemented within the framework of criminal procedure, criminal and enforcement legislation and aims to identify a new category for the doctrine of criminal law. In view of the fact that the definition of criminal responsibility was not provided for in any of the sources of domestic criminal legislation, including the current criminal law, the author provides a number of doctrinal attempts to define the concept of the phenomenon in question. For a long time, the traditional types of criminal responsibility were negative and positive. Within the framework of this study, a new criminal-legal category that arises directly in the process of implementing negative criminal responsibility is presented – «intensification of criminal responsibility». The latter should be understood as the process of increasing the severity of criminal liability measures against suspects, accused and convicted persons. For a more in-depth study of the stated issue, the article presents practical materials (personal files of suspects, accused, and convicted persons registered in the criminal executive inspections of the Federal penitentiary service of Russia), as well as the results of a survey of convicts serving a sentence of imprisonment in correctional institutions, on strengthening measures of criminal legal influence at various stages of criminal prosecution.

Key words: criminal responsibility, negative criminal responsibility, positive criminal liability, intensification of criminal responsibility.

Первое упоминание понятия «уголовная ответственность» и его широкое использование относится к Основам уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик, а затем и к Уголовным кодексам союзных республик. Данный факт в то время вызвал научную и практическую потребность в изучении нового для уголовного законодательства понятия [14, с. 38-39]. Однако действующий Уголовный кодекс Российской Федерации (далее – УК РФ) до сих пор не имеет нормативно-правового закрепления термина уголовной ответственности, ее содержания, видов и форм реализации. В связи с этим изучение вопросов, связанных с рассматриваемым институтом уголовного права, представляет научный и практический интерес, что обуславливает их актуальность и значимость.

Словосочетание «уголовная ответственность» в действующем УК РФ встречается довольно редко. Так, последний закрепляет единственное основание уголовной ответственности, которым является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ), лиц, подлежащих уголовной ответственности (глава 4 УК РФ), ответственность за преступление, совершенное с двумя формами вины (ст. 27 УК РФ), ответственность соучастников преступления (ст. 34 УК РФ), освобождение от уголовной ответственности (глава 11 УК РФ) и уголовная ответственность несовершеннолетних (раздел V УК РФ). В связи с этим вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного УК РФ, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, подлежит уголовной ответственности, т.е. обязано подвергнуться наказанию. Таким образом, из анализа уголовного закона выходит, что уголовная ответственность – это обязанность виновного лица подвергнуться наказанию. Данное определение логично, но вовсе не определяет всего масштаба рассматриваемого явления.

Как минимум ст. 2 УК РФ за совершение преступлений устанавливает виды наказаний и иные меры уголовно-правового характера. Данный факт свидетельствует о том, что уголовная ответственность, помимо наказания, охватывает и другие меры уголовно-правового воздействия.

В юридической литературе имеется ряд попыток определить понятие уголовной ответственности. Одни ученые рассматривают уголовную ответственность в рамках правового отношения, т.е. урегулированное нормами уголовного закона отношение между государством и лицом, совершившим преступление [1, с. 17; 7, с. 60]. Другие видят в уголовной ответственности обязанность лица, совершившего преступление, дать отчет в своих действиях перед государством и претерпеть неблагоприятные последствия [9, с. 7]. Третья группа под уголовной ответственностью понимает уголовно-правовое воздействие, предус-

мотренное уголовным законом и заключающееся в осуждении лица, совершившего преступление, назначении ему наказания и исполнении этого наказания, влекущего за собой судимость [15, с. 24]. Ряд ученых определяют уголовную ответственность в качестве структурного образования, состоящего из нескольких элементов. Так, А.И. Парог наполняет понятие уголовной ответственности определенными признаками и компонентами: «Уголовная ответственность – это сложное социально-правовое последствие совершения преступления, которое включает четыре элемента: во-первых, основанную на нормах уголовного права и вытекающую из факта совершения преступления обязанность лица дать отчет в содеянном перед государством в лице уполномоченных органов; во-вторых, выраженную в судебном приговоре отрицательную оценку (осуждение, признание преступным) совершенного деяния и порицание (выражение упрека) лица, совершившего это деяние; в-третьих, назначенное виновному наказание или иную меру уголовно-правового характера; в-четвертых, судимость как специфическое правовое последствие осуждения с отбыванием наказания» [14, с. 54].

Бесспорно, рассмотренные точки зрения – это устоявшиеся в уголовном праве позиции относительно определения понятия уголовной ответственности. Однако ввиду отсутствия нормативной дефиниции рассматриваемого явления каждый из авторов вправе дополнять его собственными, но в то же время обоснованными и определёнными элементами.

Наиболее верной считаем направление ученых, обозначающих уголовную ответственность в качестве совокупности общественных отношений межотраслевого правового института. По их мнению, содержанием последнего являются уголовно-процессуальные, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные отношения [10, с. 177].

Действительно, до назначения конкретного вида наказания подозреваемый или обвиняемый испытывает определенные лишения и правоограничения в рамках уголовно-процессуального права. Так, в отношении рассматриваемой категории лиц могут быть применены такие меры процессуального принуждения (раздел IV УПК РФ), как задержание (глава 12 УПК РФ), меры пресечения (глава 13 УПК РФ) и иные меры (глава 14 УПК РФ). Более того, в соответствии со ст. 72 УК РФ время содержания лица под стражей засчитывается в срок отбывания наказания, что говорит о том, что рассматриваемые меры уголовно-процессуального принуждения есть не что иное, как форма реализации уголовной ответственности.

В рамках исследования данного вопроса в период с 12 по 18 августа 2019 г. проводилось анкетирование среди осужденных лиц мужского пола исправительной колонии № 6 УФСИН России по Смолен-

ской области. Так, 64% из числа опрошенных осужденных (общее количество анкетированных составило 1096 лиц) считают, что лишения и ограничения, связанные с процессуальными мерами принуждения, а также условия содержания в следственном изоляторе уголовно-исполнительной системы на порядок тяжелее, чем отбывание наказания в виде лишения свободы; 32% считают их равнозначными и 4% осужденных относят их к менее легкому бремени.

Данная точка зрения прослеживалась еще в научных трудах Н.А. Огурцова, который утверждал, что меры пресечения могут быть даже более тяжкими, чем уголовное наказание, и, несомненно, заключение под стражу вообще является более тяжким ограничением в правах, нежели такие виды уголовного наказания, как исправительные работы без лишения свободы, общественное порицание и многие другие [10, с. 162-163].

Подобным образом уголовную ответственность как межотраслевой правовой институт рассматривал В.Ч. Песлякас. Однако ученый выделял лишь уголовно-процессуальные (возбуждение уголовного дела, привлечение в качестве обвиняемого) и уголовно-правовые (совершение преступления, вынесение обвинительного приговора суда и погашение судимости) отношения [12, с. 23]. Сложно согласиться с данной позицией, т.к. рассмотренные компоненты содержания уголовной ответственности являются неисчерпывающими, а выделение последовательных временных стадий тех или иных общественно-правовых отношений невозможно.

Уголовно-процессуальный аспект рассматриваемого явления берет свое начало с момента совершения деяния, содержащего все признаки состава преступления. После возбуждения уголовного дела (раздел VII УПК РФ) и собирания определенных доказательств (глава 11 УПК РФ) в отношении подозреваемого или обвиняемого избираются меры пресечения (глава 13 УПК РФ). При передаче дела в суд, казалось бы, отношения уголовно-процессуального характера должны были бы прекратиться, однако это не так. Заключительной их стадией является снятие судимости (ст. 400 УПК РФ), которое устанавливается судом по ходатайству лица, отбывшего наказание.

Подобным образом начинаются и уголовно-правовые отношения, т.к. выделение признаков состава преступления в совершенном общественно опасном деянии основывается на Уголовном кодексе РФ. На основании последнего суд при рассмотрении того или иного дела и вынесении приговора соотносит имеющийся факт противоправного поведения с деянием, запрещенным УК РФ, и впоследствии с санкцией той или иной статьи УК РФ. Момент окончания уголовно-правовых отношений – погашение судимости, порядок которой закреплен в ст. 86 УК РФ.

Вступление приговора суда в законную силу связано с возникновением уголовно-исполнительных отношений. Последние ограничиваются исполнением отбывания наказания (разделы II, III, IV, V, VII УИК РФ), освобождением от отбывания наказания (глава 21 УИК РФ) и погашением либо снятием судимости. Однако процессуальные меры принуждения, заключающиеся в содержании под стражей, домашнем аресте, запрете определенных действий и др., в отношении обвиняемых или подозреваемых непосредственно исполняются органами уголовно-исполнительной системы, что говорит о том, что уголовно-исполнительные отношения в рамках уголовной ответственности начинаются несколько раньше.

Таким образом, уголовно-процессуальные, уголовно-правовые и уголовно-исполнительные отношения являются исчерпывающим перечнем содержания уголовной ответственности. Данные компоненты тесно связаны между собой, дополняют друг друга, а их выделение в последовательные временные отрезки считается весьма необоснованным.

В доктрине уголовного права традиционно выделяют два основных вида уголовной ответственности – позитивная и негативная [4, с. 22; 4, с. 72-84; 5, с. 72; 17, с. 61]. Под позитивной уголовной ответственностью понимается требование, обязанность лица не совершать деяние, запрещенное УК РФ, под угрозой наказания. Негативная же уголовная ответственность – это ответственность за совершённое общественно опасное деяние. Однако, как оказалось, рассматриваемое явление не ограничивается этими видами.

Домашний арест как мера пресечения применяется в отношении подозреваемого или обвиняемого и заключается в нахождении его в изоляции от общества в жилом помещении либо лечебном учреждении (ст. 107 УПК РФ). Так, в отношении подозреваемого В. Рославльский городской суд Смоленской области постановил избрать рассмотренную меру пресечения и установить следующие ограничения: покидать жилище, расположенное по определенному адресу, без письменного разрешения следователя и контролирующего органа; менять указанное место проживания без разрешения следователя; общение с лицами, проходящими по настоящему уголовному делу в качестве потерпевших, свидетелей, обвиняемых и подозреваемых; вести переговоры с использованием любых средств связи, включая стационарные и мобильные телефоны, электронной почты, сети Интернет; отправлять и получать посылки, бандероли, письма, телеграммы¹.

¹ Личное дело гражданина В. было предоставлено в рамках исследования заявленной темы научной работы Рославльским МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Смоленской области.

Запрет определенных действий в качестве меры пресечения избирается в отношении подозреваемого или обвиняемого и заключается в возложении на него определенных ограничений (ст. 105.1 УПК РФ). Так, обвиняемому Г. Калужский областной суд запретил: выходить в период с 23 часов 00 минут до 06 часов 00 минут за пределы жилого помещения, в котором он проживает; общаться с потерпевшими и свидетелями по уголовному делу; вести переговоры с использованием любых средств связи и сети Интернет¹.

Залог как мера пресечения состоит во внесении или в передаче подозреваемым, обвиняемым недвижимого и движимого имущества в целях обеспечения явки подозреваемого либо обвиняемого, предупреждения совершения им новых преступлений, а также действий, препятствующих производству по уголовному делу (ст. 160 УПК РФ). Так, Октябрьский районный суд г. Мурманска заменил обвиняемому У. меру пресечения в виде запрета определенных действий на залог в размере трех миллионов рублей, который должен быть внесен в определенный срок на депозитный счет следственного органа, в чьем производстве находится уголовное дело. Установил запрет на общение с представителями потерпевшей стороны и свидетелями по настоящему уголовному делу².

Рассмотренные уголовно-процессуальные лишения и ограничения наступают в связи с совершением общественно опасного деяния, содержащего все признаки состава преступления, т.е. непосредственно в рамках уголовной ответственности, и представляют собой ее негативный вид. В случае же нарушения установленных требований и условий исполнения указанных мер суд по представлению контролирующего органа может изменить меру пресечения на более строгую (ч. 14 ст. 107, ч. 13 ст. 105.1, ч. 9 ст. 106 УПК РФ), например на содержание под стражей. Таким образом, в процессе возникновения и развития уголовной ответственности возможно наступление иных неблагоприятных последствий.

В отношении определенных категорий лиц, освобождаемых из мест лишения свободы, судом устанавливается административный надзор (ст. 173.1 УИК РФ). Так, Знаменский районный суд Тамбовской области, рассмотрев дело гражданина Т., решил частично удовлетворить административные иски требования исправительной колонии, в которой отбывал наказание Т., тем самым установить административ-

¹ Личное дело гражданина Г. было предоставлено в рамках исследования заявленной темы научной работы Ярцевским МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Смоленской области.

² Личное дело гражданина Г. было предоставлено в рамках исследования заявленной темы научной работы Кстовским МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Нижегородской области.

ный надзор в отношении Т. сроком на 6 (шесть) лет со следующими ограничениями: обязательная явка два раза в месяц в органы внутренних дел; запрет смены жительства без уведомления специального органа, осуществляющего надзор; запрет пребывания вне жилого помещения с 23 часов 00 минут до 06 часов 00 минут³. Указанные ограничения связаны непосредственно с реализацией уголовной ответственности вплоть до момента ее прекращения – снятие или погашение судимости. То есть негативная уголовная ответственность, возникшая в момент совершения преступления, продолжается. Однако в случае нарушения установленных судом ограничений в рамках административного надзора лицо может быть привлечено к уголовной ответственности на основании ст. 314.1 УК РФ.

Таким образом, в процессе реализации негативной уголовной ответственности возможно наступление более неблагоприятных последствий для подозреваемого, обвиняемого и осужденного.

Анкетирование осужденных, о котором говорилось ранее, также свидетельствует о существовании процесса возможного усиления строгости уголовной ответственности. Так, 85% опрошенных единогласно считают, что их поведение вне исправительного учреждения (право на условно-досрочное освобождение, административный надзор) будет право послушным только исходя из того, что, нарушив установленные судом требования и условия, они вновь окажутся в изоляции от общества, 10% уверены в этом на 90% и 5% считают это утверждение верным на 95%.

Общественно опасные деяния, совершаемые осужденными, могут иметь место не только вне изоляции, но и внутри учреждения уголовно-исполнительной системы. Так, 70% осужденных абсолютно уверены, что знания о наступлении неблагоприятных последствий в связи с совершением преступления в стенах исправительной колонии стимулируют их к правопослушному поведению, 20% считают, что эти знания эффективны на 95%, 10% – на 90%. Рассмотренные данные в очередной раз подтверждают существование и реализацию уголовно-правовой категории, обозначающую усиление строгости уголовной ответственности.

Выделение нового вида уголовной ответственности, подпадающего под рассмотренные условия, нецелесообразно и необоснованно. Основанием уголовной ответственности является совершение деяния, содержащего все признаки состава преступления (ст. 8 УК РФ). Основание усиления строгости уголовной ответственности заключается в нару-

³ Личное дело гражданина Г. было предоставлено в рамках исследования заявленной темы научной работы Ленинским МФ ФКУ УИИ УФСИН России по Тамбовской области.

шении отдельных запретов, ограничений, условий и требований подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными, что противоречит уголовному закону.

Таким образом, выявленная правовая категория должна обозначать определенный процесс ужесточения возникшей негативной уголовной ответственности, повышение ее интенсивности и усиление уголовно-правовых мер.

В социологии процесс усиления, увеличения напряженности, действительности называется «интенсификация» (от лат. *intensus* – напряженный и *facio* – делаю) [16, с. 107]. Подобным образом обозначает интенсификацию и словарь иностранных языков (от франц. *intensification*) – повышение интенсивности [3, с. 257]. Д.Н. Ушаков, С.И. Ожегов и Н.Ю. Шведова

ва глагол «интенсифицировать» раскрывают как сделать более интенсивным, увеличить интенсивность чего-нибудь [2, с. 314; 11, с. 249].

Исходя из вышеизложенного, считаем целесообразным использовать в доктрине уголовного права термин «интенсификация уголовной ответственности». Под последним необходимо понимать процесс усиления строгости мер уголовной ответственности в отношении подозреваемых, обвиняемых и осужденных. Основанием интенсификации уголовной ответственности служит нарушение подозреваемыми, обвиняемыми и осужденными требований, ограничений, условий исполнения мер, установленных судом и исполняемых органами уголовно-исполнительной системы.

Литература

1. Астемиров З.А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних (теоретическое введение в изучение спецкурса): учебное пособие. М.: МВШ МВД СССР, 1970. 125 с.
2. Большой толковый словарь русского языка: 60 000 слов / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: АСТ: Астрель, 2008. 1268 с.
3. Васюкова И.А. Словарь иностранных языков. М.: АСТ-ПРЕСС, 1999. 640 с.
4. Волков Б.С. Детерминистическая природа преступного поведения. Казань: Изд-во КГУ, 1975. 110 с.
5. Дагель П.С., Номоконов В.А. Уголовная политика и проблемы позитивной ответственности // Проблемы советской уголовной политики. Владивосток: Изд-во Дальнев. ун-та, 1985. С. 66-73.
6. Елеонский В.А. Уголовное наказание: единство ретроспективной и позитивной уголовной ответственности // Вопросы ответственности и наказания в свете решений 26-го съезда КПСС. Рязань, 1982. С. 72-84.
7. Козаченко И.Я. Уголовная ответственность // Уголовное право. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. И.Я. Козаченко и д-р юрид. наук З.А. Незнамова. М.: ИНФРА М–НОРМА, 1998.
8. Корнеев С.А. Цели наказания и эффективность их реализации по уголовному законодательству РФ // Вопросы российского и международного права. 2018. Том 8. № 12А. С. 255-261.
9. Курс советского уголовного права. М.: Наука, 1970. Т. 3. 350 с.
10. Огурцов Н.А. Правоотношения и ответственность в советском уголовном праве: учебное пособие. Рязань, 1976. 206 с.
11. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: ООО «А ТЕМП», 2010. 874 с.
12. Песлякас В.Ч. Уголовная ответственность и освобождение от нее: учебное пособие. Мн.: МВШ МВД СССР, 1988. 64 с.
13. Похмелкин В.В. Социальная справедливость и уголовная ответственность. Красноярск: Изд-во Краснояр. ун-та, 1990. 176 с.
14. Рарог А.И. Понятие уголовной ответственности // Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. проф. А.И. Рарога. М.: Изд-во «Триада, Лтд», 1997. 320 с.
15. Советское уголовное право. Общая часть. М.: Юрид. лит., 1998. 544 с.
16. Социологический энциклопедический словарь: на русском языке, английском, немецком, французском и чешском языках / редактор-координатор академик РАН Г.В. Осипов. М.: Издательская группа ИНФРА М–НОРМА, 1998. 488 с.
17. Чистяков А.А. Уголовная ответственность и механизм формирования ее основания. М.: Закон и право, 2002. 275 с.

УДК 343.614

М.А. Малетина

адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России

E-mail: mamaletina85@mail.ru

РОЛЬ БЕСПОМОЩНОГО СОСТОЯНИЯ ПОТЕРПЕВШЕГО ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ СКЛОНЕНИЯ К САМОУБИЙСТВУ

Несмотря на широкое распространение понятия «беспомощное состояние потерпевшего» в Особенной части УК РФ, оно не имеет законодательного закрепления, является оценочным и применительно к различным составам преступлений толкуется по-разному. В статье на основании действующих судебных разъяснений проводится анализ данного понятия, и рассматриваются его различные характеристики. В результате проведенного исследования делается вывод о том, что беспомощными в рамках п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ могут считаться лица, которые способны осознать характер совершаемых с ними действий, но не способны оказать сопротивление виновному в силу своего физического состояния, малолетства, а также престарелого возраста. Психическое состояние потерпевшего, а также состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, не образуют понятия беспомощности применительно к составу склонения к самоубийству.

Ключевые слова: склонение к самоубийству, психическое и физическое состояние потерпевшего, малолетний и престарелый возраст, состояние опьянения.

M.A. Maletina

postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia

E-mail: mamaletina85@mail.ru

THE ROLE OF HELPLESS STATE OF THE VICTIM IN THE QUALIFICATION OF THE INCITEMENT TO SUICIDE

Despite the widespread use of the concept «helpless state of the victim» in the Special Part of the Criminal Code of the Russian Federation, it is evaluative and not legislatively stated. It is interpreted differently with regard to various elements of crimes. Based on the current judicial clarifications, the author analyzes this concept and discusses its various characteristics. In the result it is concluded that with reference to paragraph «a» of part 3 of article 110 of the Criminal Code of the Russian Federation victims are considered helpless when they are able to realize the nature of the acts committed to them, but are unable to resist the guilty party due to their physical condition, infancy or an old age. The mental state of the victim, as well as the state of alcoholic, narcotic or toxic intoxication, do not form the concept of helplessness in relation to the elements of the incitement to suicide.

Key words: incitement to suicide, mental and physical condition of the victim, young and old age, state of intoxication.

Федеральным законом от 7 июня 2017 г. № 120-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению» [7] был криминализован ряд общественно опасных посягательств против жизни: ст. 110¹ (Склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства), а также ст. 110² (Организация деятельности, направленной на побуждение к совершению самоубийства).

Согласно Пояснительной записке к проекту вышеуказанного закона «целью его разработки и принятия является обеспечение безопасности жизни и здоровья несовершеннолетних, создание мер, способствующих предотвращению самоубийств среди детей и борьбы с различными формами содействия суицидам» [8].

Вместе с тем нельзя не отметить, что круг потерпевших от рассматриваемых суицидальных посягательств оказался гораздо шире, чем указывалось в Пояснительной записке к законопроекту, – ими могут быть лица старше 18 лет (ч. 1 и 2 ст. 110¹ УК РФ), лица, заведомо для виновного находящиеся в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного (п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ), а также беременные женщины (п. «б» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ).

Особого внимания при этом заслуживает характеристика беспомощного состояния потерпевшего, поскольку, несмотря на широкое распространение данного понятия в Особенной части УК РФ, оно не имеет законодательного закрепления, является оценочным и применительно к различным составам преступлений толкуется по-разному.

Так, согласно п. 7 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» беспомощное состояние потерпевшего связывается «с неспособностью в силу физического или психического состояния защитить себя и оказать активное сопротивление виновному. К лицам, находящимся в беспомощном состоянии, относятся тяжелобольные, престарелые, лица, страдающие психическими расстройствами, лишаящими их способности правильно воспринимать происходящее» [10].

В соответствии с п. 5 и 6 Постановления Пленума Верховного Суда РФ 2014 г. № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» беспомощное состояние потерпевшего характеризуется «неспособностью в силу физического или психического состояния понимать характер и значение совершаемых с ним действий либо оказать сопротив-

ление виновному. При этом беспомощность может быть вызвана слабоумием или другим психическим расстройством, физическими недостатками, иным болезненным либо бессознательным состоянием, возрастом (малолетнее или престарелое лицо), а также состоянием опьянения» [9].

Анализ вышеуказанных судебных разъяснений показывает, что основным признаком, характеризующим состояние беспомощности, является невозможность лица осознавать фактический характер совершаемых действий либо оказывать сопротивление виновному.

Из всех перечисленных в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ обстоятельств, обуславливающих состояние беспомощности, применительно к составу склонения к самоубийству предлагаем подробно рассмотреть психическое и физическое состояние потерпевшего, его возраст и состояние опьянения. Учитывая, что самоубийство рассматривается как осознанное и добровольное действие (бездействие) человека, направленное на лишение себя жизни, указанные особенности могут существенным образом влиять на уголовно-правовую оценку действий виновного, а именно на возможность квалификации по ст. 110¹ УК РФ либо необходимость применения ст. 105 УК РФ.

При склонении к самоубийству наличие у потерпевшего тяжелой болезни или каких-либо физических недугов (несовершенств) однозначно следует относить к состоянию беспомощности, поскольку указанная категория является более подверженной преступному воздействию со стороны виновного. Следовательно, физические недостатки потерпевшего свидетельствуют о его беспомощности.

Обозначенная позиция в части отнесения к беспомощному состоянию в составе преступления, предусмотренного ст. 110¹ УК РФ, лиц с физическими недостатками встречается в научной литературе.

Так, Р.Д. Шарапов, например, полагает, что «понятие "беспомощности" следует толковать ограничительно, имея в виду в качестве таких потерпевших лиц, пребывающих лишь в физической, но не в психической беспомощности» [11, с. 80]. Аналогичного мнения придерживается и Н.А. Егорова [2, с. 12].

Представленное ограничительное толкование данного признака, не включающее в свое содержание психическую беспомощность, по нашему мнению, является вполне обоснованным. В подтверждение обозначенной позиции следует привести несколько аргументов.

Во-первых, в случае, когда виновный, будучи осведомленным о том, что потерпевший является невменяемым (в силу психического расстройства не способен осознавать характер и значение совершаемых с ним действий или руководить ими), склоня-

ет его к самоубийству, имеет место опосредованное причинение смерти. То есть виновный причиняет смерть не «своими руками», а посредством использования самого потерпевшего. На этом основании склонение к самоубийству невменяемого лица следует квалифицировать как убийство.

Во-вторых, лица, имеющие психические расстройства, не исключающие вменяемости, обладают способностью правильно воспринимать значение собственных действий и частично ими руководить. На основании ч. 1 ст. 22 УК РФ такие лица являются вменяемыми, что означает их исключение из категории беспомощных и, следовательно, невозможность применения ст. 105 УК РФ. Воздействие на выделенную категорию потерпевших должно квалифицироваться по ч. 1 ст. 110¹ УК РФ, если потерпевший достиг возраста 18 лет, либо по п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, если он является несовершеннолетним.

Состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, применительно к ст. 110¹ УК РФ также не следует признавать беспомощным в силу того, что потерпевший, находящийся в сильной степени опьянения, вряд ли может правильно воспринимать характер и значение адресованного ему воздействия со стороны виновного и совершить акт самоубийства. Легкая или средняя степень опьянения не является обстоятельством, препятствующим полному осознанию потерпевшим характера совершаемых в отношении него преступных действий, и не лишает его способности руководить собственными действиями, что означает отсутствие оснований для признания подобного состояния беспомощным.

Относительно возрастных характеристик потерпевшего, которые могут образовывать беспомощное состояние в рамках п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, считаем необходимым определить его нижний и верхний пределы.

Следует отметить, что в доктрине уголовного права существует несколько точек зрения относительно возраста потерпевшего, при котором он может быть признан беспомощным (неспособным на сознательно-волевой поступок, заключающийся в совершении самоубийства).

Так, отдельные ученые придерживаются позиции, согласно которой самоубийство может совершить лицо, достигшее 10-летнего возраста [1, с. 45]. В качестве аргумента, подтверждающего данное суждение, они указывают на то, что в этом возрасте лицу уже известны понятия жизни и смерти, в силу чего оно способно осознавать характер действий по причинению смерти самому себе.

Другие при определении минимальной возрастной границы для признания лица беспомощным в рамках п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ за основу предла-

гают принять примечание к ст. 131 УК РФ, согласно которому беспомощным является лицо, не достигшее двенадцатилетнего возраста, поскольку в этом возрасте оно не может понимать характер и значение совершаемых с ним действий [2, с. 12].

Тем не менее психиатры утверждают, что осознание смерти приходит на более раннем этапе – чаще в младшем школьном возрасте (7-8 лет) [3, с. 27], а психологи – с 8-9-летнего возраста [6, с. 128]. Таким образом, предложенная правоведами нижняя возрастная граница в 10 и 12 лет может быть подвергнута критике.

Анализ представленных точек зрения позволяет прийти к выводу о том, что установление минимальной возрастной границы потерпевших от склонения к самоубийству представляется весьма затруднительным. Полагаем, что основной характеристикой беспомощного состояния потерпевшего применительно к ст. 110¹ УК РФ является возможность в полной мере осознавать совершаемые в отношении него действия и руководить своим поведением, на что указывает высший судебный орган России в своих разъяснениях по преступлениям, предусмотренным ст. 105, 131 и 132 УК РФ. Данный факт должен быть установлен при помощи комплексной психолого-психиатрической экспертизы.

Так, если комиссией экспертов будет установлено, что склоняемое к самоубийству лицо, которое не достигло четырнадцати лет (малолетний), не обладает способностью правильно воспринимать адресованное ему воздействие, значение своих действий и руководить ими, то действия виновного в зависимости от наступивших последствий должны квалифицироваться как убийство или покушение на него.

Подобное положение было выдвинуто еще в конце 60-х годов прошлого века М.Д. Шаргородским, по мнению которого, «...когда речь идет о подстрекательстве к самоубийству невменяемого, то это не подстрекательство к самоубийству, а убийство. Тот, кто вкладывает револьвер в руку психически больного, чтобы он покончил с собой, а также тот, кто подговаривает ребенка застрелиться, тот фактически убивает» [5, с. 546].

В теории уголовного права данное положение находит подтверждение и в более поздних работах, в т.ч. опубликованных в преддверии криминализации составов преступлений, предусмотренных ст. 110¹ и 1102 УК РФ [4].

Таким образом, о малолетнем возрасте, образующем беспомощное состояние в рамках п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ, следует говорить лишь в случае, когда комиссией экспертов будет установлена возможность потерпевшего осознавать вышеуказанные обстоятельства и руководить своими действиями. Лишь при их совокупности такое лицо может быть призна-

но беспомощным, а действия виновного квалифицироваться как склонение к самоубийству (п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ).

Возможность потерпевшего в полной мере осознавать совершаемые в его отношении действия и руководить своим поведением должна быть установлена при помощи комплексной психолого-психиатрической экспертизы и в случае склонения к самоубийству престарелых, поскольку преклонный возраст также не имеет четких границ.

Таким образом, проведенное исследование позволяет констатировать, что беспомощными в рамках п. «а» ч. 3 ст. 110¹ УК РФ могут считаться лица, которые способны осознавать характер совершаемых с ними действий, но не способны оказать сопротивление виновному в силу своего физического состояния либо малолетства, а также престарелого возраста.

Иные характеристики беспомощного состояния потерпевшего, представленные в судебных разъяснениях по делам об убийстве и о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности, к которым, в частности, относятся психическое состояние потерпевшего и состояние опьянения, вызванное употреблением алкоголя, наркотических средств или других одурманивающих (психоактивных) веществ, не образуют понятия беспомощности применительно к рассматриваемому составу преступления.

С целью унификации судебной практики, а также исключения вопросов толкования уголовного закона считаем необходимым разъяснить понятие беспомощности на уровне постановления Пленума Верховного Суда РФ применительно к составу склонения к самоубийству.

Литература

1. Амбрумова А.Г., Бородин С.В., Михлин А.С. Предупреждение самоубийств. Изучение и проведение предупредительных мер. М., 1980. 164 с.
2. Егорова Н.А. Новое в уголовно-правовой охране жизни человека // Уголовное право. 2017. № 6. С. 11-17.
3. Клиническая и судебная подростковая психиатрия / под ред. проф. В.А. Гурьевой. М.: Генезис, 2001. 480 с.
4. Крылова Н.Е. «Группы смерти» и подростковый суицид: уголовно-правовые аспекты // Уголовное право. 2016. № 4. С. 36-48.
5. Курс советского уголовного права. Часть общая / отв. ред. Н.А. Беляев, М.Д. Шаргородский. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1. 648 с.
6. Москаленко А.Т., Сержантов Н.Ф. Смысл жизни и личность. Новосибирск, 1989. 202 с.
7. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению [Электронный ресурс]: федеральный закон от 07.06.2017 № 120-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части установления дополнительных механизмов противодействия деятельности, направленной на побуждение детей к суицидальному поведению: пояснительная записка к проекту Федерального закона № 118634-7. URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=118634-7](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=118634-7) (дата обращения: 06.10.2019).
9. О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 04.12.2014 № 16. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ) [Электронный ресурс]: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шарапов Р.Д. Квалификация преступлений, связанных с вовлечением в самоубийство и иное опасное для жизни поведение // Уголовное право. 2017. № 6. С. 78-84.

УДК 343.369

Т.А. Плаксина, доктор юрид. наук, доцент

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: plaksinata@yandex.ru

ТОЛКОВАНИЕ ПРИЗНАКОВ ОБЪЕКТИВНОЙ СТОРОНЫ СОСТАВА ВОСПРЕпятСТВОВАНИЯ ОСУЩЕСТВЛЕНИЮ ПРАВОСУДИЯ И ПРОИЗВОДСТВУ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ В ПРАКТИКЕ ВЕРХОВНОГО СУДА РФ

Описание объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, носит неконкретизированный характер, что способствует появлению широкого диапазона вариантов толкования ее признаков в теории уголовного права и правоприменительной деятельности и порождает противоречивую судебную практику даже на уровне Верховного Суда РФ. С одной стороны, Верховный Суд РФ стремится ограничить круг подпадающих под ст. 294 УК РФ деяний путем указаний в судебных актах на то, что формы объективной стороны данного преступления обязательно должны выражаться в непосредственном неправомерном воздействии на суд, прокурора, следователя, дознавателя и быть способны повлиять на их решение по делу. С другой стороны, в ряде случаев воспрепятствование осуществлению правосудия или производству предварительного расследования признаются и иные совершенные в названных в законе целях деяния (хищение, уничтожение материалов уголовных дел, вещественных доказательств; создание различного рода препятствий для собирания доказательств и т.п.).

Ключевые слова: объективная сторона состава преступления, толкование уголовного закона, Верховный Суд РФ, воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования, вмешательство в деятельность суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание.

T.A. Plaksina, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: plaksinata@yandex.ru

INTERPRETATION OF THE SIGNS OF THE OBJECTIVE SIDE OF OBSTRUCTION OF JUSTICE AND PRELIMINARY INVESTIGATION IN THE PRACTICE OF THE SUPREME COURT OF THE RUSSIAN FEDERATION

The description of the objective side of the crime under article 294 of the Criminal Code of the Russian Federation is non-concretized. It contributes to the emergence of a wide range of interpretations of its signs in the theory of criminal law and law enforcement and generates controversial jurisprudence, even at the level of the Supreme Court of the Russian Federation. On the one hand, the Supreme Court of the Russian Federation seeks to limit the range of acts falling under article 294 of the Criminal Code by indicating in judicial acts that the forms of the objective side of this crime must necessarily be expressed in direct unlawful influence on the court, prosecutor, investigator, interrogating officer and be able to influence their decision on the case. On the other hand, in a number of cases other acts committed for the purposes specified in the law (theft, destruction of criminal case materials, material evidence; creation of various obstacles to the collection of evidence, etc.) are recognized as obstruction of justice or preliminary investigation.

Key words: the objective side of the crime, interpretation of criminal law, Supreme Court of the Russian Federation, obstruction of justice and preliminary investigation, interference in the activities of the court, the prosecutor, the investigator, the person making the inquiry.

Объективная сторона состава воспрепятствования осуществлению правосудия и производству предварительного расследования описана в уголовном законе как вмешательство в какой бы то ни было форме в деятельность суда (ч. 1 ст. 294 УК РФ) либо прокурора, следователя или лица, производящего дознание (ч. 2 ст. 294 УК РФ). Неконкретизированный характер законодательной формулировки открывает широкие возможности для ее произвольного толкования и, как следствие, для субъективизма при определении круга деяний, подпадающих под признаки данного состава преступления, в процессе правоприменения. Тем не менее Конституционный Суд Российской Федерации полагает, что постановка вопроса об отсутствии формальной определенности используемого в ст. 294 УК РФ понятия «вмешательство в какой бы то ни было форме» безосновательна. По его мнению, законоположения данной статьи конституционных прав граждан не нарушают, какой-либо неопределенности не содержат, хотя и требуют казуального толкования; тот факт, что в диспозицию ст. 294 УК РФ не включены конкретные способы совершения преступления, не свидетельствует о неконституционности нормы, т.к. она предусматривает ответственность не за любые действия, а только за те, которые совершаются с прямым умыслом и имеют специальную цель – воспрепятствовать осуществлению правосудия либо всестороннему, полному и объективному расследованию дела [11].

Смещение акцента с характеристики объективной стороны рассматриваемого состава преступления на присущие ему цели, в некоторой степени действительно ограничивающие круг деяний, которые могут быть квалифицированы по ст. 294 УК РФ, не снимает, однако, проблемы наполнения содержанием понятия «вмешательство в какой бы то ни было форме». В юридической литературе оно толкуется порой чрезвычайно широко, в силу чего как образующие преступление, предусмотренное ст. 294 УК РФ, оцениваются практически любые деяния, заключающиеся во вторжении в деятельность суда или органов предварительного расследования, при условии, что они предприняты в целях, указанных в законе. Стоит также отметить, что немало научных работ посвящено решению вопроса об особенностях квалификации содеянного в тех ситуациях, когда способом вмешательства в деятельность суда, следователя, дознавателя, прокурора выступает деяние, образующее самостоятельный состав преступления (например, деяния, предусмотренные ст. 296, 325 УК РФ и др.); проблемам же уголовно-правовой оценки содеянного при использовании иных способов уделяется меньшее внимание, хотя необходимость формирования единого подхода к квалификации в таких случаях еще более велика, т.к. речь идет об от-

граничении преступного поведения от неправомерного. В этих условиях особое значение для толкования признаков объективной стороны рассматриваемого состава преступления приобретает складывающаяся судебная практика, которая, к сожалению, как обоснованно подчеркивают специалисты, является крайне противоречивой даже на уровне Верховного Суда РФ [12, с. 213].

При изучении практики Верховного Суда РФ по ст. 294 УК РФ прежде всего обращает на себя внимание то обстоятельство, что в судебных актах по-разному решается вопрос относительно возможности уголовно-правовой оценки как вмешательства в деятельность суда, прокурора, следователя, лица, производящего дознание, действий, хотя и направленных на воспрепятствование осуществлению правосудия (ч. 1) или всестороннему, полному и объективному расследованию дела (ч. 2), но не связанных с воздействием на перечисленных в анализируемой статье субъектов.

Так, приговором Приморского краевого суда Ю. и Щ. были осуждены по совокупности преступлений, в т.ч. по ч. 2 ст. 294 УК РФ, за вмешательство в деятельность следователя при расследовании дела в отношении Ю. От имени свидетеля С. ими было написано заявление прокурору, содержащее заведомо ложную информацию о совершении следователем незаконных действий. С., находясь под психологическим воздействием со стороны Ю. и Щ., вынужден был подписать это заявление, после чего его вывезли в другую местность и лишили возможности дать необходимые для расследования свидетельские показания. Кассационным определением¹ Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ приговор в части осуждения Ю. и Щ. по ч. 2 ст. 294 УК РФ был отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием в их действиях состава преступления. Верховный Суд РФ указал, что объективную сторону состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ, образуют лишь действия, представляющие собой различные формы воздействия на следователя (как непосредственно, так и через его близких, знакомых), совершенные умышленно и направленные на достижение указанной в законе цели; осужденные же избрали иной способ воспрепятствования деятельности следователя – принуждение свидетеля к уклонению от дачи показаний и совершение действий, имеющих целью отстранение следователя от расследования [3].

Белгородским областным судом К. была осуждена по совокупности преступлений, в т.ч. по ч. 2 ст. 294 УК РФ, за воспрепятствование предварительному расследованию. Работая обозревателем газеты,

¹ Здесь и далее в статье речь идет о кассационном производстве по не вступившим в силу судебным актам.

К. опубликовала статью о расследуемом уголовном деле, в которой содержалась негативная, унижающая честь и достоинство информация о потерпевшем. Вмешательством в деятельность следователя в указанных в ч. 2 ст. 294 УК РФ целях суд первой инстанции признал сам факт опубликования статьи, а также понуждение потерпевшего забрать из правоохранительных органов поданное заявление. В кассационном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ указала, что «объективная сторона данного преступления заключается во вмешательстве в деятельность прокурора, следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела, которое выражается в непосредственном воздействии на прокурора, следователя путём дачи указаний, советов либо в какой-либо иной форме», а вывод суда первой инстанции о том, что то обстоятельство, что К. непосредственно не общалась со следователем, не исключает уголовной ответственности по ст. 294 УК РФ, не основан на законе. Приговор в части осуждения К. по ч. 2 ст. 294 УК РФ был отменен, уголовное дело прекращено за отсутствием состава преступления [4].

В то же время в более поздней практике имеются примеры, когда Верховный Суд РФ соглашался с квалификацией по ст. 294 УК РФ деяний лиц, не оказывающих непосредственного воздействия на перечисленных в анализируемой статье субъектов с целью добиться от них нужного решения, но тем не менее препятствующих осуществлению правосудия либо производству предварительного расследования.

В частности, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ, рассмотрев дело в кассационном порядке, оставила без изменения приговор Ленинградского областного суда, которым Ф. была признана виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 294 УК РФ. В процессе расследования уголовного дела, возбужденного по ч. 1 ст. 105 УК РФ по факту убийства С., следователем был начат осмотр кабинета начальника отдела администрации муниципального района Ф. в ее присутствии. В связи с необходимостью неотлагательного допроса Ф. осмотр служебного кабинета был приостановлен. Кабинет Ф. на это время был опечатан сотрудниками оперативно-следственной группы, Ф. сдать ключ отказалась, сославшись на его отсутствие. После допроса по уголовному делу Ф., намереваясь скрыть от следствия некоторые документы, имеющие существенное значение для установления обстоятельств и мотива расследуемого убийства, передала главе муниципального образования Б. ключ от кабинета и, сообщив ему неполные сведения о причинах невозможности лично взять из кабинета ряд документов, попросила его принести из опечатанного кабинета необходимые ей папки, что он и сделал [5].

Аналогичное решение о квалификации содеянного принято и по другому делу. Верховным Судом Республики Мордовия за вмешательство в деятельность следователя в целях воспрепятствования всестороннему, полному и объективному расследованию дела осуждены Н. и Е.: Н – по ч. 2 ст. 294 УК РФ, Е. – по ч. 3 ст. 294 УК РФ, за совершение преступления с использованием служебного положения. Преступления совершены при следующих обстоятельствах. Н., узнав о том, что в ходе обыска по месту его регистрации обнаружены патроны, мешал проведению следственного действия, пытаясь его сорвать, требовал привести других понятых, не давал надлежащим образом оформить протокол обыска, вызвал наряд милиции по надуманному факту кражи денег из шкафа во время обыска. Приехавший к месту проведения обыска начальник криминальной милиции Е., подчиненным которого являлся Н., с целью поставить под сомнение результаты обыска также стал требовать у участвующих в проведении следственного действия лиц дать объяснения по факту кражи денег, пытался доставить в отдел внутренних дел понятых, мотивируя это необходимостью проверки сообщения о краже денег. Вследствие действий Н. и Е. у следователя не было возможности продолжить обыск. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ оставила обвинительный приговор без изменения [6].

Тверским областным судом Э. был осужден по совокупности преступлений, совершенных им при осуществлении адвокатской деятельности, в т.ч. за воспрепятствование осуществлению правосудия (по ч. 3 ст. 294 УК РФ). Как вмешательство в деятельность суда в целях воспрепятствования осуществлению правосудия были квалифицированы действия Э., заключающиеся в опубликовании ряда статей, содержащих сведения, касающиеся личной жизни судьи Х., для того, чтобы устранить последнего из процесса; после публикации этих статей Х. было вынесено постановление об отводе, в котором отвод связывался именно с появлением публикаций. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась с такой квалификацией содеянного [7].

Наконец, Верховный Суд РФ, вопреки сформулированному им самим в некоторых судебных актах положению о том, что создание препятствий для осуществления правосудия и производства предварительного расследования обязательно должно быть связано с воздействием на определенных субъектов юридического процесса, традиционно расценивает как соответствующее закону применение ст. 294 УК РФ в тех случаях, когда уничтожаются, повреждаются или похищаются материалы уголовных, гражданских дел, вещественные доказательства. Так, Магаданским областным судом А. признан виновным в совершении преступления, предусмотренного ч. 1

ст. 294 УК РФ. А., в отношении которого рассматривалось уголовное дело, в порядке подготовки к прениям заявил ходатайство об ознакомлении с материалами дела; при ознакомлении А. похитил том уголовного дела из здания суда, заменив его на заранее изготовленный им муляж. В кассационном определении Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ согласилась с данной в приговоре квалификацией содеянного, указав, что согласно закону запрещено вмешиваться в деятельность суда по осуществлению правосудия в какой бы то ни было форме [8].

Анализ приговоров, вынесенных по ст. 294 УК РФ судами первой инстанции за последние пять лет, показал, что подавляющее большинство лиц, признанных виновными, осуждено за совершение действий, заключающихся в уничтожении, повреждении, похищении материалов уголовных дел. Таким образом, несмотря на отражение в нескольких кассационных определениях Верховного Суда РФ 2002-2006 гг. мнения о том, что объективную сторону анализируемого состава преступления могут образовывать лишь деяния, представляющие собой непосредственное воздействие на суд, следователя, дознавателя, прокурора и совершенные в указанных в законе целях, суды принимают противоположные данному подходу решения, что в значительной мере объясняется и оправдывается уже упоминавшейся противоречивостью позиции самого Верховного Суда РФ. Возможно, именно с тем, что при расследовании уголовных дел и рассмотрении их в суде первой инстанции правоприменители стали опираться на более широкое толкование признаков объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, чем предложил первоначально Верховный Суд РФ, связан и существенный рост числа лиц, осужденных по этой статье УК РФ. Так, согласно отчетам Судебного департамента при Верховном Суде РФ в 2018 г. по ст. 294 УК РФ было осуждено 38 человек [13], столько же – в 2017 г. [14], тогда как в 2012 г. количество осужденных составляло лишь 5 человек [15], а в 2013 г. – 7 [16].

Стоит отметить, что в уголовно-правовой литературе ряд исследователей не ограничивает трактовку понятия «вмешательство» отнесением к нему исключительно тех деяний, которые выражаются в непосредственном воздействии на перечисленных в ст. 294 УК РФ субъектов. В частности, Л.В. Лобанова считает, что вмешательством может быть признано и любое иное неправомерное поведение, которое создает существенные препятствия для выполнения этими субъектами своей основной функции в соответствии с законом и внутренним убеждением [2, с. 76]. В то же время другие специалисты высказывают возражения против подобного толкования форм

объективной стороны состава рассматриваемого преступления. Так, А.И. Скакун полагает, что в объективную сторону преступления, предусмотренного ст. 294 УК РФ, входит только непосредственное воздействие на процессуально уполномоченных должностных лиц, имеющее целью побудить их принять решение, которое выгодно для виновного [17, с. 7-8]. Такой же точки зрения придерживается А.В. Боярская [1, с. 103].

Интерес представляет и та часть практики Верховного Суда РФ по ст. 294 УК РФ, которая связана с оценкой поведения лиц, оказывающих непосредственное воздействие на суд, прокурора, следователя, лицо, производящее дознание, в обозначенных в законе целях. Несмотря на то что, как следует из приведенных выше примеров, Верховный Суд РФ в кассационных определениях неоднократно обращал внимание на необходимость толкования объективной стороны данного преступления как непосредственного воздействия на субъектов, отправляющих правосудие либо осуществляющих производство предварительного расследования, из анализа судебных актов видно, что подобные действия не всегда расцениваются им как преступные. При этом если в одних случаях позиция Верховного Суда РФ в целом не вызывает возражений и нуждается лишь в некотором уточнении аргументации, то в других с констатацией отсутствия в содеянном признаков состава преступления сложно согласиться.

Так, приговором Ярославского областного суда Д. был оправдан по ч. 1 ст. 294 УК РФ за отсутствием в его действиях состава преступления. Д., работавший судебным приставом, обратился к председателю суда с просьбой не назначать его знакомому, привлеченному к административной ответственности, наказания в виде лишения права управлять автомобилем. В приговоре суд указал, что по смыслу уголовного закона вмешательство в судебную деятельность означает незаконное воздействие на суд с целью воспрепятствования его законной деятельности, каковым не может считаться простое обращение к судье с просьбой не лишать знакомого права на управление транспортным средством. Оставляя оправдательный приговор без изменения, Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РФ в кассационном определении указала, что просьба Д. не носила характера убеждения, навязчивого требования, посулов, угроз, шантажа, создания для судьи неблагоприятных условий, ни к чему судью не обязывала и не могла каким-либо образом повлиять на объективность судьи при вынесении решения по делу [9]. Между тем нельзя не заметить, что уголовный закон не предъявляет к формам вмешательства в деятельность суда такого требования, как способность влиять на принимаемое судьей решение. Неслучайно в диспозиции ст. 294

УК РФ говорится о вмешательстве в какой бы то ни было форме. Единственное обстоятельство, которое должно учитываться при решении вопроса о наличии в поведении лица признаков объективной стороны состава преступления, – это непропорциональность вмешательства, что в научной литературе обычно понимается не как нарушение запрета на совершение тех или иных действий, а как отсутствие прямого дозволения на их совершение [2, с. 78]. Действующее законодательство не закрепляет внепроцессуального порядка обращения к суду с просьбами о мере наказания виновному даже для участников процесса, тогда как в рассматриваемом случае просьба исходила вообще от постороннего лица. Следовательно, совершенные Д. действия обладали признаком незаконности и представляли собой вмешательство в рассмотрение дела судом. На соответствие содеянного признакам состава преступления обращал внимание в кассационном представлении и государственный обвинитель, подчеркнувший, что состав преступления, предусмотренного данной статьей, является формальным, и его образует любое вмешательство независимо от способности последнего повлиять на исход дела.

Аналогичное приведенному выше обоснование Верховным Судом РФ отсутствия признаков состава преступления, описанного в ч. 1 ст. 294 УК РФ, в действиях лица изложено в кассационном определении по делу Н., оправданного Курганским областным судом. В ходе беседы в рамках подготовки гражданского дела к судебному разбирательству Н. потребовал от мирового судьи прекращения производства по делу, в противном случае угрожал взорвать школу. В оправдательном приговоре суд первой инстанции, мотивируя кардинальное изменение правовой оценки содеянного по сравнению с той, что была дана дознавателем, указал, что Н. не имел умысла на воспрепятствование осуществлению правосудия и нарушил лишь правила поведения в суде и нормы этики; объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 294 УК РФ, в его действиях отсутствует. При этом по факту высказывания угрозы взрывом школы в возбуждении уголовного дела было отказано. Соглашаясь с отраженной в приговоре правовой оценкой совершенного деяния и, по существу, продублировав сформулированное при рассмотрении других уголовных дел толкование объективной стороны инкриминируемого Н. дознавателем состава преступления, суд кассационной инстанции также указал, что простое обращение к судье с требованием не удовлетворять претензий по иску, если при этом допуска-

ются ничем реально не подкрепленные выражения, не может рассматриваться как вмешательство, а может быть признано лишь нарушением общественно-го порядка [10].

Представляется, что в обеих описанных ситуациях в содеянном присутствовали признаки состава преступления, закрепленного в ч. 1 ст. 294 УК РФ, поскольку имело место воздействие на суд, предпринятое с целью добиться выгодного для воздействующего субъекта решения по делу. Однако в первом случае отсутствие оснований для привлечения лица к уголовной ответственности более корректно было бы связать с малозначительностью (ч. 2 ст. 14 УК РФ), о чем уже писали отдельные исследователи [2, с. 80]: неспособность деяния повлиять на качество судебного решения в данном случае есть показатель отсутствия в содеянном общественной опасности, а не формального отсутствия в деянии признаков состава преступления. Что же касается позиции Верховного Суда РФ по второму уголовному делу, то с ней вообще сложно согласиться, поскольку угрозой совершением взрыва не только образует непропорциональное вмешательство в деятельность суда «в какой бы то ни было форме», но и характеризуется общественной опасностью.

Подводя итог, следует еще раз подчеркнуть, что толкование Верховным Судом РФ признаков объективной стороны ст. 294 УК РФ не является единообразным. Анализ судебной практики позволяет говорить о наличии разнонаправленных тенденций. С одной стороны, Верховный Суд РФ стремится ограничить круг подпадающих под ст. 294 УК РФ деяний посредством указаний на то, что формы объективной стороны данного преступления обязательно должны быть связаны с непосредственным непропорциональным воздействием на процессуально уполномоченных субъектов и быть способны повлиять на их решение по делу (при этом понимание непропорциональности воздействия также характеризуется крайней противоречивостью). С другой стороны, в отдельных судебных актах воспрепятствование осуществлению правосудия или производству предварительного расследования признаются и иные деяния, включая те, в которых потерпевший как физическое лицо вообще отсутствует (хищение, уничтожение материалов дел, вещественных доказательств; создание неблагоприятных условий для производства следственных действий и т.п.). В связи с этим оптимальным решением было бы принятие постановления Пленума Верховного Суда РФ, содержащего официальное толкование признаков рассматриваемого состава преступления.

Литература

1. Боярская А.В. Воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: проблемы объекта и объективной стороны // Правоприменение. 2018. Т. 2. № 2. С. 97-105.

2. Горелик А.С., Лобанова Л.В. Преступления против правосудия. СПб.: Изд-во «Юридический центр Пресс», 2001. 491 с.
3. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2006 г. по делу № 56-О05-94 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=136330.
4. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 3 июля 2002 г. по делу № 57-О02-15 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=12770.
5. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 6 августа 2007 г. по делу № 33-О07-22 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=176740.
6. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 18 марта 2011 г. по делу № 15-О11-10 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=431526.
7. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 14 февраля 2007 г. по делу № 35-О06-81 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=168794.
8. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 30 ноября 2011 г. по делу № 93-О11-17 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=467304.
9. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 22 апреля 2004 г. по делу № 8-О04-12 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=91594.
10. Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 23 октября 2012 г. по делу № 82-О12-34 // Сайт Верховного Суда РФ. URL: http://vsrf.ru/stor_pdf.php?id=510478.
11. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Экаева Абдуллы Юнусовича на нарушение его конституционных прав частями первой и второй статьи 294 Уголовного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 28 мая 2009 г. № 635-О-О // Сайт Конституционного Суда РФ. URL: <http://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision6054.pdf>.
12. Рожнов А.П. Актуальные вопросы применения статьи 294 УК РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5, Юриспруденция. 2012. № 2 (17). С. 212-222.
13. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2018 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4894>.
14. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2017 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4572>.
15. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2012 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=1776>.
16. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2013 г. // Сайт Судебного департамента при Верховном Суде РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=2362>.
17. Скакун А.И. Уголовная ответственность за воспрепятствование осуществлению правосудия и производству предварительного расследования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2008. 23 с.

УДК 343.915:343.342.3

М.А. Слободенюк

Сургутский государственный университет

E-mail: 150592@mail.ru

О СОСТОЯНИИ И ТЕНДЕНЦИЯХ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИМИ И МОЛОДЕЖЬЮ ПО МОТИВУ НАЦИОНАЛЬНОЙ НЕНАВИСТИ

В статье приводятся статистические данные по уровню и динамике насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти. При анализе насильственных преступлений несовершеннолетних и молодежи, совершенных по мотиву национальной ненависти, используются статистические сведения об убийствах, умышленном причинении тяжкого, среднего и легкого вреда здоровью, побоях и хулиганстве, сопряженном с применением насилия, неопасного для жизни и здоровья, истязаниях и угрозах убийством из форм федерального статистического наблюдения. Автор обращает внимание на региональные особенности насильственных преступлений, совершенных по мотиву национальной ненависти. Отмечается доминирование в структуре насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти, таких как хулиганство, с применением насилия, побой и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью.

Ключевые слова: показатели насильственных преступлений, несовершеннолетние, молодежь, мотив национальной ненависти.

М.А. Slobodenyuk

Surgut State University

E-mail: 150592@mail.ru

ABOUT THE CONDITION AND TENDENCY OF THE VIOLENT CRIMES COMMITTED BY MINORS AND YOUTH ON NATIONAL HATRED GROUNDS

Statistical data on level and dynamics of violent crimes committed by minors and youth on national hatred grounds are provided in the article. When analyzing violent crimes of the minors and youth committed on national hatred grounds statistical data on murders, intended bodily harm, a beating and hooliganism combined with use of violence harmless for life and health, tortures and murder threats are used from the forms of federal statistical observation. The author pays attention to regional features of violent crimes committed on national hatred grounds. Domination of such crimes as hooliganism with use of violence, beating and murder threats or causing heavy harm to health in the structure of violent crimes committed by minors and youth on national hatred grounds is noted.

Key words: indicators of violent crimes, minors, youth, national hatred.

На современном этапе развития общественных отношений в Российской Федерации особый интерес в обществе вызывает состояние преступности несовершеннолетних и молодежи, т.к. в последние годы отмечаются новые проявления насилия в молодежной среде, происходят жестокие нападения в школах и техникумах, и все большее распространение получает такое явление, как буллинг, т.е. травля, направленная на физическое и психическое насилие, с целью демонстрации силы [7].

Совершаемые несовершеннолетними (лица в возрасте от 14 до 17 лет) и молодежью (лица в возрасте от 18 до 35 лет) преступления чаще всего носят групповой характер, при этом они демонстрируют повышенную агрессию и ничем не оправданную жестокость, когда мера насилия намного превосходит цели, для достижения которых оно применялось. Такие нападения, как правило, совершаются в отношении лиц, по каким-либо признакам находящихся в более слабом положении. Например, жертвами преступлений становятся люди, обладающие видимыми признаками принадлежности к иной национальности, несмотря на то, что жертва и нападавший нередко имеют тождественную национальность. Такой мотив (внутреннее побуждение, вызывающее решимость совершить преступление и руководящее его совершением) не всегда в полной мере осознается нападающими, но последствия насилия, совершенного по мотиву национальной ненависти, имеют повышенную общественную опасность [5]. В связи с этим необходимо разобраться в сложившейся ситуации и понять современные тенденции насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти.

В криминологических исследованиях, основываясь на данных о структуре преступности, можно сделать вывод о ее характере, т.е. наиболее типичных чертах, но не все тенденции могут быть однозначно трактованы [3]. Например, несмотря на то, что в 2018 г. в России отмечается снижение общего числа преступлений, тем не менее количество преступлений, совершенных в отношении иностранных граждан и лиц без гражданства, увеличилось на 7,7% [2]. Из этого следует два возможных вывода: либо повысилась межнациональная напряженность в стране, либо увеличилось количество иностранных граждан и лиц без гражданства. Таким образом, нельзя однозначно делать выводы о состоянии преступности в Российской Федерации без учета общих и частных тенденций преступности в определенный временной период. Так, согласно данным, представленным в Единых формах государственной статистики, в период с 2010 г. по 2018 г. преступность среди несовершеннолетних и молодежи имеет следующие тенденции [2]:

1. Удельный вес тяжких и особо тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними или при их соучастии, в общем количестве преступлений данной категории остается высоким, несмотря на то, что ежегодно этот показатель падает (от 29,9% в 2010 г. до 22,3% в 2018 г.).

2. Отмечается непрерывный рост доли учащихся и студентов в общем количестве несовершеннолетних преступников (от 69,0% в 2010 г. до 74,9% в 2018 г.). С одной стороны, это положительная тенденция, т.к. молодежь становится более образованной. С другой стороны, увеличение количества учащихся среди лиц, занимающихся преступной деятельностью, свидетельствует о снижении качества выполнения образовательными учреждениями воспитательной функции.

3. Усилился групповой характер преступности несовершеннолетних и молодежи (в 2010 г. было 40,9%, а в 2018 г. – уже 47,7%).

4. Ежегодно растет доля рецидивной преступности несовершеннолетних (в 2010 г. было 19,1% , а в 2018 г. – уже 24,6%).

Отметим и некоторые региональные особенности насильственных преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью, за период с 2016 по 2018 г. [2]:

1. Наибольшие колебания количества несовершеннолетних преступников отмечаются в Ленинградской области (в 2016 г. их было 446 человек, в 2016 г. количество снизилось до 304 человек, а в 2018 г. снова произошел рост до 416 человек). Среди федеральных округов стоит отметить Дальне-Восточный федеральный округ, где в 2018 г. произошло увеличение количества несовершеннолетних преступников на 40,8%.

2. В Ставропольском крае, Кемеровской и Ростовской областях отмечается рост рецидива, в т.ч. среди несовершеннолетних (на 23,9, 9,7 и 8,8% соответственно).

3. Увеличение темпов прироста преступлений, совершенных в состоянии алкоголя (в т.ч. несовершеннолетних), за 2018 год наблюдается в Иркутской области (11,9%), Свердловской области (5,5%), г. Москве (15,6%), г. Санкт-Петербурге (60,9%), Ленинградской области (26,8%) и Ставропольском крае (13,6%).

В целом по регионам наблюдается общая тенденция к увеличению доли несовершеннолетних в общем числе лиц, совершивших преступления, это неблагоприятная тенденция, которая свидетельствует о том, что преступность молодеет и становится все более агрессивной. Наблюдается педагогическая запущенность и морально-нравственное «обеднение» современной молодежи.

Среди исследователей имеется точка зрения о том, что основной возраст насильственной преступ-

ности не превышает 30 лет, поэтому тенденции насильственной преступности характерны именно для молодежи [6]. Это подтверждается данными, полученными из материалов 120 уголовных дел по насильственным преступлениям, совершенным по мотиву национальной ненависти, согласно которым участниками таких нападений в основном являются несовершеннолетние (27,5%) и молодежь (58,3%), иногда люди зрелого возраста (12,5%) и в исключительных случаях пожилые (1,7%) [4].

Далее обобщим некоторые статистические данные по количеству зарегистрированных насильственных преступлений, совершенных по мотиву национальной ненависти, за период с 2016 г. по 2018 г., которые отражают следующие тенденции:

1. С одной стороны, ежегодно растет количество зарегистрированных убийств, совершенных по мотиву национальной ненависти (средние темпы роста 126,0%). При этом растет и количество убийств, совершаемых с элементами жестокого глумления над людьми [1].

2. Количество зарегистрированных случаев умышленного причинения тяжкого вреда здоровью в среднем остается неизменным.

3. Низкие средние темпы роста зафиксированы по таким насильственным преступлениям, как умышленное причинение вреда здоровью средней и легкой степени тяжести (87,4 и 90,9% соответственно), а также побои (84,3%) и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (77,3%).

4. За период с 2016 по 2018 год не было зафиксировано ни одного случая истязания, совершенного по мотиву национальной ненависти.

Отметим, что количество предварительно расследованных направленных в суд дел меньше общего числа зарегистрированных за 2016-2018 гг. преступлений. Это связано с тем, что не по всем преступлениям возбуждаются уголовные дела, а по некоторым уже возбужденным делам выносятся постановления о приостановлении предварительного расследования или прекращении уголовного дела. Кроме того, некоторые уголовные дела расследуются длительное время и переходят в следующий отчетный период. Соответственно, выделим некоторые тенденции по количеству предварительно расследованных направленных в суд дел по насильственным преступлениям, совершенным по мотиву национальной ненависти:

1. Средние темпы роста предварительно расследованных убийств составляют 140,9%, что превышает аналогичный показатель по зарегистрированным преступлениям данной категории на 15,0%. Это говорит о длительности и трудоемкости расследования данных преступлений.

2. Ежегодно снижается количество предварительно расследованных уголовных дел, возбужденных по

признакам состава преступления, предусмотренного ст. 112 УК РФ (умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью).

3. Средние темпы прироста количества предварительно расследованных уголовных дел, возбужденных по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 115 УК РФ (умышленное причинение легкого вреда здоровью), составляют 102,7%, что говорит об увеличении. Побоев и угроз убийством, наоборот, стало меньше (91,6 и 81,4% соответственно).

Доля уголовных дел, направленных в суд, среди общего числа расследованных дел отражает качество предварительного следствия и оперативно-разыскной деятельности. Наименьшим данный показатель является по ст. 116 УК РФ (побои), т.е. эта категория преступлений, являясь самой распространенной (наибольшее абсолютное значение), в то же время наиболее трудна в расследовании. Именно по ст. 116 УК РФ зафиксировано наибольшее количество прекращенных и приостановленных уголовных дел. Это значит, что в этой части имеются некоторые скрытые проблемы и недостатки как со стороны организации предварительного расследования, так и в области правоприменения.

В структуре преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью по мотиву национальной ненависти, наблюдается доминирование таких насильственных преступлений, как побои и угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью, на эти преступления приходится по 17,2% от общего числа преступлений, изученных по материалам 120 уголовных дел [4]. Наиболее часто совершается хулиганство с применением насилия в отношении лиц, обладающих видимыми признаками принадлежности к иной национальности (19,5%) [4]. Данные преступления особенно выделяются из категории насильственных преступлений, т.к. имеют специфичный механизм преступного поведения. Нападения зачастую происходят в составе группы молодых людей, вооруженных палками, происходит это чаще всего в общественном месте, т.к. цель преступников состоит в наведении ужаса на людей, которые не могут чувствовать себя в безопасности на улицах города. Преступники стремятся получить как можно большее количество свидетелей тому унижению, которому подвергается потерпевший. Такие нападения фиксируются самими же преступниками посредством видеосъемки в целях распространения этих кровавых «побоищ» в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

Подводя итог, целесообразно отметить необходимость создания комплекса криминологических мер предупреждения преступности в молодежной среде, который позволил бы не только бороться с последствиями таких преступлений, но и устранял

бы их причины. Детерминанты преступлений, совершенных несовершеннолетними и молодежью, имеют сложный, глубинный характер. Сегодня уже невозможно бороться только с последствиями этих преступлений, требуется оказывать помощь жертвам криминального насилия, вызванного национальной ненавистью, проводить раннюю профилактику формирования предубеждений среди несовершеннолетних и молодежи, выявлять лидеров криминогенных субкультур, после чего работать с ними на индивидуальном уровне. Вся эта работа не может

быть возложена на правоохранительные органы как основной субъект специального предупреждения преступности, требуется активное включение граждан и социально ориентированных некоммерческих организаций в эту деятельность. Ведь именно от эффективности действий всех субъектов профилактики преступности среди несовершеннолетних и молодежи зависит не только успешность реализации стратегии национальной безопасности Российской Федерации, но и будущее каждого жителя нашей страны.

Литература

1. Криминология: учебное пособие / Г.И. Богуш и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой. М.: ТК Велби, Проспект, 2007. 109 с.
2. Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. URL: <http://crimestat.ru> (дата обращения: 15.04.2019).
3. Прозументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть): учебное пособие. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета, 2017. 284 с.
4. Судебные и нормативные акты РФ. URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 09.04.2019).
5. Шеслер А.В. Состав преступления: монография. Новокузнецк: ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России», 2016. 91 с.
6. Шляпникова О.В., Крайнева О.Л. Молодежная насильственная преступность как угроза национальной безопасности России // Информационная безопасность регионов: научно-практический журнал. 2011. № 2 (9). С. 123.
7. Olweus D. Bullying at school: What we know and what we can do // Blackwell Publishing. P. 140.

УДК 343.2.01:343.541

Н.В. Тыдыкова, канд. юрид. наук, доцент
Алтайский государственный университет
E-mail: academnauka@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ТОЛКОВАНИЯ ПРИЗНАКА «ИНЬЕ ТЯЖКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ» ПРИ КВАЛИФИКАЦИИ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПОЛОВЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Статья посвящена вопросам толкования квалифицирующего признака насильственных половых преступлений «иные тяжкие последствия». Отмечается, что рекомендации постановления Пленума Верховного Суда РФ не решают всех возникающих вопросов. Сформулировано предложение по расширению предложенной трактовки. Доказывается необходимость указания на то, что не только самоубийство или покушение на самоубийство потерпевших, но и те же действия со стороны близких лиц необходимо квалифицировать по рассматриваемому признаку. С приведением дополнительных аргументов дана положительная оценка признания беременности потерпевшей иным тяжким последствием насильственных половых преступлений. В целях унификации правоприменительной практики предложено указать в соответствующем постановлении на то, что отношение виновного к иным тяжким последствиям может быть не только неосторожным, но и умышленным. Затронут вопрос об оценке изменения сексуальной ориентации в результате насильственного полового преступления.

Ключевые слова: изнасилование, насильственные действия сексуального характера, квалифицированный состав, тяжкие последствия, самоубийство, психическое заболевание, половая ориентация, оценочный признак, форма вины.

N.V. Tydykova, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor
Altai State University
E-mail: academnauka@rambler.ru

PROBLEMS OF INTERPRETATION OF THE SIGN «OTHER GRAVE CONSEQUENCES» UNDER QUALIFICATION OF VIOLENT SEXUAL CRIMES

The article is devoted to the interpretation of the qualifying sign of violent sexual crimes «other grave consequences». It is noted that the recommendations of the decision of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation do not solve all the issues that arise. A proposal to expand the proposed interpretation is formulated. It proves the necessity of pointing out that not only suicide or attempted suicide of the victims, but also the same actions on the part of close people should be qualified according to the grounds. With additional arguments, a positive assessment was given of the recognition of pregnancy as a victim of other grave consequences of violent sexual crimes. In order to unify law enforcement practice, it was proposed to indicate in the relevant decree that the attitude of the perpetrator to other grave consequences can be not only negligence, but also intentional. The issue of assessing changes in sexual orientation as a result of a violent sexual offense is raised.

Key words: rape, sexual assault, qualified composition, grave consequences, suicide, mental illness, sexual orientation, evaluative signs, guilt form.

Составы изнасилования и насильственных действий сексуального характера содержат такой квалифицирующий признак, как «повлекшие иные тяжкие последствия». Этот термин в УК РФ встречается и в других составах и, являясь оценочным, в каждом случае требует разъяснения. Для целей квалификации насильственных половых преступлений по этому признаку Верховный Суд РФ в Постановлении от 04.12.2014 № 16 «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» пояснил, что к иным тяжким последствиям при изнасиловании и насильственных действиях сексуального характера следует относить, в частности, самоубийство или попытку самоубийства потерпевшего лица, беременность потерпевшей и т.п.

В литературе критикуется такой подход Верховного Суда РФ, при котором нет указания на общий критерий, который бы позволил в каждом конкретном случае решать, относится ли то или иное обстоятельство к категории иных тяжких или нет. В приведенном разъяснении в незакрытом перечне указаны лишь частные случаи. Думается, что права Т.М. Лопатина, которая указывает, что сходные непосредственные объекты будут являться теми примерными рамками, которые ограничивают возможность выбора суда (жизнь и здоровье) [9, с. 152]. Н.Ф. Кузнецова отмечает, если объектом изнасилования является половая неприкосновенность и половая свобода личности, «иные тяжкие последствия» не могут измеряться единицами имущественного или организационного вреда [7, с. 52]. Действительно, сложно сформулировать рассматриваемый признак через конкретный критерий, поэтому думается, что указанный подход является оптимальным. Однако само содержание процитированного положения удачным признать нельзя, т.к. в такой трактовке без ответа остается целый ряд вопросов.

Первый блок этих вопросов связан с вариантами иных тяжких последствий. Верховный Суд РФ говорит о самоубийстве или попытке самоубийства только потерпевшего. Возникает закономерный вопрос, самоубийство или его попытка других лиц, например близких потерпевшему, могут быть квалифицированы как иные тяжкие последствия преступления? А.И. Коробеев приводит пример, когда мать потерпевшей совершила самоубийство в целях предотвращения изнасилования, и суд признал это обстоятельство иным тяжким последствием изнасилования [5, с. 125]. С таким подходом, когда и самоубийство других лиц следует квалифицировать как иные тяжкие последствия, соглашаются и другие авторы [2, с. 33], а некоторые даже предлагают соответствующей рекомендацией дополнить действующее постановление [8, с. 44]. Однако необходимо иметь в виду то,

что самоубийство или покушение на самоубийство других лиц не всегда могут быть отнесены к иным тяжким последствиям, т.к. эти отдаленные последствия лежат за пределами объективной стороны изнасилования и не всегда могут охватываться сознанием и предвидением возможности их наступления со стороны виновного [10, с. 345]. В приведенном примере самоубийство было совершено в процессе изнасилования с целью его прекращения, поэтому оно верно было расценено как иное тяжкое последствие при условии, что виновный предвидел возможность его совершения или не предвидел, но при необходимой внимательности и предусмотрительности должен был и мог предвидеть эти последствия.

Получается, что в тех случаях, когда иное лицо присутствовало на месте совершения насильственного полового преступления и любым способом выражало намерение или возможность совершить самоубийство, возможно вменение рассматриваемого квалифицирующего признака. Что касается иных случаев, то можно предположить, что свойственное небрежности как разновидности неосторожности должностное предвидение рассматриваемого последствия может иметь место в случае совершения насильственного полового преступления в отношении несовершеннолетнего лица (особенно малолетнего), при наступлении смерти потерпевшего (с любой формой вины) и в некоторых других случаях, перечень которых ввиду вариативности жизненных ситуаций представить сложно.

Поэтому, формулируя рекомендацию о квалификации по рассматриваемому квалифицирующему признаку случаев самоубийств и покушений на самоубийство иных лиц, помимо потерпевшего, Верховному Суду РФ следует указать, что это возможно лишь при установлении виновного отношения (как умысел, так и неосторожность) к таким последствиям со стороны лица, совершившего насильственное половое преступление. Это важно и в свете неоднозначного понимания потерпевшего в насильственных половых преступлениях, т.к. неясно, относить ли к этой категории лиц, к которым применялось насилие или угроза для преодоления сопротивления другого лица [13, с. 29-33]. Также следует понимать и то, что и без изменения текста обсуждаемого постановления рассматриваемая квалификация также возможна, т.к. в указанном постановлении рассмотрены лишь примерные варианты.

Нельзя квалифицировать как «иные тяжкие последствия» смерть потерпевшей, которая причиняется виновным умышленно. Несмотря на очевидность такого положения, в правоприменительной практике можно встретить примеры ошибок. Так, Г., желая сломить сопротивление Б., с целью совершения насильственного полового акта и иных действий сек-

суального характера, применяя физическое насилие, сдавил руками шею Б., в результате чего она потеряла сознание. Сломив сопротивление таким образом, Г. совершил с Б. насильственный половой акт и насильственные действия сексуального характера. Затем, осознавая, что Б. может сообщить о случившемся в правоохранительные органы, Г. задушил ее. Указанные действия Г. суд квалифицировал как изнасилование, повлекшее иные тяжкие последствия, насильственные действия сексуального характера, повлекшие иные тяжкие последствия, и как убийство, сопряженное с изнасилованием и насильственными действиями сексуального характера. Президиум Верховного Суда РФ, рассматривая надзорное представление заместителя Генерального прокурора РФ, изменил приговор и переквалифицировал действия Г. с п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ на ч. 1 ст. 131 УК РФ, с п. «б» ч. 3 ст. 132 УК РФ на ч. 1 ст. 132 УК РФ, указав, что единственным тяжким последствием этих преступлений является смерть потерпевшей Б., однако она нашла самостоятельную юридическую оценку по п. «к» ч. 2 ст. 105 УК РФ [12].

Новым положением в упомянутом постановлении Пленума Верховного Суда РФ является рекомендация о признании беременности потерпевшей от изнасилования иным тяжким последствием. Среди ученых нет единства во мнении о таком решении вопроса. Так, Л.В. Лобанова критически относится к указанию на беременность как на вариант тяжкого последствия. Она считает, что тяжким последствием может признаваться только такая беременность, которая создает опасность для жизни и здоровья [8, с. 46]. И.В. Пантюхина проанализировала мнения различных исследователей этого вопроса и пришла к выводу о том, что, как правило, большинство исследователей мужского пола не видят необходимости особого выделения такого последствия изнасилования, как беременность, в то время как большинство женщин высказывают пожелания выделения специального квалифицирующего признака [11, с. 91]. Думается, что необходимо быть в первую очередь объективным при решении такого рода вопросов и не ставить его решение в зависимость от гендерных интересов.

Во-первых, такое последствие, как беременность, наступившая в результате изнасилования, является дополнительным психотравмирующим фактором ситуации, а в случае ее сохранения долгие годы (возможно даже на протяжении всей жизни потерпевшей) ребенок может стать болезненным напоминанием о факте сексуального насилия. Во-вторых, такая беременность может стать негативным социальным фактором для потерпевшей и будущего ребенка. В-третьих, определить опасность для жизни и здоровья беременности для потерпевшей на началь-

ном этапе не представляется возможным, т.к. такая опасность может развиваться и на поздних сроках беременности и даже в родах. В-четвертых, прерывание беременности несет потенциальную опасность для жизни и здоровья потерпевшей, что может быть выявлено не сразу, а спустя годы или даже десятилетия. В-пятых, беременность в раннем возрасте опасна для дальнейшего репродуктивного развития, психического здоровья и процесса социализации. А беременность в позднем возрасте чревата осложнениями со здоровьем и рождением ребенка с патологиями здоровья. В-шестых, отказ от ребенка после его рождения – тоже негативное социальное и психологическое последствие как для женщины, так и для ребенка. Такими аргументами хотелось бы поддержать позицию Верховного Суда РФ.

В тексте указанного постановления Пленума Верховного Суда РФ никаких других обстоятельств, которые можно было бы назвать иными тяжкими, не приводится. В литературе предлагается относить к иным тяжким последствиям и обострение психических заболеваний, которыми лицо страдало ранее, дается историческое обоснование и даже предлагается такое положение закрепить в постановлении Пленума Верховного Суда РФ [8, с. 45]. Думается, что такое предложение вполне разумно, т.к. психическое заболевание может быть учтено в квалификации содеянного только в том случае, если потерпевший им раньше не страдал и оно возникло как следствие совершенного в отношении него преступления. Если же потерпевший страдал психическим заболеванием и ранее, то изменения состояния здоровья потерпевшего крайне сложно учесть при квалификации содеянного и назначении наказания.

Не рассматривается в литературе такое возможное последствие насильственных половых преступлений, как изменение у потерпевшего сексуальной ориентации с гетеросексуальной на гомосексуальную или наоборот. Такое возможно как в случае изнасилования, когда у потерпевшей развивается неприятие мужчин и контактов с ними, так и в случае совершения насильственного мужеложства или лесбиянства, которые как альтернативный опыт (особенно в раннем возрасте) могут повлиять на сексуальные предпочтения. Причины отсутствия научной дискуссии по этому поводу очевидны. Во-первых, отсутствует «запрос» правоприменительной практики на оценку такого рода ситуаций, в РФ вообще не принято говорить на тему сексуальной ориентации, а тем более о гомосексуализме, в силу чего такие случаи просто не выявляются и невозможно их исследование. Во-вторых, постановка вопроса о признании гомосексуализма потерпевшего тяжким последствием может показаться нетолерантной и направленной на дискриминацию гомосексуалистов. А если говорить и о

том, что в качестве иного тяжкого последствия можно называть изменение гомосексуальной ориентации на гетеросексуальную, то в этом просматривается пропаганда гомосексуализма. В-третьих, установить причинную связь между фактом сексуального насилия и изменением ориентации крайне затруднительно.

МКБ-10 не содержит такого расстройства, как гомосексуализм, но среди психологических и поведенческих расстройств, связанных с половым развитием и ориентацией, называет эгодистоническую половую ориентацию, т.е. состояние, при котором половая принадлежность и сексуальное влечение (гетеросексуальное, гомосексуальное, бисексуальное или препубертатное) не вызывают сомнений, но индивид желает это изменить в связи с присоединившимися психологическими нарушениями и расстройствами поведения и может добиваться лечения для такого изменения. Отдельно выделяется расстройство сексуальных отношений, которое имеет место, когда половая принадлежность или сексуальная ориентация (гетеросексуальная, гомосексуальная или бисексуальная) являются причиной трудностей в формировании и поддержании связи с сексуальным партнером. Так как эти состояния находятся в группе расстройств зрелой личности и поведения у взрослых, то их возникновение у потерпевшего правильно квалифицировать как наступление тяжкого вреда здоровью по признаку наступления психического заболевания.

В литературе соответствующей тематики высказываются предложения о необходимости очень широкого толкования содержания признака «иные тяжкие последствия» с отнесением к этой категории таких последствий, как отказ жениха жениться, лишение крова и пищи со стороны родственников среди лиц определенных национальностей, распад семьи потерпевшей, муж которой, узнав о совершенном преступлении, немедленно разводится с ней [6, с. 145]. Думается, что такую рекомендацию следует расценивать как возможный вариант квалификации в ограниченном числе случаев – тех, когда возможно установить виновное отношение лица, совершившего насильственное половое преступление, к такого рода последствиям.

Второй блок вопросов о квалификации по рассматриваемому квалифицирующему признаку связан с определением формы вины, которой характеризуется отношение виновного к наступлению иных тяжких последствий. Различные авторы, исследуя данный квалифицирующий признак, вполне обоснованно задаются вопросом: относится ли вина в форме неосторожности к признаку «иные тяжкие последствия» или нет [1; 14, с. 49]?

Основываясь на разъяснениях Пленума Верховного Суда РФ о том, что заражение ВИЧ-инфекцией

может быть как умышленным, так и неосторожным, отдельные авторы высказывают вполне логичное мнение о допущении умысла к иным тяжким последствиям [4, с. 63]. Кроме того, в практической плоскости это оправданно, т.к. действительно возможны ситуации, когда виновный желал наступления таких тяжких последствий, которые сами по себе не образуют самостоятельных преступлений. Например, виновный мог желать наступления беременности потерпевшей или не желать, но относиться к такой возможности безразлично. Если признать возможность квалификации содеянного по рассматриваемому признаку только при неосторожном отношении, то такое последствие, как беременность, можно расценить в качестве такового лишь при легкомыслии и небрежности. Предположительно такая форма вины может иметь место, если при сексуальном контакте использовались заведомо ненадежные средства контрацепции или средства с низкой контрацептивной эффективностью. Если такие средства не использовались, то можно говорить об умышленной форме вины. Аналогичная проблема может возникнуть и в случае умышленного отношения виновного к самоубийству или покушению на самоубийство потерпевшей от насильственного полового преступления. Статьи 110 и 110.1 УК РФ, по которым может быть квалифицировано умышленное доведение до самоубийства и склонение к нему, среди признаков объективной стороны содержат закрытый перечень способов, под которые не подпадает рассматриваемый нами. Кроме того, наказание, назначенное в таком случае по правилам назначения наказания при совокупности преступлений, было бы ниже, чем то, которое возможно было бы назначить по п. «п» ч. 3 ст. 131 или ст. 132 УК РФ. В частности, поэтому следует указать на неосторожную форму вины в законодательной конструкции рассматриваемого квалифицирующего признака относить только к тяжкому вреду здоровья, но не к заражению ВИЧ-инфекцией и не к наступлению иных тяжких последствий.

Однако некоторые примеры из практики Верховного Суда РФ косвенно говорят о том, что отношение к иным тяжким последствиям может быть только неосторожным. Так, по одному уже упоминавшемуся делу Президиум Верховного Суда РФ указал, что «в случае, когда смерть потерпевшей наступила в результате умышленных действий виновного, а причинение тяжких последствий по неосторожности судом не установлено, содеянное не может быть квалифицировано по п. "б" ч. 3 ст. 132 и п. "б" ч. 3 ст. 132 УК РФ» [12]. Именно четкое указание на неосторожную форму вины все-таки подводит к мысли о возможности квалификации содеянного виновным по данному квалифицирующему признаку именно при установлении неосторожной формы вины.

В литературе предлагается целый ряд способов, которыми может быть решена сложившаяся проблема [3, с. 32-33]. Думается, что наиболее правильным шагом будет формирование четкой позиции самого Верховного Суда РФ и отражение ее в соответствующем постановлении Пленума. Например, в пункте 13 вышеупомянутого постановления Пленума Верховного Суда РФ возможно указать на то, что действия виновного подлежат квалификации по пункту «б» части 3 статьи 131 и (или) по пункту «б» части 3 статьи 132 УК РФ как при неосторожном, так и при умышленном отношении к наступившим иным тяжким последствиям.

Таким образом, несмотря на то что рассмотренный квалифицирующий признак не является новым

для составов насильственных половых преступлений, имеется практика его применения, некоторые вопросы относительно его содержания до сих пор не являются решенными. Видится правильным для формирования единообразной правоприменительной практики указать в вышеназванном постановлении на возможность квалификации по признаку «иные тяжкие последствия» в случаях самоубийства или покушения на самоубийство и иных, кроме потерпевшего, лиц и в случаях обострения психических заболеваний потерпевшего. В остальных случаях конкретный правоприменитель с учетом особенностей ситуации может принимать решение о признании тех или иных обстоятельств тяжкими последствиями.

Литература

1. Андреева Л.А. Квалификация изнасилований. СПб., 1999. 516 с.
2. Бохан А. Вопросы квалификации изнасилований (ст. 131 УК РФ) и насильственных действий сексуального характера (ст. 132 УК РФ) // Уголовное право. 2014. № 5. С. 32-35.
3. Иванова Л.В. Психическое отношение лица к последствиям в преступлениях против личности, совершаемых с двойной формой вины // Российский следователь. 2017. № 5. С. 31-33.
4. Кахний М.В. Особо квалифицированные виды изнасилования: проблемы теории и правоприменения // Современное право. 2007. № 9. С. 62-64.
5. Коробеев А.И. Ответы на вопросы для обсуждения на конференции // Уголовное право. 2014. № 4. С. 119-127.
6. Коряковцев В.В., Питулько К.В. Руководство адвоката по уголовным делам. СПб.: Питер Пресс, 2006. 528 с.
7. Кузнецова Н.Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» / науч. ред. В.Н. Кудрявцев. М.: Городец, 2007. 336 с.
8. Лобанова Л.В. Содержание квалифицирующего признака «иные тяжкие последствия изнасилования» в интерпретации Пленума Верховного Суда РФ // Вестник Волгоградского государственного университета. 2016. № 2 (31). С. 41-48.
9. Лопатина Т.М. Судейское усмотрение: теория и практика регионального применения // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 149-156.
10. Оценочные признаки в Уголовном кодексе Российской Федерации: научное и судебное толкование: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2014. 736 с.
11. Пантюхина И.В. Оценка изнасилования, повлекшего беременность потерпевшей // Вопросы современной юриспруденции: сборник статей по мат-лам XXIII международной научно-практ. конф-ции. Новосибирск: СибАК, 2013. С. 89-95.
12. Постановление Президиума Верховного Суда РФ № 4П12ПР. URL: <http://www.supcourt.ru/search.php?searchf=%E8%E7%ED%E0%F1%E8%EB%EE%E2%E0%ED%E8%E5+2012>.
13. Тыдыкова Н.В. Уголовно-правовая характеристика и вопросы квалификации насильственных половых преступлений. М., 2013. 192 с.
14. Уголовное право. Особенная часть: учебник для вузов / отв. ред. И.Я. Козаченко, З.А. Незнамова, Г.П. Новоселов. М., 2001. 180 с.

Уголовный процесс, криминалистика, судебная экспертиза, оперативно-разыскная деятельность

УДК 343.13

Н.Н. Гаас

Барнаульский юридический институт МВД России

E-mail: nina.gaas@inbox.ru

ПРАВО ЗАЯВИТЕЛЯ НА ОЗНАКОМЛЕНИЕ С МАТЕРИАЛАМИ ПРОВЕРКИ ПО СООБЩЕНИЮ О ПРЕСТУПЛЕНИИ: ВОПРОСЫ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Целью данной статьи является анализ назревшей проблемы, касающейся фактического положения заявителя в уголовном процессе и его права знакомиться с материалами проверки по сообщенному им преступлению. Данный вопрос является весьма актуальным с позиции обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина. Проведенное исследование имеет практическое значение, направлено на выработку единообразного подхода практических работников к этому вопросу. В статье затронуты проблемы правоприменительной практики, анализируется позиция ученых и практиков, рассматриваются дальнейшие перспективы в уголовном процессе права заявителя на ознакомление с материалами проверки. На основе проведенного анализа сформулированы выводы о необходимости внесения изменений в нормы Уголовно-процессуального кодекса РФ и Уголовного кодекса РФ.

Ключевые слова: заявитель, ознакомление, материал доследственной проверки, права и свободы заявителя.

N.N. Gaas

Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

E-mail: nina.gaas@inbox.ru

THE RIGHT OF THE APPLICANT TO FAMILIARIZE HIMSELF WITH THE MATERIALS OF THE VERIFICATION OF THE CRIME REPORT: ISSUES OF LEGISLATIVE REGULATION

The purpose of this article is to analyze an urgent problem regarding the actual situation of the applicant in the criminal process and his right to familiarize himself with the materials of the verification of the crime he has reported. This issue is very relevant from the standpoint of ensuring the protection of the rights and freedoms of man and citizen. The study has practical value, aimed at developing a uniform approach of practitioners to this issue. The article touches upon the problems of law enforcement practice, analyzes the position of scientists and practitioners, considers further prospects in the criminal process of the applicant's right to familiarize himself with the materials of the audit. Based on the analysis, conclusions are drawn about the need to amend the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation and the Criminal Code of the Russian Federation.

Key words: applicant, familiarization, material of the preliminary investigation, the rights and freedoms of the applicant.

Вот уже долгие годы российские ученые уделяют достаточно много внимания заявителю, его процессуальному статусу, в т.ч. вопросам, какими он наделен правами и как они соотносятся с его обязанностями. Данный вопрос исследовали такие ученые, как В.В. Кальницкий, Л.В. Черепанова, П.В. Сидельников, М.А. Желудков и многие другие [2, 3, 15, 17].

Так, по мнению Л.В. Черепановой, «возможность уголовно-процессуальных гарантий граждан на право доступа к сведениям, полученным в ходе проверки сообщения о преступлении, не достаточно и, как правило, оно обеспечивается лишь при определенном упорстве в отстаивании своих прав» [16].

Нельзя не согласиться с мнением М.А. Желудкова, который считает, что отсутствие однозначного определения заявителя в Уголовно-процессуальном кодексе РФ (далее – УПК РФ) лишает его возможности быть полноценным участником уголовного процесса [2].

УПК РФ не дает доступного определения заявителю как участнику уголовного процесса. Нормативная неопределенность его статуса не исключает факта наличия у него ряда прав (ст. 123, 141, 144-146, 148 УПК РФ) и обязанностей¹.

Еще в 2012 году Н.Е. Муженская и Г.В. Костылева предложили считать заявителем лицо, которое обратилось в правоохранительные органы с заявлением о преступлении в порядке, установленном статьей 141 УПК РФ [5]. Соглашаясь с этим определением, обращаем внимание, что заявитель – это не обязательно в будущем потерпевший, это может быть и подозреваемый, и свидетель, и гражданский истец, и даже лицо, которое не имеет какого-либо отношения к проводимой процессуальной проверке.

Анализируя результаты проведенного в 2019 г. опроса 165 сотрудников подразделений предварительного следствия, дознания, уголовного розыска, участковых уполномоченных полиции и ГИБДД Кемеровской области и Алтайского края, установлено, что все они осуществляли проверки по сообщениям о преступлениях и вступали в контакт с заявителем (как лично, так и опосредованно, т.е. путем направления почтовой корреспонденции). Следует отметить, что 100% опрошенных считают, что заявители на стадии возбуждения уголовного дела обладают теми правами и обязанностями, которые вытекают из его фактического «участия» в происшествии (если причинен вред – то потерпевший, если что-то видел – то свидетель, если совершил противоправное деяние – то подозреваемый), соответственно, в таком статусе и рассматриваются. А правильно ли это? На данный вопрос никто из опрошенных сотрудников не смог

аргументированно ответить, полагаясь лишь на свое внутреннее убеждение.

Отметим, что наличие неясности статуса заявителя ведет к его неправильному толкованию, как следствие, нарушению и ограничению его прав как участника уголовного судопроизводства, в т.ч. права на доступ к правосудию.

Проблемы обеспечения этого права обнаруживаются при ознакомлении заявителя с материалами проверки по сообщенному им преступлению (происшествию).

Указанные факторы актуализируют данную проблему, вынуждая правоприменителей и теоретиков находиться в режиме постоянного ожидания от законодателя четкой позиции в этом вопросе в целях обеспечения эффективной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела.

К примеру, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации Т.Н. Москалькова в докладе за 2016 год, справедливо отмечая несовершенство УПК РФ в части регламентации права заявителя знакомиться с материалами проверки по его сообщению, предложила внести соответствующие изменения в УПК РФ в целях оптимизации стадии возбуждения уголовного дела [1].

Но, как мы видим, данный посыл не нашел своего воплощения в уголовно-процессуальной плоскости.

В то же время нельзя не отметить положения, закрепленные приказом Следственного комитета при Генеральной прокуратуре РФ от 19.09.2007 № 17², обязывающие должностных лиц этого ведомства знакомить заявителя с документами и материалами проверки по его сообщению. Также указанным приказом закреплен порядок реализации этого права [6]. Подчеркнем, что на должностных лиц МВД России и Генеральной прокуратуры РФ такой обязанности не возложено, хотя принцип обеспечения охраны прав и свобод человека и гражданина остается единым для всех. Отсюда следует, что назрела необходимость выработки единообразного применения закона в части обеспечения рассматриваемого права заявителя.

Анализ судебной практики позволяет сделать вывод, что решения должностных лиц, лишаящие возможности ознакомления заявителя с материалами доследственной проверки по его сообщению, чаще всего признаются незаконными.

К примеру, решением Нерюнгринского городского суда (Республика Саха (Якутия)) от 08.02.2016 по делу № 3/10-5/2016 действия должностных лиц одного из территориальных отделов, выразившиеся в отказе предоставления заявителю возможности ознакомиться с материалами доследственной проверки

¹ Например, не совершать ложного доноса, об уголовной ответственности за который он предупреждается на этапе подачи заявления.

² Данный приказ является локальным нормативно-правовым актом, его положения распространяются лишь на должностных лиц Следственного комитета России.

по его заявлению, признаны незаконными. Суд расценил такой отказ, мотивированный наличием персональных данных третьих лиц в собранных материалах, как нарушение ч. 2 ст. 24 Конституции РФ, затрудняющее доступ гражданина к правосудию [10].

Конституция РФ (ч. 2 ст. 24) возлагает на «должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления обязанность обеспечить доступ каждого к документам и материалам, которые непосредственно затрагивают его права и свободы, если иное не предусмотрено законом» [4]. В УПК РФ такая обязанность лица, проводящего проверку по сообщению о преступлении, отсутствует.

Возвращаясь к проведенному опросу, мы установили, что из 165 респондентов лишь 43,6% рассматривали просьбы (ходатайства, заявления) заявителей о предоставлении права ознакомиться с материалами проведенной проверки по сделанному им сообщению. Остальные с таким вопросом не сталкивались, более того, даже не предполагали о наличии у заявителя такого права, т.к. в УПК РФ это «не предусмотрено». Отсюда следует, что при возникновении соответствующей ситуации, они вполне могли им отказать в реализации данной возможности. При этом 13,9% опрошенных знакомили заявителя не со всеми материалами, допуская ограничения в части предоставления для обозрения заявителю результатов оперативно-разыскной деятельности (10,3%), сведений о персональных данных иных лиц (3,6%). На вопрос, в связи с чем ими были установлены такие ограничения, сотрудники пояснили, что не посчитали нужным знакомить заявителя с этими материалами, руководствуясь все тем же «внутренним убеждением». При этом следует отметить, что решение о предоставлении материала проверки для ознакомления заявителю опрошенные принимали самостоятельно (35,2%) и по указанию руководства либо прокурора (8,5%).

В практической деятельности, к сожалению, по-прежнему продолжают иметь место необоснованные решения об отказе заявителям в ознакомлении с материалами доследственной проверки и, как показывает опрос, необоснованные ограничения при ознакомлении.

Учитывая, что нормы УПК РФ, четко регламентирующие этот сектор правоотношений, отсутствуют, лица, осуществляющие предварительную проверку по заявлению (сообщению, обращению) о преступлении (происшествии), ошибочно толкуют нормы ФЗ «О полиции» [8] и ФЗ «О персональных данных» [7].

Так, в ч. 5 ст. 30 ФЗ «О полиции» закреплено, что «сотрудник полиции не обязан давать какие-либо объяснения по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять такие дела и материалы, в том числе затрагивающие

права и свободы человека и гражданина, для ознакомления, иначе как в случаях и порядке, предусмотренных законодательством Российской Федерации»¹. По нашему мнению, применение данной нормы необходимо осуществлять, учитывая разъяснения Конституционного Суда РФ, который изложил свою правовую позицию в этой ситуации следующим образом: «ограничения прав граждан на доступ к информации могут быть установлены только законом. ФЗ «О полиции», не обязывая сотрудника полиции давать какие-либо объяснения по существу находящихся в его производстве дел и материалов, а также предоставлять такие дела и материалы для ознакомления, таким образом, гарантирует правовую защиту сотрудника полиции во время проведения им проверочных мероприятий» [9].

Обращаем внимание, что законодателем не определен и порядок ознакомления заявителя с материалами после того, как производство по материалу будет завершено.

ФЗ «О персональных данных» регулирует отношения, связанные с обработкой персональных данных, «если их обработка позволяет осуществлять поиск персональных данных, зафиксированных на материальном носителе и содержащихся в картотеках или иных систематизированных собраниях персональных данных, и (или) доступ к таким персональным данным»² (ч. 1 ст. 1). Следовательно, этот закон не действует в процессе возбуждения уголовных дел, а также не может быть положен в основу ограничения права заявителя на ознакомление с материалами проверок сообщений о преступлениях.

Иначе говоря, положения ФЗ «О полиции» и ФЗ «О персональных данных» не содержат норм, препятствующих доступу заявителя к материалам проверки по его сообщению (заявлению).

Здесь уместно обратить внимание на необходимость формулирования не имеющего двойственного толкования определения того, что же все-таки понимается под «документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы».

Широкий круг полномочий должностных лиц в сфере уголовного процесса, в т.ч. на стадии возбуждения уголовного дела, порой позволяет получать информацию, излишний доступ к которой не всегда оправдывает цели уголовного судопроизводства. Поэтому некоторые ограничения выступают определенным сдерживающим фактором, позволяющим соблюдать баланс между правами человека и охраняемой законом тайной.

¹ Такие случаи в законе не нашли своего отражения.

² Проверку по сообщениям о преступлениях, в результате которой получены данные о лице, нельзя отнести к деятельности по собиранию и систематизации персональных данных.

Обратимся вновь к правовой позиции Конституционного Суда РФ, который неоднократно указывал, что «ограничение права, вытекающего из части 2 статьи 24 Конституции РФ, допустимо лишь в соответствии с федеральным законом, устанавливающим специальный правовой статус, подлежащий распространению информации. Вся информация, которая, исходя из Конституции РФ и федеральных законов, не может быть отнесена к сведениям ограниченного доступа в силу непосредственного действия вышеуказанной статьи Конституции РФ, должна быть доступна гражданину, если собранные документы и материалы затрагивают его права и свободы. Законодатель не предусматривает специальный правовой статус такой информации в соответствии с конституционными принципами, обосновывающими необходимость и соразмерность ее особой защиты» [10, 13, 11, 12, 9].

Следовательно, под документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы человека и гражданина, с которыми он имеет право знакомиться, понимаются сведения, полученные в ходе проведения проверки по сообщению о преступлении (происшествии), касающиеся этого человека и гражданина, доступ к которым не имеет специальных правовых ограничений. Перечень таких сведений в полной мере определен законодательством Российской Федерации и не может иметь иного, более широкого толкования. К ним относятся: государственная, коммерческая, банковская, врачебная, нотариальная и другие виды тайн, конфиденциальность арбитража, сведения о защищаемых лицах, сведения о должнике, секрет производства (ноу-хау) и пр.

Особое внимание обращаем на тот факт, что не всегда заявитель является лицом, чьи права и свободы затронуты в ходе проведения проверки. Например, сообщение прохожего об обнаружении трупа человека, который лишь констатирует факт того, что скончался человек. По своей сути, он является за-

явителем, но будут ли действия должностных лиц по проведению проверки о причинах смерти затрагивать его права и свободы? Наделяется ли он правом ознакомления с собранными материалами? Полагаем, что нет. А вот, лицо, являющееся по закону представителем покойного, безусловно, такое право приобретает по мере вовлечения его в уголовно-процессуальную деятельность при проверке сообщения о преступлении.

Таким образом, полагаем, что имеющиеся пробелы в уголовно-процессуальном законе и, как следствие, отсутствие единообразной практики в части соблюдения права заявителя на ознакомление с материалами проверки по его сообщению (заявлению) требуют от законодателя скорейшего разрешения. Упорядочение деятельности должностных лиц, осуществляющих проверку по сообщению о преступлении, полагаем возможным осуществить путем внесения изменений и дополнений:

- в ч. 2 ст. 145 УПК РФ, изложив ее в следующей редакции: «О принятом решении сообщается заявителю. При этом заявителю разъясняется его право по письменному ходатайству знакомиться с материалами проверки по сообщению о преступлении, затрагивающими его права и свободы. Также заявителю разъясняется порядок обжалования принятого решения. Об ознакомлении составляется протокол. Перед началом ознакомления с материалами проверки заявитель предупреждается об уголовной ответственности по ст. 310 УК РФ, о чем делается отметка в протоколе ознакомления»;

- в ст. 310 УК РФ, изложив ее наименование и диспозицию в следующей редакции: «Статья 310. Разглашение данных досудебного производства. Разглашение данных досудебного производства лицом, предупрежденным в установленном законом порядке о недопустимости их разглашения, если оно совершено без согласия лиц, производящих предварительное следствие, дознание либо проверку по сообщению о преступлении (происшествии)».

Литература

1. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2016 год [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Желудков М.А. Проблемные вопросы защиты прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступлений // *Lex russica*. 2019. № 2. С. 81-91.
3. Кальницкий В.В. Судебное заседание в досудебном производстве по уголовным делам: учебное пособие. Омск: Омская академия МВД России, 2009. 96 с.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. // *Собрание законодательства РФ*. 2014. № 31. Ст. 4398.
5. Муженская Н.Е., Костылева Г.В. Заявитель – участник уголовного судопроизводства // *Законность*. 2012. № 7. С. 52.
6. О введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в системе Следственного комитета при прокуратуре Российской Федерации [Электронный ресурс]: приказ Следственного комитета при прокуратуре РФ от 19 сентября 2007 г. № 17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О персональных данных [Электронный ресурс]: федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О полиции [Электронный ресурс]: федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Навального Алексея Анатольевича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 145, частью четвертой статьи 148 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, частью 5 статьи 30 Федерального закона «О полиции» и статьей 7 Федерального закона «О персональных данных» [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 29 сентября 2011 г. № 1251-О-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

10. По жалобе граждан Березовского Бориса Абрамовича, Дубова Юлия Анатольевича и Патаркацишвили Аркадия Шавловича на нарушение их конституционных прав положениями статей 47, 53, 162 и 195 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда от 18 декабря 2003 г. № 429-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. По жалобе гражданина Коваля Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав положениями статей 47 и 53 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 12 мая 2003 г. № 173-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. По жалобе гражданина Часовских Сергея Владимировича на нарушение его конституционных прав частью второй статьи 416 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 18 января 2005 г. № 39-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. По жалобе Старовойтовой Ольги Васильевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 части второй статьи 42, частью восьмой статьи 162 и частью второй статьи 198 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [Электронный ресурс]: определение Конституционного Суда РФ от 4 ноября 2004 г. № 430-О. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

14. Постановление Нерюнгринского городского суда Республики Саха (Якутия) от 8 февраля 2016 г. по делу № 3/10-5/2016. URL: <http://docs.pravo.ru/document/view/84538424/97161813/> (дата обращения: 01.08.2019).

15. Седельников П.В. Доступ участников уголовного процесса к материалам досудебного производства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006.

16. Черепанова Л.В. О доступе к материалам проверки сообщения о преступлении по уголовному делу, производство предварительного расследования по которому не окончено // Алтайский юридический вестник. 2014. № 3 (7). С. 104-108.

17. Черепанова Л.В. Соразмерность ограничения права на ознакомление с материалами, полученными на первоначальной стадии уголовного процесса // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики: в 2 ч. Тамбов: Грамота, 2014. № 8 (46). Ч. II. С. 197-201.

УДК 343.14:343.985

С.И. Давыдов, доктор юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: davidov_ord@mail.ru;

Е.А. Моляров
адъюнкт Барнаульского юридического института МВД России
E-mail: kaa91@bk.ru

ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНОГО МЕРОПРИЯТИЯ «ОТОЖДЕСТВЛЕНИЕ ЛИЧНОСТИ» В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

В статье авторами рассматриваются основные направления использования результатов оперативно-разыскного мероприятия «Отождествление личности» в уголовном судопроизводстве: для принятия процессуальных решений; при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий; для подготовки и проведения следственных действий; в доказывании по уголовным делам. Представлены результаты изучения следственной и судебной практики, в частности факты использования результатов оперативно-разыскного мероприятия «Отождествление личности» в качестве доказательств по уголовным делам и по делам об административных правонарушениях. Обосновывается предложение о необходимости законодательного закрепления использования результатов оперативно-разыскных мероприятий в качестве доказательств по уголовным делам.

Ключевые слова: отождествление личности, непроцессуальное опознание, использование результатов оперативно-разыскной деятельности.

S.I. Davidov, Doctor of Juridical Sciences, assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: davidov_ord@mail.ru;

E.A. Moliarov
postgraduate student of Barnaul Law Institute of the Ministry
of Internal Affairs of Russia
E-mail: kaa91@bk.ru

ON THE USE OF THE RESULTS OF THE OPERATIONAL-SEARCH MEASURE «THE IDENTIFICATION OF PERSONS» IN CRIMINAL PROCEEDINGS

The authors of the article consider the main directions of using the results of the operational-search measure «the identification of persons» in criminal proceedings: for making procedural decisions; when planning an investigation, nomination and verification investigative versions; for the preparation and conduct of investigative activities; in the process of evidence in criminal cases. The results of a study of investigative and judicial practice, in particular, the facts of using the results of the operational-search measure «the identification of persons» as evidence in criminal cases and cases of administrative offenses, are presented. The proposal for a legislative amendment regarding the use of the results of operational-search measures as evidence in criminal cases is justified.

Key words: identification of a person, non-procedural identification, use of the results of operational-search activities.

Исследование проблемных вопросов использования результатов конкретных оперативно-разыскных мероприятий следует рассматривать как определенный вклад в разрешение более общей проблемы использования результатов оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в уголовном судопроизводстве. На этот счет продолжаются дискуссии, в т.ч. с активным участием специалистов в области уголовного процесса. Так, 30 марта 2018 г. в Воронежском государственном университете состоялся Всероссийский научно-практический круглый стол «Уголовно-процессуальное доказывание: проблемы, специфика и взаимодействие с оперативно-разыскной деятельностью». Материалы круглого стола опубликованы в очередном выпуске журнала «Судебная власть и уголовный процесс» [7].

Как отметил один из участников круглого стола профессор С.Б. Россинский, актуальность проблематики использования результатов ОРД в доказывании по уголовному делу обусловлена тем, что при бесспорно важном значении подобных результатов для установления обстоятельств, входящих в предмет доказывания, современное законодательство не позволяет расценивать их в качестве полноценных доказательств [12].

Действительно, ст. 89 УПК РФ «Использование в доказывании результатов оперативно-розыскной деятельности» фактически допускает использование оперативных материалов в качестве доказательств при условии их получения в рамках уголовно-процессуальной деятельности, что в принципе невозможно в силу специфики самой природы ОРД.

Вместе с тем, как показывает практика раскрытия и расследования преступлений, материалы, полученные в результате проведения оперативно-разыскных мероприятий, используются в уголовном судопроизводстве для решения самых разных задач, включая и доказывание по уголовному делу.

Каждое из пятнадцати оперативно-разыскных мероприятий, предусмотренных Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» (далее – ФЗ «Об ОРД»), имеет свою специфику, отличается по содержанию и целям, для достижения которых оно осуществляется. Отождествление личности – это оперативно-разыскное мероприятие (далее – ОРМ), которое заключается в установлении лиц, причастных к совершению преступлений либо находящихся в розыске, потерпевших или лиц, располагающих оперативно значимой информацией, а также других объектов, представляющих оперативный интерес, путем непроцессуального сравнения объекта с его отражением [15, с. 139-140]. Указанное ОРМ может осуществляться посредством следующих действий:

- негласного опознания по признакам внешности, голосу и другим приметам;

- информационного поиска в оперативно-разыскных и криминалистических учетах;

- исследования предметов, документов, биологических объектов, фотоснимков и т.д. [15, с. 138].

В ходе проведенного исследования нам не удалось обнаружить научных публикаций, специально посвященных исследованию результатов ОРМ «Отождествление личности». Частично эти вопросы рассматривал В.В. Важенин в своей кандидатской диссертации закрытого характера в 2001 г. Однако целый ряд вопросов остался вне его поля зрения. Обращение к указанной проблеме обусловлено серьезными изменениями в современной практике использования результатов ОРД в уголовном судопроизводстве, потребностью поиска правовых механизмов использования оперативных материалов в доказывании по уголовным делам.

Полагаем, что возможности и направления использования результатов ОРМ «Отождествление личности» в уголовном процессе определяются содержанием информации, которая может быть добыта в ходе его проведения. В обобщенном виде такую информацию целесообразно разделить на два типа. Во-первых, это персонифицированная информация, позволяющая прямо идентифицировать человека (например, при отождествлении личности путем использования дактилоскопического сканера АДИС «Папилон» добываются персонифицированные данные о лице – фамилия, имя, отчество и т.д.). Во-вторых, это информация, отражающая связь конкретного лица с событием преступления (например, при непроцессуальном отождествлении личности путем очного опознания, в ходе которого лицо опознается как совершившее преступление).

Вне всякого сомнения, оба типа информации являются значимыми для решения задач уголовного судопроизводства, в частности для раскрытия преступлений, установления лиц, причастных к их совершению, формирования доказательственной базы по уголовным делам. Изучение оперативно-разыскной, следственной и судебной практики позволило выделить следующие направления использования указанной информации в уголовном судопроизводстве:

- для принятия следователем (дознавателем), судьей процессуальных решений;

- при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий;

- для подготовки и проведения следственных действий;

- в доказывании по уголовным делам.

Рассмотрим каждое направление подробнее.

1. Использование результатов ОРМ «Отождествление личности» для принятия процессуальных решений. Процессуальное решение – это волеизъявление субъекта (следователя, дознавателя,

суда), принятое в установленном уголовно-процессуальным законом порядке и облеченное в предусмотренную этим законом форму [6]. Примерами процессуальных решений, для принятия которых могут использоваться результаты ОРМ «Отождествление личности», являются:

- решение о возбуждении уголовного дела;
- решение об уголовном преследовании в отношении конкретного лица;
- решение о задержании в порядке ст. 91 УПК РФ;
- решение об избрании меры пресечения подозреваемому или обвиняемому по уголовному делу.

В ходе проведенного нами анкетирования сотрудников оперативных подразделений 11% респондентов указали на то, что результаты, полученные ими в ходе проведения ОРМ «Отождествление личности», использовались при принятии процессуального решения о возбуждении уголовного дела. Уточним, что результаты исследуемого ОРМ оценивались вместе с другими материалами доследственной проверки, которые в совокупности содержали достаточные данные, указывающие на признаки преступления, и послужили основанием для возбуждения уголовного дела. Кроме того, 31% респондентов указали на то, что в их практике результаты непроцессуального опознания использовались для принятия решения об уголовном преследовании в отношении конкретного лица по уже имеющимся уголовным делам публичного и частно-публичного обвинения. Наиболее распространенным сценарием использования результатов ОРМ «Отождествление личности» в рамках указанного направления является проведение оперативными сотрудниками на основании поручения следователя (дознателя) по возбужденному уголовному делу «результативного» непроцессуального опознания лица, совершившего преступление с последующим представлением инициатору поручения соответствующих материалов.

Достаточно интересны и другие результаты анкетирования – 14% сотрудников оперативных подразделений указали на то, что полученные ими результаты ОРМ «Отождествление личности» были использованы в уголовном судопроизводстве для принятия решения о задержании в порядке ст. 91 УПК РФ. Уточним, что в соответствии со ст. 91 УПК РФ (основания задержания подозреваемого) лицо может быть задержано по подозрению в совершении преступления в случае, когда потерпевшие либо очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление. Опознание в рамках ОРМ «Отождествление личности», как представляется, может трактоваться как допустимый и имеющий процессуальное значение способ «указания на преступника». В дальнейшем при решении вопроса о задержании результаты проведенного ОРМ, как правило, дополнительно

закрепляются следователем путем производства допросов опознавших преступника лиц и других следственных действий.

Результаты ОРМ «Отождествление личности», как показывает практика, могут использоваться и при принятии решений об избрании меры пресечения в отношении лиц, подозреваемых (обвиняемых) в совершении преступления. Так, например, в соответствии с апелляционным постановлением Верховного Суда Республики Крым от 26 июня 2019 г. № 3/1-125/2019 следователь в ходе производства по уголовному делу, возбужденному по признакам состава преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, 29 мая 2019 г. обратился в Киевский районный суд г. Симферополя Республики Крым с ходатайством об избрании в отношении гр. Х. меры пресечения в виде заключения под стражу сроком на 2 месяца. В обоснование принимаемого решения следователь сослался на акт проведения ОРМ «Отождествление личности» как документ, подтверждающий оправданность подозрений в совершенном преступлении гр. Х. Судом данное ходатайство было удовлетворено [1]. Аналогичным примером является апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07.12.2018 № 22к-1564/2018 [2].

2. Использование результатов ОРМ «Отождествление личности» при планировании расследования, выдвижении и проверке следственных версий. Выдвижение следственных версий об обстоятельствах совершения преступления и лицах, его совершивших, в ходе его расследования является неотъемлемым элементом деятельности следователя. Выдвижение версий необходимо для планирования расследования по уголовным делам. Базисом выдвижения следственных версий является информация, в той или иной мере связанная с совершенным преступлением. По результатам проведения ОРМ «Отождествление личности» может быть получена информация, позволяющая сделать вероятностный вывод о причастности лица (лиц) к событию преступления. Например, показания потерпевшего о том, что предъявленное ему для непроцессуального опознания лицо имеет сходство с лицом, которое совершило преступление. Установление круга лиц, вероятно причастных к совершению преступления, возможно путем проверки субъективного портрета преступника по АИПС «Сова». Полученная информация, безусловно, не может восприниматься как категоричная, объективно отражающая факт наличия связи определенных лиц к событиям преступления. Но она пригодна и должна использоваться для построения версий относительно лиц, причастных к его совершению. Обоснованность выдвинутых версий является условием эффективной работы по раскрытию и расследованию преступлений.

3. Использование результатов ОРМ «Отождествление личности» для подготовки и проведения следственных действий. В ходе анкетирования сотрудников оперативных подразделений 17% респондентов указали на то, что полученные ими результаты непроцессуального опознания личности использовались для подготовки и осуществления следственных действий. Обусловлено это тем, что результаты ОРМ «Отождествление личности» могут использоваться для установления «анкетных данных» (Ф.И.О., дата и место рождения и т.д.) участников следственных действий, необходимых в том числе для заполнения протоколов следственных действий. Актуально это в ситуациях, когда участник следственного действия отказывается сообщить о себе достоверные данные при отсутствии у него документов, удостоверяющих личность. Одним из способов разрешения данной ситуации является проведение непроцессуального отождествления личности, например, путем использования комплекса АДИС «Папилон», предназначенного в том числе для автоматизированной идентификации лица по папиллярным узорам пальцев и ладоней рук. Кроме того, информация, полученная по результатам непроцессуального отождествления личности, отражающая наличие связи конкретного лица с событием преступления, может учитываться следователем и при построении тактики проведения следственного действия с участием данного лица.

4. Использование результатов ОРМ «Отождествление личности» в доказывании по уголовным делам. В ходе анкетирования сотрудников оперативных подразделений 14% респондентов указали на то, что полученные ими результаты непроцессуального опознания личности использовались в доказывании по уголовным делам. В соответствии с официальной позицией Конституционного Суда РФ результаты ОРМ являются не доказательствами, а лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований ФЗ «Об ОРД», могут стать доказательствами только после закрепления их надлежащим процессуальным путем [10]. Таким образом, следуя логике высшего судебного органа, результаты ОРМ «Отождествление личности» не являются доказательствами, а служат лишь ориентиром для следователя (дознателя) при собирании доказательств, которое осуществляется путем производства следственных и иных процессуальных действий. Такими следственными действиями могут выступать допросы участников ОРМ «Отождествление личности» об обстоятельствах проведения непроцессуального опознания, а также назначение судебной портретной экспертизы (например, если непроцессуальное опознание было проведено посредством биометрических методов идентификации по фото- или видеозображению лицевой области человека).

Однако анализ следственной и судебной практики показал, что результаты ОРМ «Отождествление личности» используются следователями, дознавателями и судьями не только как ориентирующая информация, но и как доказательства. Примером привлечения результатов ОРМ «Отождествление личности» как доказательств по уголовным делам является Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 23.04.2018 № 10-1934/2018 [4]. Из данного постановления следует, что в процессе судебного рассмотрения уголовного дела, возбужденного в отношении гр. М по факту совершения преступления, предусмотренного частью 1 ст. 273 УК РФ (создание, использование и распространение компьютерных программ), судьей Челябинского областного суда были исследованы в качестве доказательств представленные стороной обвинения документы, составленные по итогам проведения ОРМ «Отождествление личности».

Еще одним примером судебного решения, в котором результаты ОРМ «Отождествление личности» рассматривались в числе доказательств, подтверждающих вину осужденного, является приговор Кировского районного суда города Самары от 23.04.2018 по делу № 1-153/2018 [11]. Указанные примеры не являются единственными, и подобная практика получает распространение. Обратим внимание на то, что на результаты непроцессуального отождествления личности как доказательства, подтверждающего виновность лица в совершении преступления, имеются указания в целом ряде изученных нами обвинительных заключений и обвинительных актов, составленных следователями и дознавателями.

По нашему мнению, подобная практика обусловлена рядом обстоятельств. Во-первых, имеются факторы, затрудняющие «перевод» результатов ОРМ «Отождествление личности» в надлежащие доказательства. Одним из таких факторов является положение ч. 3 ст. 193 УПК РФ, в соответствии с которой «не может проводиться повторное опознание лица или предмета тем же опознающим и по тем же признакам» [14]. Данное положение может расцениваться как запрет на проведение следственного действия «Предъявление для опознания» после проведенного ОРМ «Отождествление личности».

Во-вторых, информация, получаемая в ходе ОРМ «Отождествление личности», имеет важное доказательственное значение. Как было отмечено ранее, она может указывать на наличие конкретной связи лица с событием преступления, в т.ч. и на прямую причастность лица к его совершению. Подобного рода информация, имеющая значение для доказывания по уголовному делу, соответствует такому свойству доказательств, как относимость. Кроме того, документально зафиксированная информация,

полученная по результатам непроцессуального отождествления личности, может удовлетворять и другим требованиям к доказательствам достоверности, полноты и объективности. Именно в связи с этим, по нашему мнению, следователи (дознаватели) и судьи принимают решение об использовании в ходе производства по уголовному делу результатов ОРМ «Отождествление личности» как доказательств.

Следует отметить, что многие ученые указывают на необходимость прямого признания результатов ОРД в качестве доказательств на нормативно-правовом уровне. Среди них В.М. Борзов [5], С.В. Зуев [8], Я.М. Мазунин [9], А.К. Саяков [13], С.Б. Россинский [12] и др. Их позиция заслуживает полной поддержки.

Практика признания результатов ОРМ доказательствами по уголовным делам на законодательном уровне имеется в ряде стран, например в Азербайджанской Республике, Республике Молдова, Туркменистане.

Кроме того, исследования в области использования результатов ОРМ «Отождествление личности» показывают, что документально зафиксированные результаты непроцессуального отождествления личности используются и в административном судопроизводстве. Так, например, согласно ряду судебных постановлений по делам об административных правонарушениях судьями в качестве «письменного доказательства» вины принимаются и изучаются документы, составленные по итогам проведения ОРМ «Отождествление личности». Примером яв-

ляется Апелляционное постановление Московского районного суда города Чебоксары от 22.01.2018 по делу № 10-1/2018 [3]. Результаты ОРМ «Отождествление личности» наиболее часто используются при производстве по делам об административных правонарушениях, предусмотренных ч. 2 ст. 20.2 (организация либо проведение публичного мероприятия без подачи в установленном порядке уведомления о проведении публичного мероприятия), ч. 1 ст. 20.3 КоАП РФ (пропаганда либо публичное демонстрация нацистской атрибутики или символики, сходных с нацистской атрибутикой или символикой, либо атрибутики или символики экстремистских организаций). Необходимо обратить внимание на то, что данные административные правонарушения имеют смежные составы с преступлениями, для выявления которых, как мы полагаем, и были проведены ОРМ.

Таким образом, отмечаем некоторое противоречие. С одной стороны, отсутствуют четкие правовые предписания использования результатов ОРД, в т.ч. и ОРМ «Отождествление личности», в доказывании по уголовным делам. А с другой – складывающаяся судебная практика, где материалы, полученные в ходе оперативно-разыскных мероприятий, приобщаются к уголовным делам и воспринимаются как полноценные доказательства.

Разрешение указанного противоречия возможно путем научно обоснованных дополнений в уголовно-процессуальное и оперативно-разыскное законодательство.

Литература

1. Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Крым от 26.06.2019 № 3/1-125/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное постановление Липецкого областного суда от 07.12.2018 № 22к-1564/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Апелляционное постановление Московского районного суда города Чебоксары от 22.01.2018 № 10-1/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Апелляционное постановление Челябинского областного суда от 23.04.2018 № 10-1934/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Борзов В.М. Результаты оперативно-розыскной деятельности – статус доказательств в уголовном процессе // Российская юстиция. 2004. № 4. С. 46-48.
6. Гладышева О.В. Уголовно-процессуальные решения: проблема определения // Вестник ОГУ. 2012. № 3 (139). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovno-protsessualnye-resheniya-problema-opredeleniya> (дата обращения: 28.10.2019).
7. Золотов Д.В. Круглый стол «Уголовно-процессуальное доказывание: проблемы, специфика и взаимодействие с оперативно-розыскной деятельностью», посвященный светлой памяти Юрия Васильевича Астафьева (Воронеж, 30 марта 2018 г.) // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. С. 14-23.
8. Зуев С.В. Использование результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств // Уголовное право. 2007. № 3. С. 94-97.
9. Мазунин Я.М. О необходимости придания результатам оперативно-розыскной деятельности статуса доказательств // Уголовно-процессуальные и криминалистические чтения на Алтае: мат-лы десятой (юбилейной) Всероссийской научно-практ. конф-ции, посвященной 75-летию со дня рождения и 50-летию научно-педагогической деятельности В.К. Гавло. Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2011. С. 65-70.

10. Определение Конституционного Суда РФ от 04.02.1999 № 18-О [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

11. Приговор Кировского районного суда города Самары от 23.04.2018 по делу № 1-153/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

12. Россинский С.Б. Результаты оперативно-розыскной деятельности нужно признать доказательствами по уголовному делу // Судебная власть и уголовный процесс. 2018. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rezultaty-operativno-rozysknoy-deyatelnosti-nuzhno-priznat-dokazatelstvami-po-ugolovnomu-delu> (дата обращения: 28.10.2019).

13. Саяков А.К. О необходимости придания результатам оперативно-розыскной деятельности статуса доказательств в уголовно-процессуальном законодательстве Кыргызской Республики // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2011. № 4 (18). С. 91-95.

14. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 02.08.2019; с изм. и доп., вступ. в силу с 01.10.2019) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. 1). Ст. 4921.

15. Чечетин А.Е. Актуальные проблемы теории оперативно-розыскных мероприятий: монография. М.: Издательский дом Шумиловой И.И., 2006. 180 с.

УДК 343.148.63

Н.Н. Ильин, канд. юрид. наук

Московская академия Следственного комитета Российской Федерации

E-mail: nick703@yandex.ru

СИТУАЦИОННЫЕ ЗАДАЧИ ТРАНСПОРТНО-ТЕХНИЧЕСКИХ СУДЕБНЫХ ЭКСПЕРТИЗ

Автором рассматриваются вопросы, связанные с определением ситуационных задач транспортно-технических судебных экспертиз. Представляется, что рассматриваемый вопрос остается актуальным, поскольку вышеназванный класс судебных экспертиз в полной мере не изучен. Задачи судебной экспертизы являются неотъемлемым и основополагающим признаком родовой и видовой принадлежности экспертного исследования. В настоящее время нет единого мнения относительно классификации экспертных задач. На основе изученной автором судебно-следственной и экспертной практики, специальной литературы предложено теоретическое и практическое обоснование для выделения ситуационных задач в самостоятельную группу. Кроме того, применительно к классу транспортно-технических судебных экспертиз раскрыто содержание ситуационных задач. В данном случае задачи транспортно-технических судебных экспертиз подразделяются на задачи отрасли научного знания и задачи экспертных исследований. Отдельно отмечено, что установление причинно-следственной связи в рамках производства транспортно-технических судебных экспертиз поможет следователю отграничить друг от друга схожие преступления. Статья призвана в определенной мере восполнить обозначенные пробелы в теории и практике рассматриваемых судебных экспертиз.

Ключевые слова: диагностика, задачи судебной экспертизы, ситуационные задачи, судебная экспертиза, транспортное происшествие, транспортно-технические судебные экспертизы.

N.N. Ilyin, Candidate of Juridical Sciences

Moscow Academy of the Investigative Committee of the Russian Federation

E-mail: nick703@yandex.ru

SITUATIONAL TASKS OF TRANSPORT AND TECHNICAL FORENSIC EXAMINATIONS

The author considers issues related to the definition of situational tasks of transport and technical forensic examinations. It seems that the issue under consideration is relevant, since the above-mentioned class of forensic examinations has not been fully studied. Forensic tasks are an integral and fundamental sign of the birth and species identity of the expert study. There is currently no consensus on the classification of expert tasks. On the basis of the forensic and expert practice studied by the author, the special literature proposed a theoretical and practical justification for the allocation of situational tasks to an independent group. In addition, the content of situational tasks has been revealed in relation to the class of transport and technical forensic examinations. In this case, the tasks of transport and technical forensic examinations are divided into the tasks of the scientific knowledge industry and the tasks of expert research. It is separately noted that the establishment of a causal link in the framework of the production of transport and technical forensic examinations will help the investigator to distinguish from each other similar crimes. The article is intended, to some extent, to fill the identified gaps in the theory and practice of the forensic examinations under consideration.

Key words: diagnostics, forensic tasks, situational tasks, forensic examination, transport incident, transport and technical forensic examinations.

Как показывает анализ диссертационных исследований по проблемам, связанным с назначением и производством транспортно-технических судебных экспертиз¹, в настоящее время этот вопрос является актуальным, поскольку вышеназванный класс судебных экспертиз недостаточно изучен. В литературе до сих пор не разработаны теоретические положения, касающиеся предмета транспортно-технических экспертиз, их объектов и задач, кроме автотехнической экспертизы, являющейся лишь одним из родов.

Создание эффективной системы борьбы с преступлениями против безопасности движения и эксплуатации транспорта предполагает как полное и всестороннее изучение причин и условий совершения самих преступлений, так и совершенствование методики их расследования, процесс которого не обходится без использования специальных знаний в форме судебной экспертизы.

Довольно часто практика (следственная, судебная и экспертная) определяет развитие теоретических знаний в судебной экспертизе. Анализ и обобщение современной следственной и экспертной практики показывают, что, несмотря на отсутствие отдельных (родов) видов судебных экспертиз в специальных перечнях, разработанных в государственных экспертных учреждениях, нередко их результаты успешно используются при раскрытии и расследовании преступлений. Потребности органов следствия зачастую требуют поиска более совершенных форм применения специальных знаний. Применительно к конкретной судебной экспертизе ее предметом является та задача, которую эксперт решает в ходе ее производства в пределах своей компетенции.

Задачи, решаемые судебными экспертами, определяются ее предметом, возможностями исследования объекта и тесным образом связаны с методикой его проведения.

Однако сводить все к практической составляющей не совсем будет правильным, поскольку теоретическая разработка решения какого-либо вопроса также требует своей реализации. В данном случае задачи транспортно-технических судебных экспертиз можно подразделить на две основные группы: 1) задачи отрасли научного знания и 2) задачи экспертных исследований.

Общей задачей частной теории транспортно-технических судебных экспертиз является разработка научных основ, связанных с понятием и классифи-

кацией, определением предмета, объекта, задач и общих подходов по исследованию транспортных средств, а также обстоятельств происшествий, в которых они были задействованы.

К частным (или специальным) задачам теории рассматриваемого класса судебных экспертиз следует отнести изучение закономерностей формирования и развития авиационно-технических, водно-технических и железнодорожно-технических судебных экспертиз, а также расширение их возможностей.

Задачи транспортно-технических судебных экспертиз, связанные с непосредственным процессом исследования, заключаются в выявлении и изучении свойств и признаков объектов, которые в результате практико-познавательной деятельности эксперта позволяют устанавливать некоторые факты и события, ранее существовавшие в действительности.

Так же как и с предметом судебной экспертизы, в настоящее время нет единого подхода, касающегося классификации экспертных задач.

С развитием судебной экспертизы, а точнее одной из ее составляющей – криминалистической экспертизы, предлагалось подразделять все задачи на две основные группы: идентификационные и неидентификационные. В их число входило установление определенных фактов и обстоятельств, например место, время, способ, последовательность совершения какого-либо действия или наступления события, механизм слеодообразования и др. [1, с. 143-146; 14, с. 6-17; 19].

А.И. Винберг вначале поддерживал указанную точку зрения, однако позднее изменил мнение, признав данную классификацию весьма расплывчатой, и предложил, исходя из предмета судебной экспертизы, основных методов экспертного исследования и решаемых задач, делить криминалистические экспертизы на три группы: идентификационные, диагностические и ситуационные [4, с. 71-75].

Благодаря работе В.А. Снеткова, в которой он употребил термин «диагностика» применительно к задачам экспертного исследования, классификация судебных экспертиз претерпела изменения [16, с. 103-106], однако поначалу неидентификационные и диагностические задачи являлись тождественными понятиями [21, с. 31].

Ю.Г. Корухов предложил классифицировать экспертные задачи на классификационные, диагностические и идентификационные, исключив при этом блок ситуационных задач [9, с. 92-112]. По его мнению, в рамках классификационных задач должны решаться вопросы, связанные с отнесением принадлежности объектов к определенному классу; в рамках диагностических задач осуществляется установление свойств и состояния объекта; идентификационные задачи направлены на установление тождества кон-

¹ В рамках разработки частной теории определение «транспортно-технические судебные экспертизы», которого мы в настоящее время придерживаемся, было сформулировано в одной из наших работ (см., например: Ильин Н.Н. О понятии инженерно-транспортных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Том 13. № 4. С. 22. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-19-23>).

кретного объекта самому себе на основе выявленных признаков.

В связи с этим возникает вопрос: почему тогда в отдельную группу выделяются классификационные задачи, которые, как справедливо и точно отметили Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина и А.М. Зинин, по своей гносеологической сущности являются диагностическими [18, с. 85]. Кроме того, Н.П. Майлис обращает внимание на то, что классификационные задачи могут решаться в ходе как идентификационных исследований, так и диагностических [11, с. 57].

Е.Б. Блиникова вполне справедливо пишет о том, что «в криминалистической литературе до настоящего времени нет единого мнения о месте ситуационной судебной экспертизы в сложившейся классификации, ее праве на самостоятельное существование» [3, с. 145].

В данном случае не стоит так категорично говорить о невозможности включать в классификацию задач судебных экспертиз ситуационные задачи. В-первых, сначала стоит обратиться к значению слова «ситуация». Так, в толковом словаре С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой под ситуацией понимается «совокупность обстоятельств, положение, обстановка» [15]. Понятие «диагностика» означает «распознавание... определение признаков... знание примет...» [7]. Очевидно, что термин «диагностика» не может охватывать смысл слова «ситуация». Отсюда вытекает вывод о том, что в рамках диагностических задач не могут решаться вопросы, связанные с реконструкцией событий.

Во-вторых, идея о необходимости формирования в криминалистике ситуологии была предложена еще Г.Л. Грановским [6, с. 3-16] и развита Т.С. Волчецкой [5]. Другие известные ученые в области судебной экспертизы, такие как Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина и А.М. Зинин, выделяют ситуационные задачи, отмечая, что они могут быть как диагностическими, при которых в данном случае анализируется ситуация в целом, воспринимаемая в качестве системы взаимосвязанных событий, так и могут входить в отдельную группу [18, с. 87-88]. Н.П. Майлис предложила различать идентификационные, диагностические, классификационные, ситуационные и интеграционные задачи [12, с. 39]. Ситуационные задачи выделяются и другими учеными [10, с. 67].

В-третьих, ситуационные задачи имеют также и нормативное закрепление. Так, в Приказе Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации от 12 мая 2010 г. № 346н «Об утверждении Порядка организации и производства судебно-медицинских экспертиз в государственных судебно-экспертных учреждениях Российской Федерации» указано, что «медико-криминалистическую экспертизу вещественных доказательств и объектов

производят с целью решения диагностических, идентификационных и ситуационных экспертных задач» (п. 85.1).

Поэтому, исходя из вышеизложенного, ситуационные задачи вполне могут претендовать на самостоятельное закрепление. О положительном опыте ситуационных экспертиз в раскрытии и расследовании преступлений не только при исследовании материальных следов, но и при реконструкции событий дорожно-транспортных происшествий (далее – ДТП) отмечает Н.П. Майлис в своем учебнике «Судебная трасология» [13, с. 265].

К слову сказать, данная точка зрения отмечается и учеными в области отдельных родов транспортно-технических экспертиз, в частности автотехнических. К примеру, И.И. Чава пишет о том, что «все задачи, решаемые судебной экспертизой исследования обстоятельств ДТП, относятся к категории ситуационных и решаются математическим методом либо методом сопоставления фактических действий участника ДТП с действиями, предусмотренными нормативными актами и правилами» [20, с. 11].

Похожую точку зрения высказывает и Ю.Б. Суворов, выделяющий даже в качестве самостоятельного вида дорожно-транспортной экспертизы ситуологическую экспертизу (исследование обстоятельств ДТП) [17, с. 32].

М.В. Беляев предлагает диагностические исследования следов столкновения транспортных средств на месте дорожно-транспортного происшествия относить к трасологическим и автотехническим, причем, по его мнению, в трасологии будут изучаться не только следы частей транспортного средства, но и непосредственно сами части узлов и механизмов, отделившихся при ДТП [2, с. 55-56]. В данном случае следует частично согласиться с приведенным мнением. С одной стороны, в рамках трасологии действительно исследуются следы транспортных средств, и эксперт-трасолог вполне является компетентным специалистом при решении вопроса, связанного с установлением механизма ДТП. С другой стороны, следователем при установлении обстоятельств ДТП, как правило, ставятся вопросы, связанные с техническим состоянием транспортных средств, определением траектории и характеристик их движения и др., именно перед экспертом-автотехником. Наряду с этим ставится вопрос и о механизме слеодообразования, поэтому специально назначать трасологическую экспертизу в данном случае не стоит.

Таким образом, по нашему мнению, ситуационные задачи могут вполне быть выделены в отдельную группу экспертных задач наряду с идентификационными и диагностическими и в рамках производства транспортно-технических судебных экспертиз.

Представляется, что с помощью рассматриваемых задач устанавливается:

- непосредственная причина конкретного вида транспортного происшествия, а также иных обстоятельств (например, с какой высоты началось падение самолета, в воздухе или на земле происходило разрушение воздушного судна и т.д.);

- характер действий лица, управляющего транспортным средством, и их значение для транспортного происшествия (нарушение заданной высоты для самолета, отклонение от курса морского судна и т.д.);

- техническая возможность у лица, управляющего транспортным средством, предотвратить последствия технического характера (например, путем снижения скорости или иными маневрами);

- влияние погодных условий на возникновение причины транспортного происшествия и наступление технических последствий, а также их соответствие для лица, управляющего транспортным средством во время движения.

Кроме того, экспертами могут быть установлены причины и условия, связанные с организацией движения транспортного средства, способствующие совершению транспортного происшествия.

Правильное установление технической причинно-следственной связи в рамках производства транспортно-технических судебных экспертиз поможет следователю отграничить схожие преступления друг от друга. Например, если в ходе предварительного расследования будет установлено, что действия водителя транспортного средства в виде наезда и столкновения, повлекшие указанные в ст. 264 УК России последствия не в результате нарушения правил дорожного движения или эксплуатации транспортного средства, а, например, при его ремонте, то они в соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 декабря 2008 г. № 25 «О судебной практике по делам о преступлениях, связанных с нарушением правил дорожного движения и эксплуатации транспортных средств, а также с их неправомерным завладением без цели хищения» «должны квалифицироваться по соответствующим статьям Уголовного кодекса Российской Федерации, предусматривающим ответственность за преступления против жизни и здоровья либо за нарушение правил при производстве работ или требований охраны труда».

Литература

1. Ароцкер Л.Е. Возможности решения неидентификационных задач почерковедческой экспертизой // Вопросы криминалистики и судебной экспертизы: мат-лы научной конф-ции. Душанбе, 1962. Сб. 2. С. 143-146.
2. Беляев М.В. Трасологическая диагностика по делам о дорожно-транспортных происшествиях: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.
3. Блинникова Е.Б. Использование возможностей судебной ситуационной экспертизы // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2012. № 12 (127). С. 145.
4. Винберг А.И. Идентификационная, диагностическая и ситуационная криминалистические экспертизы // Советское государство и право. М.: Наука, 1978. № 9. С. 71-75.
5. Волчецкая Т.С. Ситуационное моделирование в расследовании преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 1991. 395 с.
6. Грановский Г.Л. Криминалистическая ситуационная экспертиза места происшествия // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях 21 апреля 1977 г. М., 1977. Вып. 16. С. 3-16.
7. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. СПб.: Издание книгопродавца-типографа М.О. Вольфа, 1882. Т. 1. 712 с.
8. Ильин Н.Н. О понятии инженерно-транспортных экспертиз // Теория и практика судебной экспертизы. 2018. Т. 13. № 4. С. 19-23. URL: <https://doi.org/10.30764/1819-2785-2018-13-4-19-23>.
9. Корухов Ю.Г. Соотношение категорий экспертных задач: идентификационных, классификационных, диагностических // Актуальные проблемы теории судебной экспертизы. М.: ВНИИСЭ, 1984. С. 92-112.
10. Криминалистическая экспертиза оружия и следов его применения: учебник / под ред. В.А. Ручкина, И.А. Чулкова. Волгоград: ВА МВД России, 2004. Ч. 1.
11. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу: учебное пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция». М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2017.
12. Майлис Н.П. Введение в судебную экспертизу: учебное пособие. М.: Закон и право; ЮНИТИ-ДАНА, 2004.
13. Майлис Н.П. Судебная трасология: учебник для студентов юридических вузов. М.: Изд-во «Экзамен»; «Право и закон», 2003.
14. Митричев С.П. Задачи науки советской криминалистики // Социалистическая законность. 1951. № 6. С. 6-17.

15. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений. 4-е изд., доп. М.: Изд-во «А Темп», 2006. 944 с.
16. Снетков В.А. Проблемы криминалистической диагностики // Труды ВНИИ МВД СССР. 1972. № 23. С. 103-106.
17. Суворов Ю.Б. Судебная дорожно-транспортная экспертиза. Судебно-экспертная оценка действий водителей и других лиц, ответственных за обеспечение безопасности дорожного движения, на участках ДТП: учебное пособие для вузов. М.: Изд-во «Экзамен»; «Право и закон», 2004.
18. Теория судебной экспертизы (Судебная экспертология): учебник / Е.Р. Россинская, Е.И. Галяшина, А.М. Зинин; под ред. Е.Р. Россинской. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Изд-во «Норма», 2017.
19. Терзиев Н.В. Идентификация и определение родовой (групповой) принадлежности. Лекции по криминалистике. М., 1961. 38 с.
20. Чава И.И. Судебная автотехническая экспертиза. Исследование обстоятельств дорожно-транспортного происшествия: учебно-методическое пособие. М.: Библиотека эксперта, 2007.
21. Шляхов А.Р. Классификация судебной экспертизы // Общее учение о методах судебной экспертизы: сборник научных трудов. М.: ВНИИСЭ, 1977. № 28. С. 31.

УДК: 343.985:343.351

Р.А. Мангасаров

адъюнкт Академии управления МВД России

E-mail: ubep-ak@mail.ru

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ БОРЬБЫ С ХИЩЕНИЯМИ БЮДЖЕТНЫХ ДЕНЕЖНЫХ СРЕДСТВ

В статье рассматриваются меры борьбы органами внутренних дел с хищениями бюджетных денежных средств при реализации государственных программ. Широкое распространение коррупционных преступлений в бюджетной сфере негативно сказывается на экономике Российской Федерации, а также препятствует развитию образования, здравоохранения, социального обеспечения, имущественных отношений, а также иных сфер, этим обуславливается необходимость поиска и принятия действенных оперативно-разыскных мер по борьбе с хищениями бюджетных денежных средств.

Автор приходит к выводу о необходимости рационального применения положительного опыта работы подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России, а также опыта правоохранительных органов других государств одновременно выработать эффективные оперативно-разыскные меры борьбы с хищениями бюджетных денежных средств.

Ключевые слова: защита бюджетных средств, экономические и коррупционные преступления, оперативно-разыскные мероприятия, реализация целевых программ, борьба с хищениями бюджетных денежных средств, правоохранительные органы.

R.A. Mangasarov

postgraduate student of Management Academy of the Ministry of the Interior
of Russia

E-mail: ubep-ak@mail.ru

CURRENT STATE OF COMBATING EMBEZZLEMENT OF PUBLIC FUNDS

The article deals with measures to combat theft of public funds, the implantation of state programs from criminal attacks by the internal affairs bodies. The wide spread of corruption crimes in the public sector has a negative impact on the development of the economy of the Russian Federation, as well as hinders the development of education, health care process, related social distribution of security, the provision of property, trade relations, system and other system areas, linked to this trade is due to the internal need to search and distinctive stage of effective investigative measures to combat embezzlement of budget funds.

The author comes to the conclusion about the need of rational application of positive experience of economic security and anti-corruption departments of territorial bodies of the Ministry of Internal Affairs of Russia, and also experience of law enforcement bodies of other states at the same time to develop effective operational investigative anti-theft measures.

Key words: protection of public funds, economic and corruption crimes, operational investigative measures, implementation of targeted programs, combating embezzlement of budget funds, enforcement authorities.

Сфера бюджетного финансирования Российской Федерации в настоящее время переживает сложный период, это обуславливается рядом внутригосударственных причин, а также финансово-экономическими санкциями со стороны США и ряда европейских государств. Ограничение доступа российских финансовых компаний на мировые финансовые рынки, снижение цен на энергоносители, импортозамещение, продовольственное эмбарго, повышение расходов на социальную защиту населения, безусловно, отрицательно сказываются на общем состоянии российской экономики. В свою очередь, проблемы в экономике отражаются на реальных доходах населения и в целом на уровне жизни граждан.

Масштаб криминализации в современной России чрезвычайно велик. Так, как отмечает международный журнал ФОРБС, доля теневой экономики составляет: по данным Госкомстата России – около 20% от ВВП и по данным Всемирного банка – около 52% от ВВП [9]. Если посмотреть на масштабы криминализации отдельных отраслей и регионов страны, то цифры будут примерно аналогичные. Например, доля теневых операций российских коммерческих банков в прошедшем году составила порядка 30% от величины их активов (примерно 17 трлн руб.) [1, с. 3].

Президент Российской Федерации неоднократно в своем Послании Федеральному Собранию отмечал важность государственной поддержки приоритетных отраслей российской экономики, при этом подчеркивал, «что если мы даем больше самостоятельности в использовании средств федерального бюджета, федеральной поддержки, то и ответственность регионов за результаты и эффективное вложение полученных ресурсов, за укрепление собственной экономической базы, решение проблем в социальной сфере, в жилищно-коммунальном хозяйстве и иных также должна возрасти» [2, с. 5].

Несмотря на высокий уровень латентности, по данным ФКУ «ГИАЦ МВД России», на территории Российской Федерации совершено экономических преступлений: в 2011 г. – 124,6 тыс., в 2012 г. – 173 тыс., в 2013 г. – 141,2 тыс., в 2014 г. – 107,8 тыс., в 2015 г. – 112,4 тыс., в 2016 г. – 108,8 тыс., в 2017 г. – 105,1 тыс., в 2018 г. – 109,5 тыс. [6]. Среди них преобладают хищения бюджетных денежных средств, совершаемые, как правило, в составе групп лиц или групп лиц по предварительному сговору, а также в составе организованных групп либо преступных сообществ межрегионального и международного характера. Тем самым это подчеркивает, безусловно, повышенную общественную опасность рассматриваемых посягательств. Кроме того, из года в год сохраняется тенденция к увеличению размера материального ущерба, причиняемого бюджету Российской

Федерации, в первую очередь от противоправных действий.

Справедливости ради стоит отметить, что на сегодняшний день нет четкого определения преступлений в бюджетной сфере. Более того, сам термин «преступления в бюджетной сфере» является условным. Это принято связывать с тем, что понятие «бюджетная сфера» является типизированным и единого научного определения не имеет. В этой связи, как нам представляется, уместно исходить из того, что бюджетная сфера напрямую связана с распределением и использованием бюджетных денежных средств государства и субъектов местного самоуправления в целях эффективного социально-экономического развития страны и отдельных регионов [8, с. 68].

Для целей настоящего исследования под преступлениями в бюджетной сфере предлагаем понимать социально-правовые события негативного характера, содержащие общественно опасные деяния, посягающие на совокупность общественных отношений, возникающих в связи с выделением, распределением и расходованием бюджетных денежных средств, а также государственной и муниципальной собственности.

Важно отметить, что сфера бюджетного финансирования охватывает довольно обширное количество приоритетных отраслей экономики, нуждающихся в поддержке из государственного бюджета с целью их надлежащего функционирования в современных реалиях рыночных отношений. Для их поддержания и эффективного развития ежегодно государством выделяются солидные финансовые ресурсы. В этой связи специалистами в вопросах финансово-бюджетного надзора абсолютно справедливо обращается внимание на то, что всякое отклонение от бюджетных целей – это прежде всего умышленное отклонение от исполнения законов, т.е. от утвержденного бюджета, основной задачей которого является аккумуляция государственных бюджетных активов для обеспечения общественных запросов и потребностей, в т.ч. по укреплению приоритетных сфер экономики, в частности здравоохранения, образования, науки, культуры и т.д.

Президент Российской Федерации В.В. Путин в Послании Федеральному Собранию отметил, что «ситуация действительно сложная, но не критичная. Уже сегодня мы видим позитивные тенденции. Промышленное производство и курс национальной валюты в целом стабилизировались, намечилось снижение инфляции, по сравнению с 2014 годом мы фиксируем существенное сокращение оттока капитала» [5, с. 3].

Одной из важнейших задач государства является законодательное регулирование сфер: выделения, распределения и расходования государственных

денежных средств. При этом бюджет Российской Федерации выступает фондом денежных средств, который складывается из доходов и расходов, в различных сферах экономики, стабильная господдержка приоритетных сфер, таких как здравоохранение, образование, оборона, наука, культура и т.д., обеспечивает стабильность экономического развития государства. В ходе распределения бюджетных денежных средств государство выполняет в первую очередь функцию стабилизации, при этом выступает финансовым механизмом государственной экономической политики. Также стоит отметить, что деятельность государственных инструментов невозможна без отрегулированной процедуры поступления денежных средств в государственный бюджет, а также их надлежащего распределения и расходования в строгом соответствии с их целевым назначением, которое определено приоритетными потребностями государства. Также выделение финансовой поддержки из федерального бюджета должно производиться в строгом соответствии с бюджетным законодательством, при этом возникающие общественные отношения (в процессе распределения и расходования бюджетных денежных средств) должны регулироваться данным законодательством.

Как нам представляется, сложившиеся в Российской Федерации экономические отношения на современном этапе характеризуются прежде всего отсутствием надлежащего контроля и отработанной системы со стороны как правоохранительных органов, так и иных государственных структур, отвечающих за мониторинг и регулирование бюджетной сферы.

Проблемы социально-экономической сферы в Российской Федерации оказывают существенное влияние на криминологическую ситуацию в приоритетных отраслях экономики, охватывая систему бюджетного финансирования. При этом сложившаяся сложная ситуация в экономике содействует функционированию и развитию организованных преступных групп, т.к. для решения возникающих социально-экономических проблем и стабилизации возникающих экстренных ситуаций государство вынуждено направлять значительные финансовые ресурсы, механизм защиты которых на современном этапе в Российской Федерации не соответствует надлежащим требованиям по их сохранности, целенаправленному распределению и расходанию.

Трудности современного этапа становления экономики Российской Федерации определяют острую необходимость в формировании и укреплении экономической безопасности отраслей государственного финансирования, а также в последовательной и системной борьбе с фактами хищений бюджетных денежных средств. Борьба с хищениями бюджетных

денежных средств, как нам представляется, обусловлена прежде всего следующими причинами:

- Преобладание криминогенных факторов. Современные механизмы контроля за расходованием государственных денежных средств, на наш взгляд, не отвечают условиям, сложившимся в настоящее время в Российской Федерации. При этом государством взамен имеющейся системы контроля и защиты бюджетных денежных средств ничего другого не создано. Это определенно вызывает серьезную тревогу в связи с тем, что ежегодно возрастают объемы бюджетных денежных активов, направленных на функционирование государственных корпораций, а также на поддержку науки, обороны, культуры, аграрного сектора, здравоохранения и др. Так, на строительство новых школ и детских садов государство выделило 3 трлн рублей за десять лет [3, с. 5]. В сложившихся обстоятельствах объективно требуется изменение имеющихся современных механизмов регулирования и контроля за выделением, распределением и расходованием бюджетных денежных средств.

- В большинстве случаев хищения бюджетных денежных средств совершаются должностными лицами предприятий – получателей бюджетных средств в качестве субсидий или грантов. При этом должностные лица совершают хищения путем изготовления фиктивных отчетных документов, завышенных смет доходов и расходов либо иных документов, являющихся основанием для получения бюджетного финансирования.

- Правовые и методические проблемы обеспечения оперативно-разыскной деятельности в части борьбы с хищениями бюджетных денежных средств.

- Низкий объем возмещения материального ущерба, нанесенного экономическими преступлениями, который является для государства одним из основных социально опасных последствий экономической преступности.

- Высокий уровень латентности экономических преступлений, в т.ч. в бюджетной сфере. Например, незаконная банковская деятельность (ст. 172 УК РФ), которая тесно связана с хищениями бюджетных денежных средств, образует один из основных элементов теневой экономики Российской Федерации. Так, лица, совершившие хищения бюджетных денежных средств, или лица, желающие тайно вывести доходы из-под налогообложения Российской Федерации и т.п., используют услуги преступных групп, применяющих незаконные финансовые механизмы по обналичиванию денежных средств, а также их выводу за рубеж.

- Дефицит бюджета Российской Федерации. В условиях современной нестабильной социально-экономической ситуации, сложившейся в Российской Федерации, появляется потребность в жесткой по-

литической установке, направленной на планомерное и эффективное распределение и расходование государственных бюджетных средств. При этом возникает необходимость в государственной установке, формирующей нетерпимость и системную борьбу с хищениями бюджетных средств, исходя из условий, диктуемых значительным дефицитом бюджета.

Следует отметить, что преступления в сфере экономической деятельности, закрепленные в главе 22 УК РФ, не в полной мере отражают сущность противоправной деятельности субъектов в бюджетной сфере. Зачастую некоторые признаки, в т.ч. субъективные, в ходе расследования и последующего судебного разбирательства по уголовным делам рассматриваемой категории остаются за рамками уголовного судопроизводства. При этом данная ситуация отражает несовершенство правового регулирования, что ограничивает деятельность, направленную на предупреждение преступлений в бюджетной сфере [7, с. 85].

Примечательно, что, несмотря на высокую криминализацию бюджетной сферы Российской Федерации, а также актуальность затронутых выше проблем, специальных составов, определяющих меру ответственности за совершение общественно опасных противоправных деяний в бюджетной сфере, в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации нет, при этом нет и отдельного статистического учета таких преступлений, что является существенным упущением со стороны законодателя. Преступления данной сферы квалифицируются по разным составам в зависимости от наличия или отсутствия в совершенном деянии признаков конкретных составов, а именно: мошенничества, злоупотребления, растраты, должностных полномочий и т.д.

Вместе с тем, по нашему мнению, задачей государственной важности в настоящее время в Российской Федерации является успешная реализация экономической политики, в т.ч. в части контроля за распределением и расходованием бюджетных денежных средств. Основное условие государственной экономической политики заключается в полном исключении возможных фактов хищений государственных денежных средств. При этом ключевую роль в осуществлении указанной функции в соответствии с полномочиями занимают правоохранительные органы, а именно подразделения экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) МВД России, а также ФСБ России, Росфинмониторинг и др.

Главной службой в системе органов внутренних дел по борьбе с экономическими и коррупционными преступлениями, включая обеспечение контроля за реализацией государственных программ, выступа-

ют подразделения ЭБиПК, которые в рамках своих полномочий в строгом соответствии с Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» [4] проводят оперативно-розыскные мероприятия, сочетая гласные и негласные методы, применяют комплекс мер, направленных на выявление схем хищений бюджетных денежных средств, организуют решение задач по борьбе с хищениями бюджетных денежных средств.

Деятельность, осуществляемая подразделениями ЭБиПК, по борьбе с хищениями бюджетных денежных средств, исходя из поставленных приоритетных задач, на современном этапе становления экономики Российской Федерации, как нам представляется, предопределяет совершенствование и принятие комплекса оперативных мер, а именно:

- прогнозирование оперативной обстановки в бюджетной сфере и определение негативных тенденций, влияющих на степень криминализации рассматриваемой сферы, посредством анализа действующего законодательства, а также анализа ежеквартальных результатов оперативно-служебной деятельности подразделений ЭБиПК, осуществляющих борьбу с хищениями бюджетных денежных средств;

- организация системы непрерывного мониторинга состояния криминальной ситуации, складывающейся на объектах бюджетного финансирования, с целью своевременного реагирования на возникающие угрозы;

- обеспечение подразделений ЭБиПК разнообразными методическими и иными научными материалами, содержащими конкретные методики по предупреждению, выявлению и раскрытию экономических преступлений в бюджетной сфере;

- проведение подразделениями ЭБиПК проверочных мероприятий на регулярной основе совместно с территориальными структурами контрольно-надзорных органов в целях повышения эффективности экономической безопасности бюджетной сферы.

Своевременное решение рассмотренных выше вопросов позволит предопределить конкретные организационные меры, направленные на непрерывную, системную борьбу с хищениями бюджетных денежных средств, а также повысит эффективность проводимых подразделениями ЭБиПК оперативно-розыскных и иных мероприятий.

Таким образом, подводя итог настоящему исследованию, можно сделать вывод о том, что с учетом увеличения количества преступлений, связанных с хищениями бюджетных денежных средств, их латентного характера, сложностями документирования и расследования встает вопрос о необходимости поиска и совершенствования методик выявления и расследования преступлений рассматриваемой сферы. Возникает острая потребность во всесторонней

научной проработке вопросов, связанных с созданием концепций и алгоритмов действий правоохранительных органов в сфере борьбы с хищениями бюджетных денежных средств, в т.ч. в рамках научного исследования. Для исключения возможных ошибок необходимо рационально применять положительный

опыт работы подразделений ЭБиПК территориальных органов МВД России, а также опыт правоохранительных органов других государств, при этом адаптируя его, одновременно вырабатывать эффективные оперативно-разыскные меры борьбы с хищениями бюджетных денежных средств.

Литература

1. Ахремцева В.Л. Теневые явления в сфере кредитно-расчетных отношений как угроза экономической безопасности субъекта Российской Федерации (на примере г. Санкт-Петербург): автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб.: ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет МВД России», 2018.
2. Зерна развития: послание Президента РФ Федеральному Собранию // Российская газета. 2016. 1 дек. С. 5.
3. Кузьмин В. Демография требует детсадов и школ // Российская газета. 2015. 11 нояб. № 254 (6825). С. 5.
4. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.
5. Президент Владимир Путин огласил Послание Федеральному Собранию. Мы не имеем права быть уязвимыми // Российская газета. 2015. 4 дек. № 275 (6846). С. 3.
6. Сведения о преступлениях экономической и коррупционной направленности, выявленных подразделениями правоохранительных органов за 2012-2017 годы. Форма № 451 («1-А»). М., 2018.
7. Соловьев И. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений в финансовой сфере // Налоговый вестник. 2015. № 6. С. 83-89.
8. Соловьев И. Особенности квалификации преступлений в финансово-бюджетной сфере // Налоговый вестник. 2015. № 5. С. 65-71.
9. URL: <http://www.forbes.ru/ekonomika-opinion/54946-boris-grozovskii-proekonomicheskuyu-politiku>.

УДК 343.144:343.985

С.В. Мосина, канд. юрид. наук

Уральский юридический институт МВД России

E-mail: Svetlana-p-v@mail.ru;

Д.Л. Кокорин, канд. юрид. наук, доцент

Уральский юридический институт МВД России

ТАКТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОИЗВОДСТВА НЕКОТОРЫХ СЛЕДСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ПРИ ПОДГОТОВКЕ И ПРОВЕДЕНИИ СПОРТИВНЫХ СОРЕВНОВАНИЙ

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с тактическими особенностями следственных действий, производимых со спортивными болельщиками по преступлениям, совершаемым при подготовке и проведении спортивных соревнований. На основании анализа теоретических материалов и материалов правоприменительной практики приводится классификация преступлений, совершаемых спортивными болельщиками. Исследуются факторы, формирующие мотив рассматриваемых преступлений. Сформулирован ряд рекомендаций при планировании и проведении отдельных следственных действий со спортивными болельщиками при расследовании преступлений, совершаемых при подготовке и проведении спортивных соревнований.

Ключевые слова: допрос, спортивное соревнование, болельщик, противодействие, показания.

S.V. Mosina, Candidate of Juridical Sciences

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: Svetlana-p-v@mail.ru;

D.L. Kokorin, Candidate of Juridical Sciences, assistant-professor

Ural Law Institute of the Ministry of the Interior of Russia

TACTICAL FEATURES OF INVESTIGATIVE PROCEEDINGS AT INVESTIGATION OF THE CRIMES COMMITTED BY PREPARATION AND RUNNING SPORTS EVENTS

The article is devoted to the consideration of issues related to the tactical features of investigative actions carried out with sports fans for crimes committed in the preparation and conduct of sports competitions. Based on the analysis of theoretical materials and materials of law enforcement practice, the classification of crimes committed by sports fans is given. The factors that form the motive of the crimes under investigation are investigated. A number of recommendations are formulated when planning and conducting separate investigative actions with sports fans in the investigation of crimes committed in the preparation and running sports competitions.

Key words: investigative actions, tactics, sports competition, fan.

Анализ состояния и динамики правонарушений, совершаемых спортивными болельщиками, позволил сделать вывод об устойчивой тенденции к росту такого рода противоправного поведения. Возрастает их масштаб, а также наблюдается тенденция к приобретению формы организованных групп, которая, в свою очередь, сказывается на тяжести последствий от подобного рода противоправного поведения. К сожалению, следует отметить то обстоятельство, что правонарушения спортивных болельщиков, их масштаб и тяжесть последствий не находят отражения в статистике, что значительно затрудняет возможность их детального анализа и выработку предложений по их предупреждению и непосредственной борьбе с ними. Однако изучение информационных интернет-ресурсов, а также материалов судебной практики показало, что в период с 2010 по 2015 г. количество зарегистрированных противоправных деяний, совершаемых спортивными болельщиками как непосредственно при проведении спортивного соревнования, так и до и после, увеличилось в среднем в три раза, а ущерб, причиняемый в результате таких действий, насчитывает более 20 млн рублей.

Практически ежедневно средства массовой информации распространяют сообщения об очередном столкновении групп болельщиков той или иной спортивной команды. Например, 22 апреля 2014 г. после матча между футбольными клубами «Урал» и «Амкар», который проходил в г. Перми, фанаты футбольных команд устроили драку друг с другом, в результате которой многие получили телесные повреждения различной степени тяжести [3].

29 октября 2011 г. на стадионе «Лужники», где проходил футбольный матч между командами «Спартак» и «Локомотив», присутствовало 27 000 зрителей. По официальным данным МВД России, болельщиками было использовано более 200 единиц пиротехники, сломаны кресла и другое оснащение стадиона. Общий ущерб, причиненный в результате противоправных действий болельщиков обеих команд, насчитывал более 100 000 рублей. Было задержано и привлечено к административной ответственности около 130 болельщиков [8].

Аналізу феномена спортивного «фанатизма» уделено достаточное количество исследований [6]. А.А. Мейтиным сформулирована дефиниция «преступления, совершаемые спортивными болельщиками». В числе обязательных признаков автор определил следующие:

- посягательство направлено на общественную безопасность и общественный порядок;
- имеют насильственный характер;
- совершаются в составе группы лиц;

- местом совершения преступления, как правило, являются стадионы, улицы и другие общественные места;

- время совершения преступлений характеризуется периодом проведения спортивного мероприятия;

- с субъективной стороны характеризуются наличием вины в форме умысла;

- мотив совершения преступления связан со спортивными состязаниями, жизнью болельщиков внутри определенной социальной группы [4, с. 36].

В свою очередь, И.В. Понкин, классифицируя такие преступления, выделяет четыре основные группы [5, с. 25].

К первой группе он относит агрессивные и (или) насильственные действия, совершение которых вызвано проведением спортивного соревнования, они имеют место во время его проведения или сразу после его окончания.

Вторую группу правонарушений образует грубое нарушение порядка проведения официального спортивного соревнования. При этом такое нарушение должно стать причиной приостановления или срыва спортивного мероприятия или создавать реальную угрозу в период его проведения. К таким деяниям автор предлагает отнести действия, непосредственно направленные на срыв, задержку или приостановление проведения спортивного соревнования, а также действия по несанкционированному проникновению болельщика в игровую зону.

Именно такой случай произошел во время футбольного матча между командами «Зенит» и «Динамо», когда фанаты «Зенита», несмотря на сопротивление, оказанное правоохранительными структурами, выбежали на игровое поле и сорвали проведение матча. Один из фанатов нанес удар в лицо футболисту «Динамо» В. Гранату [6].

Особенность третьей группы противоправных деяний заключается в том, что они непосредственно не связаны с применением насилия, однако включают в себя элементы, демонстрирующие возможность его применения или подстрекательство к насилию. В их числе устное подстрекательство к совершению насилия в отношении зрителей или участников спортивного мероприятия; демонстрация материалов, содержащих угрозы в отношении зрителей или участников; использование в секторе болельщиков другой команды символики своей команды в провокационных целях; несанкционированное проникновение болельщика в техническое помещение и зоны спортивного сооружения; пронос и употребление алкогольных, наркотических средств и психотропных веществ и др.

Четвертую группу образуют действия экстремистского характера, связанные с публичным выражением неуважения, унижения человеческого до-

стоинства, оскорбления или угроз в отношении участвующих в спортивном мероприятии спортсменов, спортивных тренеров, спортивных судей или иного задействованного в проведении спортивного мероприятия персонала по признаку отношения к расе, национальности или религии. Примером может послужить случай, произошедший во время футбольного матча между командами «Анжи» и «Крылья Советов», когда на 90 минуте матча в адрес игрока «Анжи» Р. Карлоса с трибун зрителей была брошена банановая кожура. После этого игрок вынужден был покинуть поле [1].

Интересным с точки зрения определения тактических приемов установления психологического контакта со спортивным болельщиком в ходе проведения следственных действий представляется проведенное Д. Дайаром исследование поведения болельщиков различных футбольных клубов в различных странах мира. В частности, исследование проводилось и в России. В одной из бесед с лидером фанатского движения футбольного клуба ЦСКА автору удалось выяснить основной мотив, побуждающий оказаться и быть в среде фанатов. Заключается он в стремлении противопоставить себя общепринятым взглядам. В этих целях создаются особые отряды, основная задача которых заключается в нападении на фанатов других команд. Например, для фанатов футбольного клуба ЦСКА основной целью нападения являются болельщики футбольного клуба «Спартак». На примере фанатов ЦСКА автор сделал вывод о том, что фанаты не просто организационно готовятся к поддержке клуба, а готовятся физически к встрече с фанатами других команд, посещая спортивные залы, обучаясь приемам ведения борьбы, проходя специальное обучение [2, с. 12-15].

В России с момента появления фанатского движения болельщикам уже было присуще чувство личной неприязни к представителям других фанатских организаций. Подтверждением тому служит признание одного из лидеров фанатского отряда сторонников футбольного клуба «Спартак», который на вопрос о необходимости проявления крайностей, доводящих до трагических последствий, ответил, что мотивы, которые ими движут, заключаются в чувстве личной неприязни, а также получении сильных эмоциональных ощущений. Они заранее знают, что их ждет, и сознательно идут на столкновения «с кем угодно и когда угодно». Главный девиз: «Выиграй или умри!» [2, с. 9].

Фанатский «беспредел» опасен не только тем, что в результате драк причиняется вред другим фанатам, но и тем, что зачастую страдают люди, случайно оказавшиеся в местах столкновений фанатов.

Проведенный анализ позволил сделать вывод о том, что основным мотивом совершения спортивны-

ми болельщиками преступлений является мотив мести. При этом следует выделить ряд факторов, формирующий указанный мотив:

- проигрыш спортсмена или команды, которые являются фаворитами для болельщика, когда действия болельщика обращены против такого спортсмена или игрока команды;

- выигрыш спортсмена или команды, которые являются соперниками, когда такие действия обращены против выигравших;

- судейство не в пользу команды, к которой болельщик имеет принадлежность.

Исходя из проведенного анализа мотивационных и поведенческих особенностей личности спортивного болельщика при совершении преступлений, можно сформулировать ряд рекомендаций при планировании и проведении отдельных следственных действий с их участием при расследовании преступлений, совершаемых при подготовке и проведении спортивных соревнований.

Во-первых, необходимо обособить его от остальных участников группы. Очевидно, что основным фактором, провоцирующим агрессивное поведение, является так называемый «феномен толпы». Свойство нахождения человека в толпе заключается в том, что она способна вызвать чувство безнаказанности и вседозволенности. Когда спортивный болельщик оказывается в условиях изоляции от привычной ему среды, его поведение изменяется, и он способен сосредоточиться на задаваемых вопросах и давать на них адекватные ответы.

Во-вторых, в целях эффективного проведения следственных действий необходимо установить психологический контакт посредством использования системы авторитетов в спортивной среде, избегая упоминания о соперниках.

Сотруднику органов внутренних дел необходимо обладать комплексом специальных знаний. Например, ориентироваться в особенностях субкультуры спортивных болельщиков (фанатов). Такая особенность заключается, в частности, в использовании специальной терминологии, специфического сленга, который помогает индивидуализировать представителей движения спортивных болельщиков. Кроме этого, использование специальной лексики позволяет скрыть истинные намерения своего поведения, завуалировать тактику ведения переговоров.

Кроме этого, необходимо ориентироваться в структуре фан-движения, принадлежность к которому проявляет участник следственного действия. Зачастую правила поведения регламентируются так называемым Уставом, в котором перечислены обязанности каждого участника, что позволяет установить степень его участия и в дальнейшем определиться с юридической оценкой противоправного деяния.

Помимо непосредственных участников отдельного фан-движения, в его деятельности могут принимать участие лица, напрямую не входящие в его структуру, но различным образом способствующие совершению его участниками противоправных деяний. Поэтому также необходимо обладать знаниями относительно указанных категорий лиц.

Безусловно, представленные рекомендации не являются категоричным руководством к действию, и тактику установления психологического контакта

с рассматриваемой категорией лиц необходимо выбирать индивидуально в конкретной следственной ситуации. Вместе с тем специальная осведомленность лиц, выступающих субъектами расследования по преступлениям, совершаемым спортивными болельщиками при проведении спортивных соревнований, является неотъемлемой частью при планировании и непосредственном проведении следственных и иных процессуальных мероприятий с их участием.

Литература

1. В Роберто Карлоса бросили банан с трибун в Самаре. URL: <http://www.bbc.co.uk>.
2. Дайар Д. Всемирный клуб «футбольные хулиганы» // Спортивная жизнь России. 2008. № 9. С. 12-15.
3. Массовая драка фанатов свердловского «Урала» и пермского «Амкара». Усмирял болельщиков ОМОН. URL: <http://www.znak.com>.
4. Мейтин А.А. Преступления футбольных болельщиков. Криминологическая характеристика преступлений, совершаемых футбольными болельщиками, и их предупреждение: монография. М., 2005.
5. Понкин И.В. Правонарушения спортивных болельщиков на массовых зрелищных спортивных мероприятиях: зарубежные подходы к формулированию сути деяний // Спортивное право. 2013. № 6. С. 25.
6. Сараев В.В. Уголовно-правовая охрана современного профессионального спорта в России: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2009.
7. Фанат «Зенита» избил футболиста «Динамо» Граната прямо на поле. URL: <http://www.mr7.ru>.
8. URL: <http://nrws.sport-express.ru>.

УДК 343.140.02

Л.В. Черепанова, канд. юрид. наук, доцент
Барнаульский юридический институт МВД России
E-mail: cherepanovalv@mail.ru

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА, СПОСОБСТВОВАВШИЕ СОВЕРШЕНИЮ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПОНЯТИЕ, СОДЕРЖАНИЕ

Статья посвящена рассмотрению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, определению этого понятия, его содержания.

Установление обстоятельств, способствовавших совершению преступления, является процессуальной обязанностью лиц, осуществляющих доказывание по уголовному делу. Одновременно эти же участники уголовного процесса являются субъектами общей системы профилактики правонарушений в Российской Федерации. Нормативные правовые акты, составляющие правовую и организационную основы этой системы, предусматривают совокупность мер социального, правового, организационного, информационного, иного свойства, направленных на выявление причин и условий, способствующих совершению преступлений, и принятие специальных мер уголовно-процессуального характера по их устранению. Анализ практики уголовного судопроизводства позволил отметить, что реализация функций по предупреждению преступлений и иных нарушений закона уголовно-процессуальными субъектами профилактики из-за несогласованности законов затруднена. Исследование обстоятельств, способствовавших совершению преступления, как предмета уголовно-процессуальных отношений с позиций системного подхода, с учетом установленных закономерностей, в т.ч. криминологами, криминалистами, позволило устранить противоречие.

Ключевые слова: причины и условия совершения преступления, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, профилактика преступности, представление.

L.V. Cherepanova, Candidate of Juridical Sciences,
assistant-professor
Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia
E-mail: cherepanovalv@mail.ru

CIRCUMSTANCES THAT CONTRIBUTED TO THE COMMISSION OF THE CRIME: CONCEPT, CONTENT

The article is devoted to the consideration of the circumstances that contributed to the crime, the definition of this concept, its content.

The establishment of the circumstances that contributed to the commission of the crime is the procedural duty of the persons carrying out the evidence in the criminal case. At the same time, these same participants in the criminal process are subjects of the general system of crime prevention in the Russian Federation. Normative legal acts, which form the legal and organizational basis of this system, provide for a set of measures of social, legal, organizational, informational and other properties aimed at identifying the causes and conditions that contribute to the commission of crimes and the adoption of special measures of criminal procedure to eliminate them. Analysis of the practice of criminal proceedings reveals that the implementation of functions for the prevention of crimes and other violations of the law by criminal procedural subjects of prevention due to inconsistency of laws is difficult. The study of the circumstances that contributed to the commission of the crime as the subject of criminal procedural relations from the standpoint of a systematic approach, taking into account the mechanism established, including criminologists, allowed to eliminate the contradiction.

Key words: the causes and conditions of the crime, the circumstances that contributed to the commission of the crime, crime prevention, representation.

По данным МВД России, в январе-мае 2019 г. зарегистрировано 835,8 тыс. преступлений, что на 2% больше, чем за аналогичный период прошлого года. Рост регистрируемых преступлений отмечен в 52 субъектах Российской Федерации [22]. Это обусловлено рядом причин различного характера, к которым, в частности, относят и недостаточную эффективность профилактической работы правоохранительных органов. Тогда как основные направления и задачи государственной политики России определяются через обеспечение государственной и общественной безопасности посредством усиления роли государства в качестве гаранта безопасности личности и прав собственности, совершенствования правового регулирования предупреждения преступности и единой государственной системы профилактики преступности [16].

Как с теоретической, так и прикладной стороны исследованием вопросов, связанных с предупреждением преступлений, занимаются в рамках различных отраслей знаний: теории права [23, с. 3-5], уголовного права, уголовно-исполнительного права [14, с. 33-36] и криминологии [10; 28 с. 93-98], оперативно-разыскной деятельности, административного судопроизводства [19, с. 22-24], криминалистики [4, с. 53-56; 15, с. 56; 26, с. 102], прокурорского надзора [3, с. 58-62], в т.ч. уголовного процесса [6, с. 3-8].

Однако до настоящего времени вопросы уголовно-процессуальной превенции решаются неоднозначно, их теоретическое обоснование, правовое регулирование вызывают споры, разночтения. У лиц, осуществляющих досудебное производство в целом и предварительное расследование по уголовным делам в частности, сохраняются вопросы как в части характера, объема уголовно-процессуальной деятельности, методов, форм выявления и устранения обстоятельств, способствовавших совершению преступления, так и содержания этих обстоятельств [2, с. 159-163; 5, с. 3-8].

Из 50 изученных путем случайной выборки представлений о принятии мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления и иных нарушений закона в органах предварительного расследования Алтайского края, было обнаружено, что имеют место случаи, когда грубые нарушения закона, допущенные в ходе расследования, остаются без внимания (2%)¹. Обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, указываются общие (обобщенные) (3%). Представления адресуются субъекту, заведомо не имеющему возможности устранить обстоятельства, послужившие

благоприятной почвой для нарушения закона (34%)². Представление не содержит: анализа выявленных обстоятельств, способствовавших совершению преступления (3%), конкретных предложений по устранению выявленных обстоятельств (2%). Представление перегружено информацией, не имеющей отношения к обстоятельствам, способствовавшим совершению преступления (50%)³.

Кроме того, исследования превентивной практики органов предварительного следствия и дознания обнаруживают противоречие между достижениями в системе научного знания об организации предупреждения преступлений (правонарушений) и применением этого знания в непосредственной предупредительной деятельности. Если на федеральном, региональном уровнях профилактика преступности строится на серьезных научно-аналитических ресурсах, то предупреждение преступлений территориальными органами внутренних дел аналитиками оценивается «довольно скромно» [10, с. 5-6].

В связи с этим возникла необходимость рассмотреть понятие и содержание обстоятельств, способствовавших совершению преступления, как проблему теоретическую и правовую.

В рамках уголовного процесса в разное время деятельность по предупреждению преступлений рассматривалась через такие категории, как выявление причин, условий и обстоятельств, способствовавших совершению преступления.

Невыяснение действительных причин преступления на предварительном или судебном следствии отечественным законодателем всегда признавалось в качестве основания признания оценки расследования как недостаточного, неправильно проведенного, неполного (ст. 360 Уголовно-Процессуального Кодекса Р.С.Ф.С.Р.) [17].

Выявление причин и условий, способствовавших совершению преступления, возлагалось в качестве процессуальной обязанности на орган дознания, следователя, прокурора и суд. Предписание об этом содержалось в основных положениях первой главы УПК РСФСР, действовавшего на протяжении более четырех десятилетий (ст. 21, 21.1, 21.2) [24].

Применяемый в настоящее время закон ввел в перечень общих обстоятельств, подлежащих доказыванию при производстве по каждому уголовному делу, обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, и сохранил право за субъектами, их выявившими, вносить в соответствующие организации

² Как правило, при затруднениях с установлением обстоятельств, способствовавших совершению преступления, представление адресуется начальнику службы участковых уполномоченных полиции.

³ Часто в устанавливающую часть представления полностью включается содержание постановления о привлечении в качестве обвиняемого.

¹ Проведение следственного действия с нарушением УПК РФ повлекло утрату юридической силы доказательства. Представление по данному факту не вносилось.

представления о принятии мер по устранению этих обстоятельств и других обнаруженных нарушений закона (ч. 2 ст. 72 и ч. 2 ст. 158 УПК РФ) [25].

В различных доктринальных источниках эти категории употребляются в неоднозначном смысловом контексте. Причины и условия исследуются вместе как единые детерминанты преступности [10, с. 104-110]. Условия и обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, а также причины и обстоятельства понимаются как синонимы. Причины, условия и обстоятельства подвергаются анализу в системе, но и как самостоятельные явления [11, с. 57, 72-76]. Поскольку каждое преступление обусловлено множеством причинных компонентов, высказывается предложение ввести в оборот и использовать обобщённое понятие «компонент» преступности.

Мы исходим из того, что причина – это явление, порождающее, непосредственно обуславливающее преступление. Согласно общенаучному подходу наиболее разработанными являются такие теории причин преступности, как: социологическая, биосоциальная (опасного состояния, психопатологических основ, наследственная, конституционального предрасположения, расовая); социально-биологических детерминант (психопатологическая, биологическая, психофизиологическая) [8].

Причины могут быть основными и второстепенными (дополнительными), но это всегда явления закономерные. Криминологи, как правило, классифицируют причины преступности следующим образом: социальные в широком смысле слова; причины отдельных видов преступлений; причины определенного преступления. Например, причинами насильственных преступлений общесоциального характера чаще всего называют неблагоприятную экономическую, политическую, социально-психологическую обстановку в стране, влияющую на деградацию части населения, на падение уровня морали, культуры, на рост напряженности, агрессивности в обществе. Причинами, в частности, бытовых насильственных преступлений по найму может быть низкая раскрываемость «заказных» убийств – самодетерминация преступности. Причинами же конкретного преступления, например причинения вреда здоровью средней тяжести на бытовой почве, – психические отклонения субъекта насилия, его алкогольное или наркотическое опьянение [11, с. 67-77].

По уровню территориального охвата различают причины: глобальные, общие, частные, индивидуальные. В зависимости от сферы общественных отношений внимание акцентируют: на экономических, политических, правовых, социальных, духовных, нравственных и иных причинах.

Так, например, в качестве экономической причины совершения корыстных преступлений на терри-

тории Алтайского края исследователи называют: постоянный рост цен и жилищных тарифов, завышенные налоговые ставки, рост безработицы, дефицит бюджета края. К политическим причинам относят: нестабильность международной политики, повлекшую банкротство ряда предприятий; финансовые издержки, связанные с территориальной политикой, отразившиеся на снижении финансирования ряда региональных программ, и увеличение процентных ставок по кредитам. К правовым причинам относят нестабильность (противоречивость) нормативных правовых актов, регулирующих сферу экономических отношений. «Высокий порог терпимости» населения к экономической преступности определяется в качестве причины социального характера [10, с. 104-107].

Выявление причин преступности, особенно на глобальном, общем уровнях, требует серьезной длительной аналитической работы. Выводы, определяющие глубинные причины конкретного преступления, могут быть сделаны на основе анализа значительного объема аналогичных преступлений, а их устранение – задача, решаемая комплексно на всех уровнях государственного управления. Разработка предложений по преодолению причин такого характера может осуществляться руководителем следственного органа, начальником органа дознания территориального органа МВД России, структурными подразделениями центрального аппарата МВД России.

Вместе с тем в криминологии есть и иной подход к определению причин преступности. Определяющим в данном случае, полагают ученые, является личность, её психофизиологическое, психологическое, нравственное, духовное, культурное, моральное предрасположение (внутренняя готовность) к совершению противоправного действия или к преступному бездействию.

С этих позиций причины преступности, как правило, классифицируют на объективные и субъективные. Объективные причины связывают с внешней средой, повлиявшей на формирование асоциальной направленности личности, деформирующей потребности личности, её интересы, ценностные ориентации (общесоциальные – на макроуровне; региональные, национальные, корпоративные; родовой, семейный уклад жизни, воспитание, бытовое окружение – на микроуровне). Причины субъективного характера видят в характерологических, психологических, психофизических индивидуальных особенностях личности, её криминогенной мотивации [12, 18, 21].

Более очевидными являются условия, способствовавшие совершению преступления. Условия есть соответствующая обстановка, обстоятельства, сопутствующие преступлению, явления, факты. Между преступлением и условиями нет прямой причинно-

следственной связи, но они облегчают достижение преступного результата, способствуют его совершению, создают для этого благоприятную обстановку [20]. Под условиями совершения преступления нередко подразумеваются криминогенные фоновые явления, такие как: алкоголизация населения, бродяжничество в определенных населенных пунктах и их отдельных районах, игромания, токсикомания, наркомания и другие виды зависимых состояний определённого круга лиц.

Н.Ф. Кузнецова систематизировала условия совершения преступления следующим образом: нейтральные, препятствующие и способствующие совершению преступления. Условия, способствующие совершению преступления, классифицировала: на ситуативные, создаваемые действиями самого субъекта преступления, его сообщниками, а также иными лицами, стихийными силами природы; формирующие криминогенную мотивацию и виктимогенные [8, с. 786-801].

В.Д. Малков подразделяет условия преступности на три основные группы: сопутствующие, которые образуют общий фон событий, обстоятельства места и времени; необходимые, без которых событие могло и не наступить; достаточные – совокупность всех необходимых условий [13].

Как отмечают А.В. Ким и А.А. Баргасюк, к условиям, способствующим развитию преступности, относятся социальные явления, которые не порождают преступность, но содействуют и способствуют ее возникновению и существованию (к ним относятся как природные, так и социальные или технические факторы) [9, с. 414-417].

Несмотря на то что «условия» и «обстоятельства» – слова близкие по значению (в толковых словарях обстоятельствами называют совокупность условий), применительно к уголовно-процессуальной деятельности профилактического характера необходима определенность в том, что именно подлежит выявлению в качестве обстоятельств, способствовавших совершению преступления, по уголовному делу.

В теоретическом плане обстоятельствами, способствовавшими совершению преступления, предлагается считать: взаимосвязанные и обуславливающие друг друга явления объективного мира, закономерно приводящие к совершению запрещенного уголовным законом деяния, составляющие в совокупности причины и условия [5], или факты, события, прямо связанные с преступлением, сопровождающие и определяющие его, а также предметную совокупность условий, способствующих или имеющих при совершении определенных явлений [28, с. 132].

Всех занимающихся исследованием форм детерминации преступности объединяет поиск закономерных связей между причиной, условием, обстоятель-

ствами и результатом (преступлением), т.е. поиск причинных связей (причинных рядов, цепей). В зависимости от охвата (глубины, масштаба) причинно-следственного ряда каждый его сегмент (звено) может быть и причиной, и условием, и обстоятельством.

Более того, как утверждают соавторы действующей редакции ст. 73 УПК РФ, упоминание в части второй о выявлении обстоятельств, способствовавших совершению преступления при производстве по уголовному делу, является основным положением, касающимся профилактики преступлений органами, осуществляющими уголовное судопроизводство. Это положение сосредотачивает в себе весь объем профилактической деятельности по выявлению причин и условий, способствовавших совершению преступления, ранее регулируемый статьями 21, 21.1, 21.2 УПК РСФСР [11, с. 27].

Систематизируя обстоятельства, способствовавшие совершению преступления (причины и условия), Д.А. Иванов и А.В. Угольников, например, классифицируя их, выделяют шесть групп: внешние обстоятельства, побудившие лицо к совершению преступления; условия нравственного формирования личности; антиобщественная направленность личности; обстоятельства, способствующие реализации преступного замысла; обстоятельства объективного характера, наличие которых зависит от вида конкретного преступления; субъективные факторы, установление которых обусловлено антиобщественной направленностью личности [7, с. 5-8].

Чаще обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, объединяют в две группы: обстоятельства формирования личности преступника и связанные с обстановкой совершения преступления. К первой группе относят: деструктивную обстановку в семье; издержки воспитания в семье, образовательной организации, трудовом коллективе; «неудовлетворительную массовую культурно-просветительную работу по месту жительства; отрицательное влияние ближайшего бытового окружения; неблагоприятные факторы материального порядка; стойкость антиобщественных взглядов и привычек лица». Ко второй – обстоятельства, способствующие реализации преступного умысла или создающие условия для проявления преступного легкомыслия, преступной небрежности. Таковыми являются: упущения, нарушения в деятельности учреждений, предприятий, организаций, должностных лиц и граждан, природные явления. В пространственном отношении обстоятельства могут распространяться на обширную территорию (район, субъект Российской Федерации, государство в целом), а могут концентрироваться в ограниченном пространстве (квартирный, межличностный конфликт). По объему воздействия такие обстоятельства могут затрагивать одного человека

или узкий круг людей, а могут приобрести массовый характер [1, 18].

Таким образом, в качестве обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в рамках ч. 2 ст. 73 УПК РФ подлежат выявлению причины и условия противоправного деяния, находящиеся в прямой причинно-следственной связи с его результатом. Обстоятельства, сложившиеся к моменту совершения противоправного деяния и способствовавшие его свершению, могут иметь отношение к времени, месту, способу и иным характеристикам события

преступления, к виновности лица в совершении преступления, форме его вины и мотивам, к личности правонарушителя в целом, а также быть связаны с характером, размером вреда, причиненного преступлением. Из всей совокупности обстоятельств, обусловивших, вызвавших, облегчивших, спровоцировавших, создавших условия для совершения преступления, при производстве по уголовному делу выявляется тот вид, устранение которого с большей долей вероятности может предупредить совершение аналогичных преступлений в будущем.

Литература

1. Актуальные проблемы советской криминалистики / В.А. Образцов, В.Г. Танасевич (отв. ред.), Н.А. Якубович. М.: Всесоюз. ин-т по изуч. причин и разраб. мер предупреждения преступности, 1980.
2. Банчужный С.А. Обстоятельства, способствующие совершению преступления, как одна из особенностей предмета доказывания при производстве по уголовным делам в отношении несовершеннолетних // Приоритетные научные направления: от теории к практике. 2016. № 34-2.
3. Воеводина Т.Г. Профилактика правонарушений и прокурорский надзор: проблематичные новеллы законодательства // Законодательство и экономика. 2016. № 9.
4. Гаджиев В.Э.-оглы. Особенности профилактической работы по уголовным делам, связанным с незаконным оборотом наркотиков // Российский следователь. 2018. № 2.
5. Данилова С.И. Особенности установления и принятия мер по устранению обстоятельств, способствовавших совершению преступления, в ходе предварительного расследования по уголовным делам: научно-практическое пособие. М.: ВНИИ МВД России, 2010.
6. Данилова С.И. Профилактика преступлений в современном уголовном судопроизводстве: анализ и оценка степени законодательной регламентации // Тенденции развития уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации: сборник научных трудов / под ред. О.А. Зелениной. Екатеринбург: Уральский юридический институт МВД России, 2015.
7. Иванов Д.А., Угольников А.В. Классификация обстоятельств, способствовавших совершению преступления, и их значение при расследовании преступлений // Российский следователь. 2013. № 2.
8. Избранные труды Н.Ф. Кузнецова. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2003.
9. Ким А.В., Братасюк А.А. Основные причины и условия, способствующие совершению преступлений // Электронное научное издание «Ученые заметки ТОГУ». 2013. Т. 4. № 4.
10. Комплексный анализ криминальной ситуации в регионе: теория, методология, практика: монография / под общ. ред. Р.М. Абызова. Новосибирск: ИЦ НГАУ «Золотой колос», 2018.
11. Криминология: учебник / отв. ред. В.Е. Эминов. М.: Проспект, 2015.
12. Криминология: учебник / А.И. Гуров, Ю.Г. Козлов, Н.Ф. Кузнецова, Г.М. Миньковский и др.; под ред. Н.Ф. Кузнецовой, Г.М. Миньковского. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1994.
13. Малков В.Д. Криминология: учебник для вузов. М.: Изд-во «Юстицинформ», 2011.
14. Лаптев Д.Б. О содержании дефиниции «меры уголовно-правового характера» // Администратор суда. 2018. № 4.
15. Ледашев В.А. О предмете криминалистической профилактики // Правоведение. 1984. № 6.
16. О стратегии национальной безопасности Российской Федерации [Электронный ресурс]: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 68. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
17. Об Уголовно-Процессуальном Кодексе: постановление ВЦИК от 25.05.1922 (вместе с Уголовно-Процессуальным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
18. Общие меры предупреждения преступности / А.С. Шляпочников. М.: Знание, 1972.
19. Орлов А.В. Превентивная функция административного судопроизводства // Российский судья. 2016. № 9.
20. Преступность: понятие и общая характеристика, причины и условия: учебное пособие. Киев: Изд-во УМК ВО при Минвузе УССР, 1988.
21. Советская криминология: учебник / А.А. Герцензон, В.К. Звирбуль, И.И. Карпец, Ю.П. Касаткин и др.; отв. ред. А.А. Герцензон, И.И. Карпец, В.Н. Кудрявцев. М.: Юридическая литература, 1966.

22. Состояние преступности в Российской Федерации за январь-май 2019 года. URL: <http://mvd.ru/Deljatelnost/statistics/reports/item/1963983/> (дата обращения: 10.06.2019).

23. Тихонов Я.И. Юридическая превенция как фактор опережающего регулирования // Государственная власть и местное самоуправление. 2018. № 9.

24. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР: утв. ВС РСФСР 27.10.1960 (в ред. Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 08.08.1983) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1983. № 32. Ст. 1153 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

25. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 01.04.2019) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

26. Фридман И.Я. Вопросы профилактики преступлений в системе криминалистики // Криминалистика и судебная экспертиза. 1971. Вып. 8.

27. Щукин А.М., Щукина Г.А. Приоритеты предупреждения преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков // Алтайский юридический вестник. 2019. № 2 (26).

28. Яковлева М.А. К вопросу о правовом регулировании механизма профилактики преступности // Ленинградский юридический журнал. 2017. № 4.

Гражданско-правовые отношения

УДК 347.1: 34.037

О.Н. Еремич

адъюнкт Нижегородской академии МВД России

E-mail: ion_olesya@mail.ru

О РОЛИ ЮРИДИЧЕСКОГО УВЕДОМЛЕНИЯ В МЕХАНИЗМЕ ЧАСТНОПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье рассматривается феномен юридического уведомления в контексте механизма частноправового регулирования. Раскрывается важнейшее значение деления юридического уведомления для правореализационной практики в частноправовой сфере по характеру наступающих правовых последствий. Так, юридическое уведомление, с одной стороны, может порождать, изменять и прекращать взаимные права и обязанности, с другой стороны, может выступать опосредующим звеном данного процесса, являясь вспомогательным инструментом в цепи юридических фактов, обеспечивающих движение правоотношения. Анализируются последствия, устанавливающие отсутствие надлежащего уведомления, в то время как такая обязанность прямо закреплена нормативными правовыми актами, а также последствия, влекущие недействительность совершенного юридического акта. Рассмотрены случаи законодательного закрепления юридического уведомления в сфере частноправового регулирования. Делается вывод о том, что юридическое уведомление является одним из видов юридически значимого сообщения.

Ключевые слова: юридическое уведомление, гражданское право, юридически значимое сообщение, механизм частноправового регулирования, юридические факты.

O.N. Eremich

postgraduate student of Nizhniy Novgorod Academy of the Ministry of the Interior of Russia

E-mail: ion_olesya@mail.ru

ON THE ROLE OF LEGAL NOTICE IN THE MECHANISM OF PRIVATE LAW REGULATION

The article deals with the phenomenon of legal notice in the context of the mechanism of private law regulation. The article reveals the crucial importance of the division of legal notice for the practice of law in the private sphere by the nature of the coming legal consequences. The author formulates that legal notification can generate, change and terminate rights and mutual obligations, on the other hand, it can act as a mediating link in this process, being an auxiliary tool in the chain of legal facts that ensure the movement of legal relations. The article analyzes the consequences that establish the absence of proper notification, when such a duty is directly enshrined in normative legal acts, entailing the invalidity of the legal act. The cases of legislative consolidation of legal notice in the sphere of private law regulation are considered. It is concluded that a legal notice is a type of legally significant message.

Key words: legal notice, civil law, legally significant message, mechanism of private law regulation, legal facts.

Юридическое уведомление широко распространено в современной юридической практике, однако пока не получило должного осмысления на доктринальном уровне. Мы в настоящей публикации ставим перед собой цель – дать характеристику данному явлению, доказать наличие у него самостоятельной правовой природы, самостоятельного значения в механизме частноправового регулирования. При первом приближении к изучению заявленной темы видится возможным определять юридическое уведомление, влекущее правовые последствия, как облеченную в установленную законом (соглашением) форму деятельности субъектов права по представлению юридически значимой информации надлежащему лицу. Указанное определение не претендует на завершенность, но уже позволяет в общих чертах понять, что мы понимаем под данным правовым явлением.

В первую очередь необходимо указать, что юридическое уведомление является юридическим фактом, соответственно, оказывает влияние на динамику прав и обязанностей лиц, являющихся субъектами уведомления. Причем правовые последствия могут наступать как для всех субъектов данной деятельности, так и для одного из них. Возможны случаи, когда юридическое уведомление имеет правовое значение для лиц, не являющихся его субъектами. Также важно заметить, что отличительной чертой юридического уведомления, и даже своего рода особенностью, выступает то, что правовые последствия юридического уведомления порождаются как надлежащим, так и ненадлежащим уведомлением либо неуведомлением вовсе. То есть речь идет о возможности рассматривать юридическое уведомление как положительный юридический факт, т.е. когда правовые последствия порождают надлежаще реализованное уведомление, и как отрицательный юридический факт, т.е. когда наступление правовых последствий связано с неисполнением либо ненадлежащим исполнением обязанности субъекта частноправовых отношений по уведомлению в случаях, предусмотренных законом либо соглашением лиц.

Соответственно, в сфере частноправового регулирования юридическое уведомление играет важную роль, прямо либо косвенно опосредуя правовые последствия. Далее рассмотрим, каким образом юридическое уведомление встроено в систему частноправового регулирования общественных отношений.

Для правореализационной практики в частноправовой сфере имеет важнейшее значение деление юридического уведомления по такому основанию, как характер наступающих правовых последствий. Они будут отличаться в первую очередь в зависимости от того, какой юридический факт (юридическое уведомление – положительный юридический факт или юридическое уведомление – отрицательный

юридический факт) лежит в основе их возникновения. Соответственно, *надлежащее юридическое уведомление по характеру порождаемых правовых последствий* можно представить следующим образом.

Первое. Юридическое уведомление – основание возникновения, изменения либо прекращения прав и (или) обязанностей у субъектов уведомления.

Юридическое уведомление изначально определено законодателем в качестве инструмента, обеспечивающего динамику частноправовых отношений. Оно необходимо для нормального хода реализации права. Его функционирование в правореализационном процессе весьма разнопланово. Оно обеспечивает информационный обмен между субъектами права, придает легитимность совершаемым действиям, входит в арсенал контрольной функции государственных и муниципальных органов власти и само обладает правопреобразующей силой.

Таким образом, место юридического уведомления в правореализационном процессе весьма специфично. Оно, с одной стороны, само непосредственно может порождать, изменять и прекращать взаимные права и обязанности, с другой стороны, может выступать опосредующим звеном данного процесса, являясь вспомогательным инструментом в цепи юридических фактов, обеспечивающих движение правоотношения. Вместе с этим юридическое уведомление необходимо отграничивать от схожих правовых явлений [8, с. 15].

Вот лишь один из примеров, когда непосредственно юридическое уведомление выступает основанием возникновения обязанности: суд обязан отложить разбирательство дела, связанного со спором о ребенке, в случае поступления письменного уведомления от уполномоченного органа о получении им заявления о незаконном перемещении этого ребенка в РФ или его удержании в РФ.

Второе. Юридическое уведомление – юридический факт, определяющий начало течения правовых сроков.

Сложно поспорить с утверждением А.А. Белкина, что юридические сроки вносят в юриспруденцию временные аспекты в той части, в которой она оказывается связанной с так называемым календарным временем, придавая использованию его единиц свою юридическую технологичность [2, с. 13-16]. Сроки – весьма важная составляющая правореализационной деятельности, играющая, по справедливому суждению Э.М. Васекиной, «заметную роль в упорядочивающем воздействии всех без исключения функций права на общественные отношения, значительно усиливая его результативность» [3, с. 6]. Действительно, ограничение сроками вносит упорядоченность в правовую жизнь, стимулируя активное поведение как управомоченных, так и обязанных лиц.

Момент получения юридического уведомления может выступать началом течения как процессуальных сроков, так и сроков, определяющих временной промежуток для реализации норм материального права.

Так, для целей исчисления сроков по Арбитражному регламенту ЮНСИТРАЛ течение срока по общему правилу начинается со следующего дня после получения уведомления. Причем уведомление в данном документе трактуется предельно широко, как включающее любое извещение, сообщение или предложение [1]. В силу ст. 3 указанного документа истец направляет ответчику уведомление об арбитраже; день получения ответчиком такого уведомления считается днем начала арбитражного разбирательства. Таким образом, от дня получения уведомления начинается исчисление сроков арбитражного разбирательства.

Примером следующего вида правового срока, опосредованного юридическим уведомлением, может служить положение о том, что реализация заложенного имущества возможна не ранее чем через десять дней с момента получения залогодателем и должником уведомления залогодержателя или нотариуса, если иной срок не предусмотрен законом, а также если больший срок не предусмотрен соглашением между залогодержателем и залогодателем [4, с. 317]. С момента получения уведомления исчисляется срок, по истечении которого лицо может использовать свое право на реализацию заложенного имущества.

Неисполнение лицом обязанности по уведомлению в случаях, когда такая обязанность прямо закреплена действующим законодательством, связано с негативной реакцией государства в виде применения отдельных санкций. В числе правовых последствий не уведомления либо ненадлежащего уведомления по законодательству РФ следующие.

Признание недействительным совершенного юридического факта. Современная юридическая наука и практика солидарны в том, что «признание актов недействительными и применение последствий такой недействительности является одним из важнейших средств защиты права» [5, с. 4]. Сформулированы и находят воплощение в жизни основания недействительности юридических фактов. Наиболее полно данный вопрос проработан в сфере гражданского права, где большое внимание уделено недействительности сделок [9, с. 4; 10, с. 9-12].

Отсутствие надлежащего уведомления, когда такая обязанность прямо закреплена нормативными правовыми актами, выступает основанием недействительности совершенного юридического акта как нарушающего требования закона или иного правового акта. Возможность признания юридического акта

недействительным в силу неисполнения обязанности по надлежащему уведомлению предусматривается нормативно в том случае, когда не уведомление, должное быть, лишает лицо возможности повлиять на ход реализации права. Иначе говоря, предполагается, что лицо, будучи уведомленным о предстоящем совершении юридического акта, могло использовать свое право. Например, при продаже доли в праве общей собственности постороннему лицу остальные участники долевой собственности имеют преимущественное право покупки продаваемой доли. Реализации данного права способствует предусмотренная нормами ст. 250 ГК РФ обязанность продавца доли уведомить о намерении продать свою долю постороннему лицу остальных участников долевой собственности. Если доля будет продана с нарушением предписаний об обязательном уведомлении, любой другой участник долевой собственности вправе в установленном порядке требовать перевода на него прав и обязанностей покупателя. Таким образом, предполагается, что лицо, будучи уведомлено о предстоящей продаже доли, может реализовать свое преимущественное право ее покупки. Не уведомление в таком случае нарушает права или охраняемые законом интересы долевых собственников.

Так, сделки, иные действия в частноправовой сфере, осуществленные с нарушением порядка уведомления антимонопольного органа (когда такое уведомление обязательно), признаются недействительными в судебном порядке по иску антимонопольного органа, если такие сделки, иные действия привели или могут привести к ограничению конкуренции [6].

Возложение мер юридической ответственности. Например, на вызванных экспертов, специалистов, переводчиков, не явившихся в судебное заседание и не представивших сведений об уважительных причинах неявки, может быть наложен судебный штраф. Таким образом, юридическое уведомление дисциплинирует участников гражданского, арбитражного судопроизводства.

Лишение права на судебную защиту. Так, уведомленные участники корпорации, не присоединившиеся в порядке, установленном законом, к иску о возмещении причиненных корпорации убытков, в последующем не вправе обращаться в суд с тождественными требованиями, если только суд не признает причины этого обращения уважительными.

Если сторона, против которой принято решение, не была должным образом уведомлена о назначении арбитра или об арбитражном разбирательстве, в признании и исполнении решения иностранного третейского суда (арбитража) может быть отказано.

Возникновение, изменение либо прекращение прав и (или) обязанностей у субъектов уведомления.

В случае неисполнения участниками хозяйственного общества, заключившими корпоративный договор, обязанности уведомить об этом факте общество, участники общества, не являющиеся сторонами корпоративного договора, вправе требовать возмещения причиненных им убытков.

Таким образом, представленные небольшие зарисовки из законодательства, регламентирующего отношения в сфере частного права, показывают существенную роль в нем юридического уведомления.

В рамках данной публикации также хочется отметить, что юридическое уведомление тесно пересекается в объеме с понятием «юридически значимое сообщение», которое, в свою очередь, получило свое признание в качестве важного элемента гражданско-правового регулирования не только на страницах научной литературы, но и со стороны законодателя: с 2013 г. в ГК РФ включена ст. 165.1 «Юридически значимые сообщения». Однако законодателем юридически значимое сообщение определено лишь в контексте гражданско-правовых отношений. При более широком подходе к пониманию юридически значимого сообщения (рассмотрение последнего не только в сфере гражданского права, но и в иных отраслях) ученые оправданно относят к ним все те акты чело-

веческой коммуникации (заявления, извещения, требования, уведомления и т.п.), которые в силу закона или соглашения опосредуют правовой эффект. Таким образом, возможно говорить о наличии межотраслевой аналогии закона в отношении легального определения понятия «юридически значимое сообщение», данного в ГК РФ. Об этом говорит и Верховный Суд РФ: «Статья 165.1 ГК РФ подлежит применению также к судебным извещениям и вызовам, если гражданским процессуальным или арбитражным процессуальным законодательством не предусмотрено иное» [7].

Таким образом, понимая юридически значимое сообщение как общеправовое явление, распространяя его понятие на все отрасли российского права, можно сделать вывод, что юридическое уведомление является одним из видов юридически значимого сообщения.

Однако стоит уточнить, что в гражданском праве правовые последствия связаны только с доставленным (полученным) юридически значимым сообщением. В свою очередь, юридическое уведомление порождает правовые последствия не только как положительный, но и как отрицательный юридический факт.

Литература

1. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ // Закон. 2003. № 2.
2. Белкин А.А. Юридические акты: сроки действия // Правоведение. 1993. № 6. С. 3-16.
3. Васекина Э.М. Юридические сроки: теоретико-правовое исследование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 27 с.
4. Гражданское право: учебник: в 2 т. /под общ. ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: ИД «Форум»; Инфра-М, 2019. Т. 1. 400 с.
5. Дегтярева Н.И. Санкция недействительности в российском праве: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. 30 с.
6. О защите конкуренции: федеральный закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ // Российская газета. 2006. 27 июля. № 162.
7. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 2015. 30 июня. № 140.
8. Рачёноква О.Н. Согласование юридических актов: теория, практика, техника: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2018. 288 с.
9. Савельева О.Ю. Недействительность сделок в гражданском обороте: теория и практика: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Рязань, 2003. 23 с.
10. Шухарева А.В. Роль принципа добросовестности сторон в институте недействительности сделок // Российская юстиция. 2017. № 11. С. 9-12.

УДК 346.548 346.548

Л.Г. Ефимова, доктор юрид. наук, профессор

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

E-mail: elg007@mail.ru;

О.Б. Сизимова, доктор юрид. наук, профессор

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского

E-mail: kchpr_nki@mail.ru

О КОНЦЕПЦИИ ЗАЩИТЫ ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ЦИФРОВЫХ ФИНАНСОВЫХ УСЛУГ¹

В статье на основе сравнительного анализа законодательства развитых зарубежных стран и России предложены подходы к построению действенной концепции защиты прав потребителей цифровых финансовых услуг. Диагностируется ряд проблем законодательства и правоприменительной практики в этой сфере, предлагаются пути их решения. Рассматривается система мер, направленных на преодоление фактического неравенства потребителей финансовых услуг и операторов обмена цифровых финансовых активов с целью построения действенной модели защиты прав и интересов потребителя финансовых услуг в цифровой среде.

Ключевые слова: смарт-контракт, цифровые финансовые активы, Банк России, потребительский надзор в области цифровых технологий.

L.G. Efimova, Doctor of Juridical Sciences, professor

Kutafin Moscow State Law University

E-mail: elg007@mail.ru;

O.B. Sizimova, Doctor of Juridical Sciences, professor

Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod

E-mail: kchpr_nki@mail.ru

ON THE CONCEPT OF THE PROTECTION OF THE RIGHTS OF CONSUMERS OF DIGITAL FINANCIAL SERVICES

Based on a comparative analysis of the legislation of developed foreign countries and Russia, the authors of the article suggest approaches to building an effective concept of protecting the rights of consumers of digital financial services. A number of problems of the legislation and law enforcement practice in this sphere are diagnosed, ways of their decision are offered. The article considers a system of measures aimed at overcoming the actual inequality of consumers of financial services and operators of exchange of digital financial assets in order to build an effective model of protection of the rights and interests of consumers of financial services in the digital environment.

Key words: smart contract, digital financial assets, the Central Bank of the Russian Federation, consumer supervision in the field of digital technologies.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16203 мк.

Сектор финансовых услуг находится в самом центре цифровой революции [8, с. 587], поэтому финансовые активы чаще всего становятся объектом дематериализованных договорных отношений в области цифровых финансовых технологий. Обладающим всеми инструментами профессиональной оценки рисков и пресечения злоупотреблений финансовым институтам специальная защита не требуется. Потребители цифровых финансовых услуг – физические лица, напротив, нуждаются в особых мерах, направленных на устранение дисбаланса, пресечение манипулирования их поведением, предотвращение финансовых потерь.

В сфере оказания цифровых финансовых услуг потребителям уже сегодня можно выделить ряд проблем. В частности, проблема информационной диспропорции, т.е. предоставления неполной информации о финансовом продукте и о программном обеспечении профессиональными операторами обмена цифровыми финансовыми активами, приводит к тому, что оценивание потребителем самого финансового продукта подменяется оцениванием интерфейса сайта на предмет легкости доступа к его получению. Более того, разрабатываемые смарт-контракты профессиональные операторы обмена цифровыми финансовыми активами заинтересованы не в защите интересов и прав потребителей финансовых услуг, а в росте количества клиентов, использующих цифровые финансовые технологии. Большая доля анонимности данных отношений не позволяет в полной мере использовать судебный порядок защиты [2], поскольку у потребителя возникают трудности с поиском доказательств факта заключения смарт-контракта, его содержания, исполнения, назначением судебной экспертизы. Следует также признать невозможность применения реституции для восстановления прав потребителя цифровых финансовых услуг в судебном порядке.

И наконец, сфера цифровых финансовых услуг широко известна компьютерными мошенничествами, системными сбоями и ошибками компьютерного программирования.

Ситуацию усугубляет практически повсеместная компьютерная и правовая неграмотность населения, стимулирующая финансовые институты к внедрению ненадлежащих практик оказания финансовых услуг [2]. Однако следует учитывать, что потребитель не будет столь же финансово грамотным, как и сотрудник финансового института, обладать такой же компьютерной грамотностью, как и профессиональные операторы обмена цифровыми финансовыми активами.

Все это приводит к повышению риска потребительского банкротства за счет необдуманных действий потребителя, находящегося под влиянием иллюзии о том, что в компьютерном мире не только

проще заключить договор, но и «отсутствуют обязательства» [6, с. 35].

Таким образом, цифровая экономика, основанная на использовании данных в цифровой форме, требует не только устранения имеющихся правовых «барьеров ее развития, но и установления ряда новых ограничений, обусловленных спецификой цифровой формы, в целях обеспечения баланса интересов и пресечения противоправного поведения в отношении потребителей цифровых финансовых услуг» [5, с. 21].

Законодательство о защите прав потребителей финансовых услуг в области цифровых технологий должно предусматривать систему мер, направленных на преодоление фактического неравенства потребителей финансовых услуг и операторов обмена цифровых финансовых активов. Для построения наиболее эффективной модели защиты прав и интересов потребителя финансовых услуг в цифровой среде следует, с одной стороны, использовать опыт становления законодательства о защите прав потребителей финансовых услуг, а с другой – предусмотреть дополнительные меры, необходимые для минимизации специальных рисков, возникающих в области дематериализованных договорных отношений.

Наиболее разработанным является законодательство о защите прав заемщиков при потребительском кредитовании, правовые средства которого могут быть использованы для разработки законодательства о защите прав потребителей в дематериализованных договорных отношениях.

В Соединенных Штатах о необходимости создания системы потребительского надзора в отношении финансовых институтов заговорили в 50-х годах XX в., после провозглашения так называемого общества потребления. В то время в результате использования агрессивной рекламы, иных недобросовестных практик значительно возросли объемы и число потребительских кредитов, что привело к росту потребительских банкротств. Целью регулирования в то время стало устранение информационной диспропорции между кредитором и заемщиком, что было отражено в измененном федеральном законодательстве¹ и законодательстве штатов о защите прав потребителей финансовых услуг.

Общей идеей изменений стал надзор со стороны судебной системы, уполномоченных органов, специализированных общественных организаций за «поведением» финансовых институтов в отношении своих клиентов – физических лиц. Предметом надзора является добросовестность финансового института,

¹ U.S. Code, Title 15, Chapter 41 «Consumer Credit Protection». Последние изменения касались предотвращения злоупотреблений при банкротстве и защиты прав потребителей (Bankruptcy Abuse Prevention Consumer Protection Act (BAPCPA) // Pub. L. 109-8. Apr.20. 2005. 119 Stat. 23).

а именно его забота о заемщике (нужен ли ему именно этот банковский продукт, сможет ли он своевременно исполнять обязательства по возврату кредита и уплате процентов и т.д.). С этой целью банк обязан изучить не только финансовое положение клиента и членов его семьи, но и поведенческие привычки, мотивацию потенциального заемщика, удостовериться в том, что заемщик понимает последствия заключения кредитного договора на данных условиях, выяснить иные обстоятельства, прямо или косвенно связанные с возможностью выдачи кредита (займа). Финансовым институтам-нарушителям грозят многомиллионные штрафы, подлежащие зачислению в специальный фонд, средства которого направляются в том числе и на повышение финансовой грамотности населения [7, с. 80].

Единообразная защита прав потребителей на территории стран ЕС обеспечена установлением для финансового института следующих требований¹. Во-первых, это комплекс преддоговорных обязательств, в т.ч. требования к рекламе, работе с потребителем по разъяснению условий договора, к оценке кредитоспособности потребителя, в т.ч. к обеспечению доступа к специальным национальным базам данных. Причем преддоговорная «информация – это не только информация о договоре, который следует заключить, а информация о договоре в такой форме и в таком объеме, который позволил бы потребителю сравнить различные предложения кредитной услуги, в которой он заинтересован» [3, с. 437; 1, с. 210]. Помочь ему в этом призваны специальные независимые кредитные посредники.

Директива предусматривает и комплекс обязательств кредитора в процессе исполнения кредитного соглашения, минимальные требования к форме и содержанию кредитных соглашений. Кроме того, ею определен ряд специальных прав заемщика-потребителя, в т.ч. право отказаться от договора.

Предусмотрены также надзор за деятельностью финансовых институтов, осуществляемый системой специальных органов и организаций, и санкции за нарушение национальных норм, установленных в соответствии с Директивой № 2008/48/СЕ.

В России система потребительского надзора в сфере финансовых услуг формируется Банком России. В январе 2017 г. он объявил о присоединении к Международной организации по защите прав потребителей финансовых услуг (FinCoNet)². Банк России

должен противодействовать недобросовестным практикам финансовых институтов. Однако меры воздействия на их деятельность ограничены только мерами воздействия на репутацию. В частности, предлагается публиковать жалобы потребителей финансовых услуг, определять рейтинг финансовых институтов, исходя из количества жалоб, но штрафы и иные финансовые санкции за внедрение недобросовестных потребительских практик не предусмотрены.

В целом в России реализована патерналистская модель регулирования потребительского кредитования: ограничение принципа свободы договора в отношении кредитора за счет ограничения полной стоимости потребительского кредита; наличие в законе понятия предписанных и недопустимых условий для договора потребительского кредита; наличие правового механизма обеспечения максимальной информированности заемщика об общих и индивидуальных условиях договора, а также механизма ограничения прав кредиторов на всех стадиях заключения и исполнения договора; наличие правила о недопустимости ухудшения положения заемщика-потребителя по сравнению с нормами законодательства и изменения условий договора в одностороннем порядке; наличие в законодательстве правил о специальных правах заемщика, направленных на уменьшение последствий экономического неравенства сторон договора потребительского кредита (займа).

Таким образом, система потребительского надзора в заемных отношениях, направленная на устранение информационного дисбаланса между финансовым институтом и потребителем, предупреждение манипулирования поведением потребителя с помощью недостоверной и неполной информации, начинает формироваться и в России³.

му и эффективному контролю над финансовым рынком. URL: <http://www.finconet.org>.

³ В Российской Федерации приняты:

- Федеральный закон от 21.12.2013 № 353-ФЗ «О потребительском кредите (займе)», в котором реализована патерналистская модель правового регулирования отношений сторон по договору потребительского кредита (займа);

- Федеральный закон от 03.07.2016 № 230 «О защите прав и законных интересов физических лиц при осуществлении деятельности по возврату просроченной задолженности и о внесении изменений в Федеральный закон "О микрофинансовой деятельности и микрофинансовых организациях»;

- Постановление Правительства РФ от 11.08.2017 № 961 «О дальнейшей реализации программы помощи отдельным категориям заемщиков по ипотечным жилищным кредитам (займам), оказавшихся в сложной финансовой ситуации» и другие нормативные акты. Совершенствуется и судебная практика (См., напр., изменения в Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 28.06.2012 № 17 «О рассмотрении судами гражданских дел по спорам о защите прав потребителей»).

¹ См.: Директива № 2008/48/СЕ от 23 апреля 2008 г. Европейского парламента и совета о кредитных соглашениях с потребителями и отмене Директивы № 87/102/ЕЭС.

² The International Financial Consumer Protection Organisation (FinCoNet) – международная организация надзорных органов, способствует разумному рыночному поведению и защите потребителей благодаря действенно-

В целом Банк России как мегарегулятор российских финансовых институтов формирует систему защиты прав потребителей с учетом выработанных Группой 20 Принципов защиты прав потребителей финансовых услуг¹. Система принципов базируется на Основных принципах ООН для защиты интересов потребителей, которые в 2015 г. были существенно дополнены в рамках предложений Совета по торговле и развитию Конференции ООН, в т.ч. и разделом J «Финансовые услуги»². Все это подтверждает важность данной сферы, т.к. наблюдается недобросовестная практика поставщиков финансовых услуг и их уполномоченных представителей, в т.ч. при заключении договоров кредитования и реализации финансовых продуктов.

Правительством РФ с учетом международных принципов разработана Стратегия в области защиты прав потребителей³, для реализации которой утвержден План мероприятий⁴. В данных документах названы основные субъекты реализации стратегии в сфере защиты прав потребителей финансовых услуг: Банк России, Роспотребнадзор и Министерство иностранных дел России. Последнему предстоит организовать взаимодействие с Межправительственной группой экспертов по законодательству и политике в области защиты прав потребителей Конференции ООН по торговле и развитию, рабочей группой Организации экономического сотрудничества и развития, консультативными органами СНГ и ЕврАзЭС. В сфере регулирования трансграничной предпринимательской деятельности, единого глобального информационного ресурса в области защиты прав потребителей, повышения цифровой грамотности потребителей – с ВТО, и с Группой G 20.

С переходом к цифровой экономике российский регулятор стремится использовать поднадзорные финансовые институты в новых отношениях. В предложенных разными группами разработчиков зако-

нопроектах присутствуют в качестве обязательных субъектов специальные посредники, подконтрольные Банку России, что на первый взгляд является разумным.

В частности, согласно проекту Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» владельцы цифровых финансовых активов вправе совершать сделки с цифровыми финансовыми активами только через профессиональных участников рынка ценных бумаг или организаторов торговли. Предусмотрены также и специальные счета, открываемые профессиональным оператором обмена цифровыми финансовыми активами, являющимся владельцем цифрового кошелька для сделок с цифровыми финансовыми активами неквалифицированных инвесторов. Проектом Федерального закона № 373645-7 «О системе распределенного национального майнинга» предусмотрено, что операции с криптовалютой могут осуществляться пользователями через уполномоченный банк с участием профессионального оператора обмена цифровыми финансовыми активами, при этом уполномоченный банк открывает и ведет номинальные счета пользователей. Распоряжения владельца счета, являющегося получателем денежных средств, за аренду вычислительных мощностей совершаются в форме записей в распределенном реестре. Пользователи – физические лица, индивидуальные предприниматели, юридические лица, предоставляющие на возмездной договорной основе часть принадлежащих им вычислительных мощностей для организации деятельности по поддержанию распределенного реестра цифровых транзакций и генерации новых единиц криптовалюты, подлежат обязательной регистрации в распределенном реестре цифровых транзакций, которая осуществляется оператором. Пользователи должны быть зарегистрированы с использованием единой системы идентификации и аутентификации, применяющейся для доступа к государственным информационным системам. Проектом Федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» установлено, что осуществление инвестиций посредством инвестиционной платформы может производиться только безналичными денежными средствами, которые зачисляются на номинальный счет, открытый оператору инвестиционной платформы. Денежные средства инвесторов, находящиеся на номинальном счете и предназначенные для передачи лицу, привлекающему инвестиции, оператор инвестиционной платформы передает указанному лицу в порядке и сроки, предусмотренные в правилах инвестиционной платформы. Установлены также требования к оператору инвестиционной платформы, к инвестиционной платформе, к лицам, привлекающим инвестиции посредством инвести-

¹ Группа 20/ОЭСР, 2011. Разработанные Организацией экономического сотрудничества и развития и Группой 20 «High-level Principles on Financial Consumer Protection» были дополнены «Principles for Innovative Financial Inclusion», созданными Группой 20, а также руководством Всемирного банка «Good Practices for Financial Consumer Protection». Для защиты потребителей от мошеннической и вводящей в заблуждение трансграничной коммерческой практики Организацией экономического сотрудничества и развития разработаны также «Guidelines for Protecting Consumer from Fraudulent and Deceptive Commercial Practices across Borders».

² Приняты 22.12.2015 Резолюцией 70/186 на 81-ом пленарном заседании 70-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

³ Стратегия государственной политики РФ в области защиты прав потребителей на период до 2023 года (Распоряжение Правительства РФ от 28.08.2017 № 1837-р).

⁴ Распоряжение Правительства РФ от 23.03.2018 № 481-р.

ционной платформы, а также основы надзора за деятельностью оператора инвестиционной платформы.

С другой стороны, во всех проектах законов так или иначе имеются разного рода ограничения для доступа потребителей к новым технологиям и новым финансовым продуктам. В одних случаях разрешительный порядок доступа потребителей определен через ограничение суммы транзакций, в других – через обязательную регистрацию в специальном уполномоченном финансовом институте или органе¹.

Однако предложенная инициаторами проектов модель регулирования складывающихся в цифровой экономике новых отношений создана без учета особенностей природы технологии блокчейн, предполагающей отсутствие специальных посредников и так называемых «органов доверия» в правоотношениях между субъектами. Именно в этом и заключается, по мнению большинства экспертов и пользователей, ее ценность.

Кроме того, предложенная модель регулирования построена без учета транснационального характера данных отношений, поскольку организаторы платформ, майнеры, участники смарт-контрактов, как правило, находятся в разных юрисдикциях, следовательно, попытки построения механизма правового регулирования в рамках одного государства, группы государств не будут эффективными.

По указанной причине, на наш взгляд, нужна наднациональная, международная модель защиты прав потребителей финансовых услуг в цифровой среде.

Эта модель должна включать элементы сложившихся в мире моделей защиты прав потребителей, а именно:

- модель обязательного уведомления потребителя, в рамках которой коммерческая организация обязывается доводить до сведения потребителя определенную информацию, главным образом о рисках, вытекающих из соответствующих отношений. Важно обеспечить доведение до потребителя информации о высоком риске технических сбоев; риске несанкционированном завладении ключами доступа (компьютерном мошенничестве), а также отсутствии тотального государственного контроля качества ра-

¹ Например, проектом Федерального закона № 419059-7 «О цифровых финансовых активах» предложено установить ограничения для лиц, не являющихся квалифицированными инвесторами, по сумме приобретенных в рамках одного выпуска токенов – не более пятидесяти тысяч рублей. При этом эмитентом токенов одного выпуска может быть только одно лицо. Проектом Федерального закона № 419090-7 «Об альтернативных способах привлечения инвестиций (краудфандинге)» установлено, что общая сумма инвестиций, привлеченных одним лицом с использованием инвестиционных платформ, в течение календарного года не может превышать сумму, установленную нормативным актом Банка России.

боты платформы, построенной с использованием технологии блокчейн, и качества предоставления на ее основе услуг. Например, при краудфандинге качество оценки венчурного проекта виртуальным рейтинговым агентством никак не проверяется. Простота интерфейса и доступность услуг на платформе, построенной с использованием технологии блокчейн, не гарантируют понимание потребителем всех особенностей данных отношений;

- модель ограничения доступа потребителей к наиболее рискованным цифровым финансовым услугам;

- модель надзора за поведением коммерческой организации в отношениях с участием потребителей (поведенческий надзор).

Учитывая техническую составляющую, эта модель должна включать не только правовые средства, но и технические приемы обеспечения прав потребителей, а также возможности привлечения недобросовестных лиц к реальной ответственности.

Полагаем, что идея создания наднационального мегарегулятора в данном случае не выглядит столь утопичной, учитывая накопленный опыт деятельности различных надзорных органов стран ЕС.

Представляется, что следует начать с разработки проекта Конвенции о защите прав потребителей цифровых финансовых услуг. Работу по подготовке проекта Конвенции могут координировать экспертные комиссии и консультативные органы, уже созданные в рамках Группы 20 и ООН, сферой деятельности которых является разработка правил по защите прав потребителей, а также органы и организации, действующие в сфере цифровых технологий. К разработке данного документа следует привлечь также организации, разрабатывающие правила в сфере коммерческого оборота и взаимодействия коммерческих организаций с государством (возможно, ЮНСИТРАЛ, МБРР, ЕБРР, ИСС).

С целью эффективной защиты прав потребителей в цифровой экономике проект должен содержать:

- идею об общих принципах организации участников платформы, созданной с использованием технологии блокчейн, их клиентов и т.п.;

- идею о количественном ограничении практики заключения потребителями смарт-контрактов в сфере финансовых услуг, реализацию которой следует возложить на разработчиков программного обеспечения;

- идею об ограничении или исключении использования сложных смарт-контрактов, поскольку они имеют двусмысленность своих условий, что порождает правовую неопределенность в регулировании;

- идею об обязанности профессионального участника соответствующих цифровых договорных отношений поставить потребителя в известность обо всех

рисках, включая сведения об отсутствии возможности расторгнуть и изменить цифровой договор, а также применить правовые последствия его недействительности;

- идею об обязательном перечне запрещенных и предписанных условий цифровых договоров, которые страны – участницы конвенции должны разработать и имплементировать в свое национальное законодательство. Указанный запрет должен быть адресован разработчикам программного обеспечения;

- идею о создании на территориях стран – участниц конвенции системы государственных экспертных учреждений, задачей которых должна стать организация технической экспертизы по спорам из дематериализованных договоров;

- идею о принципах борьбы с компьютерным мошенничеством в сфере использования смарт-контрактов;

- идею о принципах организации претензионной работы и работы финансового омбудсмена. Возможно, следует предписать разработчикам программного обеспечения и организаторам платформ, основанных на технологии блокчейн, создавать и внедрять

специальную программу «financial ombudsman», способную распознавать компьютерный код смарт-контракта с целью выявления и разрешения проблемных (спорных) ситуаций в процессе его автоматического заключения и исполнения;

- идею об основных принципах надзора за деятельностью профессиональных участников дематериализованных договорных отношений и разработчиков программного обеспечения. Такой надзор можно возложить на национальные органы стран-участниц, если идея создания наднационального надзорного органа не будет поддержана разработчиками конвенции. Национальные надзорные органы должны взаимодействовать друг с другом.

В силу малой изученности регулируемых общественных отношений проект конвенции может содержать также определения наиболее общих понятий, применяемых в профессиональном IT-сообществе, которые могут иметь правовое значение. Эти понятия могут впоследствии составить основу правового регулирования дематериализованных договорных отношений, что необходимо для унификации их правового регулирования в законодательстве стран – участниц конвенции.

Литература

1. Вишневецкий А.А. Институт кредитования в современном банковском праве: структура правового института // Вопросы правоведения. 2013. № 5. С. 208-226.
2. Доклад о дигитализации краткосрочных потребительских кредитов по повышенной ставке. URL: <http://www.finconet.org>.
3. Зарубежное банковское право (банковское право Европейского Союза, Франции, Швейцарии, Германии, США, КНР, Великобритании): монография / отв. ред. Л.Г. Ефимова. М.: Проспект, 2016. 656 с.
4. Ефимова Л.Г., Сизимова О.Б. Правовая природа смарт-контракта // Банковское право. 2019. № 1. С. 21-28.
5. Макаруч Н.В. Публично-правовые ограничения использования криптовалют как способ минимизации возможных рисков цифровизации экономики // Право и цифровая экономика. 2018. № 1. С. 21-24.
6. Савельев А.И. Договорное право 2.0: «умные» контракты как начало конца классического договорного права // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 32-60.
7. Сизимова О.Б., Пчелкин А.В., Мамаков А.М. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 80-87.
8. Trevor I. Kiviat. Beyond bitcoin: issues in regulating blockchain transactions // DUKE LAW JOURNAL [Vol. 65:569 2015]. P. 569-608.

УДК 347.42

Е.С. Жмаева

аспирант Алтайского государственного университета

E-mail: zhes867@mail.ru

ИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ БУДУЩЕЙ ВЕЩИ КАК ПРЕДМЕТА ДОГОВОРА

Статья посвящена исследованию вопросов индивидуализации будущей вещи как предмета гражданско-правового договора. Автором рассматриваются существенные условия, при наличии которых гражданско-правовой договор признается заключенным. Обсуждается проблема согласования условия о предмете договора по поводу будущей вещи. Анализируются правовые позиции высших судов, судебная практика, сформировавшаяся при разрешении судами споров, вытекающих из договоров по поводу будущей вещи. Исследованы научные подходы к пониманию предмета гражданско-правового договора. Автор описывает идентифицирующие признаки будущей вещи, позволяющие ее индивидуализировать; обращается к проблеме определения согласованности условия о предмете. Приводятся результаты теоретических исследований вопроса использования в качестве предмета гражданско-правового договора будущей вещи. Учитывая анализ теоретической базы исследования, а также примеры из правоприменительной практики, автор приходит к выводу о допустимых вариантах индивидуализации будущей вещи.

Ключевые слова: будущая вещь, предмет договора, гражданско-правовой договор, заключение договора, условия договора, существенные условия договора, договор купли-продажи, объект недвижимости.

E.S. Zhmaeva

postgraduate student of Altai State University

E-mail: zhes867@mail.ru

INDIVIDUALIZATION OF THE FUTURE THING AS THE SUBJECT MATTER OF THE CONTRACT

The article is devoted to the study of the issues of individualization of the future thing as a subject of a civil contract. The author considers the essential conditions under which a civil contract is recognized as concluded. The problem of agreeing on a condition on the subject matter of the treaty on the future thing is discussed. The legal positions of the higher courts are analyzed. An analysis of the jurisprudence developed in the settlement by the courts of disputes arising from treaties over a future thing is provided. Scientific approaches to understanding the subject matter of a civil contract have been studied. The author analyzes the identifying signs of the future thing, allowing it to be individualized. The author addresses the problem of determining the consistency of the condition about the subject. The results of theoretical studies on the use of a future thing as a subject of a civil contract are given. Using an analysis of the theoretical basis of the study, as well as examples from law enforcement practice, the author concludes on permissible options for individualization of the future thing.

Key words: future thing, the subject of the contract, civil contract, agreement conclusion, terms of contract, the essential terms, sale agreement, real estate.

Анализ правоприменительной практики последнего десятилетия показывает, что в качестве предмета гражданско-правовых договоров может выступать так называемая будущая вещь.

Судебная практика, складывающаяся по спорам, вытекающим из договоров купли-продажи и аренды будущей вещи, свидетельствует, что единый подход к будущей вещи как предмету гражданско-правового договора не сформирован.

В этой связи представляет интерес вопрос о предмете договора по поводу будущей вещи для целей признания его заключенным.

Законодатель в статье 432 Гражданского кодекса РФ императивно указывает на то, какой договор может считаться заключенным. Согласно указанной норме, договор считается заключенным, если между сторонами в требуемой в подлежащих случаях форме достигнуто соглашение по всем существенным условиям договора.

Здесь же перечислены условия, которые отнесены законом к существенным и по которым обязательно должно быть достигнуто соглашение. Так, к числу существенных отнесены: условия о предмете договора, условия, которые названы в законе или иных правовых актах как существенные или необходимые для договоров данного вида.

Применительно к предмету договора купли-продажи закон предусматривает специальное правило, изложенное в ч. 3 ст. 455 Гражданского кодекса: условие договора купли-продажи о товаре считается согласованным, если договор позволяет определить наименование и количество товара.

Нормы, регулирующие договор аренды, в частности ч. 3 ст. 607 Гражданского кодекса РФ, предусматривают обязательное указание данных, позволяющих определенно установить имущество, подлежащее передаче арендатору в качестве объекта аренды.

Вместе с тем, как справедливо отмечено в статье Е.Ю. Коваленко и Т.А. Филипповой, довольно распространёнными являются дискуссии по вопросам оспаривания договора со ссылкой на отсутствие согласования его существенных условий, и при этом суды занимают разные позиции по поводу перечня существенных условий конкретного договора, что порождает неустойчивую судебную практику [5, с. 79].

Если рассматривать в качестве предмета договора будущую вещь, очевидно, что вследствие ее фактического отсутствия у продавца на момент заключения договора в каждом отдельном случае стороны договора используют различные параметры для описания условия о такой вещи (наименование, площадь, место расположения и иные). Судебные органы также дают различную оценку достаточности таких параметров для возможности индивидуализации будущей вещи.

Рассматривая особенности согласования условий договора, Е.Ю. Коваленко и Т.А. Филиппова приводят судебную практику разрешения спора по существенным условиям договора, где суд указал, что отсутствие в договоре аренды и в иных двусторонних документах достаточной индивидуализации передаваемой части помещения с учётом того, что стороны не могут описать её границы и между ними имеется спор по этому поводу, свидетельствует о том, что между сторонами не достигнуто соглашение по условию о предмете договора аренды [5, с. 80].

Вопросы, возникающие в судебной практике относительно разрешения споров по договорам, предметом которых выступает будущая вещь, получили разрешение после формирования Пленумом ВАС РФ соответствующих правовых позиций.

11 июля 2011 г. Пленумом ВАС РФ в Постановлении от 11.07.2011 № 54 «О некоторых вопросах разрешения споров, возникающих из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем» были даны разъяснения, связанные с вопросами, возникающими у арбитражных судов при рассмотрении споров из договоров по поводу недвижимости, которая будет создана или приобретена в будущем. Одним из понятий, фигурирующих в данных разъяснениях, стало понятие «будущая вещь». Именно эти разъяснения способствовали преодолению ранее устоявшейся в судебной практике судов позиции о том, что для возможности приобретения товара требуется наличие у продавца права собственности на этот товар.

В последующем указанная позиция ВАС РФ получила развитие в контексте заключения договора аренды. Так, 17 ноября 2011 г. Пленумом ВАС РФ в Постановлении от 17.11.2011 № 73 «Об отдельных вопросах практики применения Гражданского кодекса РФ о договоре аренды» были даны разъяснения, касающиеся возможности заключения договора аренды в отношении будущей вещи.

Изложенные в постановлениях ВАС РФ правовые позиции относительно сделок с будущей вещью к настоящему времени прочно вошли в судебную практику.

Закрепленная Гражданским кодексом РФ и подтвержденная разъяснениями пленумов правовая возможность заключения договоров, предметом которых является будущая вещь, отвечает принципам международных коммерческих договоров УНИДРУА. Так, в пункте 3.3 речь идет о невозможности исполнения: «Сам по себе факт, что в момент заключения договора исполнение принятого обязательства было невозможным, не влияет на действительность договора. Сам по себе факт, что в момент заключения договора сторона не была уполномочена распоряжаться имуществом, к которому относит-

ся договор, не влияет на действительность договора» [7, с. 398].

В доктрине гражданского права можно встретить некоторые исследования, в которых авторами поднимается вопрос о том, что для заключения договора по поводу будущей вещи необходимо наличие реальной возможности приобретения либо создания этой вещи в будущем на стороне продавца. Также в этом аспекте упоминается суждение Г.Ф. Шершеневича о том, что «первоначальная объективная невозможность делает недействительным обязательство» [16, с. 198]. При этом понятие «реальная возможность» в гражданском законодательстве отсутствует, как не выработано такое понятие и теорией гражданского права.

Суждения об обязательном наличии реальной возможности представляются не вполне обоснованными в связи с тем, что, во-первых, отсутствуют какие-либо критерии, по которым можно было бы в действительности определить наличие либо отсутствие реальной возможности, а во-вторых, в связи с прямым противоречием такого суждения положениям статьи 416 Гражданского кодекса РФ, в которой речь идет о невозможности исполнения, наступившей уже после возникновения обязательства. Таким образом, реальная возможность исполнения не может рассматриваться как условие, предопределяющее возможность заключения договора по поводу будущей вещи.

Из изложенного следует, что будущая вещь как предмет гражданско-правового договора в качестве обязательного элемента может не иметь титула собственности и не обеспечиваться реальной возможностью исполнения по ее поводу на момент заключения договора.

Рассматривая будущую вещь как предмет договора, следует заметить, что в доктрине гражданского права обсуждались вопросы использования в качестве предмета гражданско-правового договора таких объектов гражданских прав, как будущие вещи, но по большей части предметом таких исследований являлась не будущая вещь вообще, а именно будущая недвижимая вещь.

В частности, М.В. Шагохин при проведении диссертационного исследования формулировал определение категории «будущий объект недвижимости», под которым предложил понимать индивидуально-определенную вещь, изменение сферы использования которой невозможно без изменения индивидуализирующих ее признаков, способную быть объектом гражданских прав независимо от наличия государственной регистрации, но которая на момент подачи заявления в регистрирующие органы о переходе права на такую вещь принадлежит отчуждателю такой вещи на праве собственности или на ином праве,

предусмотренном действующим законодательством, а также имеющую особую сферу назначения и применения, которая требует повышенного публичного внимания [15, с. 97].

Это определение получило развитие в более поздних работах других исследователей по аналогичным вопросам. В рамках настоящей статьи это определение представляет интерес в той части, в которой автор характеризует будущий объект недвижимости как индивидуально-определенную вещь. Из этого определения, бесспорно, следует тезис о том, что будущая вещь является индивидуально-определенной вещью.

Если говорить о будущей вещи не только как о будущем объекте недвижимости, а как о предмете гражданско-правового договора, актуален вопрос о том, какими характеристиками должна обладать будущая вещь, выступая в качестве предмета гражданско-правового договора, для целей согласованности его существенного условия о предмете. Для рассмотрения этого вопроса целесообразно обратиться к понятию предмета гражданско-правового договора.

Несмотря на то что ст. 432 Гражданского кодекса РФ упоминает о предмете договора как об одном из существенных условий, по которому должно быть достигнуто соглашение, и императивно указывает, что только в этом случае договор будет считаться заключенным, действующий Гражданский кодекс РФ не содержит определения предмета гражданско-правового договора даже в общем виде. Так, в общей части Гражданского кодекса РФ вообще отсутствует какое-либо упоминание о том, что предписывается понимать под предметом договора в общем смысле. Особенная часть Гражданского кодекса РФ с помощью специальных норм дает легальное определение предмету лишь отдельных видов договоров.

Исследованием термина «предмет договора» и решением проблемы его определения интересуются многие правоведы. Существуют различные подходы к пониманию, что является предметом какого-либо гражданского договора в общем смысле.

По мнению Т.Б. Замотаевой, предметом договора выступает «условие о существенных чертах содержания правоотношения, на динамику которого направлен договор». Под такими существенными чертами она предлагает понимать действия относительно тех или иных объектов гражданских прав и правоотношения, не касающиеся таких объектов [4, с. 16].

П.А. Меньшенин относительно предмета договора определяет его в общем виде, исходя из содержания ст. 307 Гражданского кодекса РФ. Согласно его мнению, предметом договора являются действия (или бездействие), которые должна совершить (или от совершения которых воздержаться) обязанная сторона (п. 1 ст. 307 Гражданского кодекса РФ) [6, с. 12].

О.Г. Ершов, исследуя категорию «предмет договора», пришел к выводу о том, что предмет договора есть элемент, который составляет содержание юридического факта, он отличается от предмета обязательства и объекта договора. Отличие заключается в том, что предмет договора не заменяет предмет и объект обязательства, а объединяет их в себе, отражая тем самым волеизъявление сторон и модель будущего обязательственного правоотношения. Это непосредственно результат соглашения сторон, в котором усматривается направленность их волеизъявления на объект, относительно которого возникнут в последующем права и обязанности, а также действия, которые стороны должны совершить для того, чтобы достигнуть той правовой цели, ради которой они вступают в договорные отношения [3, с. 18].

Согласно еще одной позиции, обозначенной в литературе, предмет договора – это обязательство, которое стороны посредством договора намерены установить и придают его исполнению значение факта, прекращающего договор [2, с. 9].

Наиболее справедливой представляется формулировка, которую приводит В.В. Витрянский: «в широком смысле предмет охватывает весь набор показателей того, по поводу чего заключен договор... представляет формулу "чего и сколько"» [1, с. 98].

К.И. Скловский в своей книге «Собственность в гражданском праве», рассматривая позиции, отождествляющие договор долевого участия и договор о продаже будущей вещи, высказывался о необходимости описания предмета с той точностью, которую требует закон и в которой заинтересован покупатель [13, с. 819].

Здесь стоит отметить, что заинтересованность сторон в описании предмета договора обусловлена тем, что точность описания будущей вещи обуславливает заключенность самого договора и непосредственным образом влияет на последующую возможность исполнения договора и возможность обеспечения защиты стороны договора.

Оценивая согласованность условия о предмете договора, в качестве которого выступает будущая вещь, в частности по договору купли-продажи, судебная практика исходит из положений части второй статьи 455 Гражданского кодекса РФ.

Так, Арбитражный суд Иркутской области, рассмотрев дело № А19-26587/2017 по иску о расторжении договора инвестирования, вынес решение, в котором, оценивая доводы стороны о необходимости квалификации заключенного между сторонами договора как договора купли-продажи будущей вещи, пришел к выводу о том, что спорные правоотношения не могут быть квалифицированы как купля-продажа будущей вещи, поскольку заключенный договор не содержит каких-либо идентифицирующих признаков

продаваемой вещи, как то: этаж, количество комнат, приблизительный метраж; а предполагает распределение между сторонами построенной площади в соотношении 10% истцу и 90% ответчику [8].

Из приведенного примера видно, что суд не усмотрел соответствия будущей вещи, относительно которой договаривались стороны как о предмете договора, условиям, изложенным в части второй статьи 455 Гражданского кодекса РФ, и в качестве критерия, позволяющего заключить договор в отношении будущей вещи, взял за основу возможность эту будущую вещь идентифицировать.

Аналогичный вывод можно сделать, анализируя следующий пример. Арбитражный суд Московского округа при рассмотрении кассационной жалобы по делу № А41-36831/12 по спору относительно договора в отношении будущей вещи – объекта незавершенного строительства, оценивая доводы кассаторов о том, что договор инвестирования не позволяет однозначно идентифицировать имущество, подлежащее передаче, не имеется характеристик помещений в соответствии с проектной документацией, в связи с чем он является незаключенным, пришел к выводу об обоснованности данных доводов и принял их во внимание, передав дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции [9].

Судебная практика при определении индивидуализирующих характеристик будущих объектов аренды в целях оценки согласованности условия применяет различные критерии.

Так, Кинельский районный суд Самарской области при рассмотрении гражданского дела № 2-1275/2017 о признании права собственности на незавершенный строительством объект пришел к выводу о том, что применительно к объекту недвижимости (будущая вещь) условиями, позволяющими индивидуализировать предмет договора, являются технические характеристики и место нахождения объекта недвижимости [10].

Шестой арбитражный апелляционный суд при рассмотрении спора, вытекающего из договора аренды (дело № 06АП-3287/2010), пришел к выводу о несогласовании сторонами существенного условия договора аренды о предмете вследствие неуказания этажа, на котором расположен объект аренды [12].

Иногда суды при индивидуализации предмета договора не принимают во внимание некоторые обстоятельства. Так, Тринадцатый арбитражный суд при рассмотрении дела № А42-4369/2018 о внесении изменений в договор аренды указал: «Заявленное истцом требование о внесении изменений в договор аренды в отношении площади помещения по существу направлено на корректировку сведений о действительной площади помещения и не влечет правовых последствий изменения существенного

условия договора аренды, поскольку предметом договора аренды остается тот же объект недвижимости с аналогичными характеристиками и местоположением. Поскольку заявленное истцом изменение договора аренды не изменяет его существенного условия о предмете, а направлено на корректировку сведений о действительной площади, суд первой инстанции пришел к обоснованному выводу о наличии оснований для удовлетворения заявленного истцом требования и внесении изменений» [11].

В данном случае суд посчитал площадь объекта аренды такой характеристикой, которая не влияет на изменение существенного условия договора аренды, а при оценке согласованности существенного условия за основу принял местоположение и иные характеристики.

В контексте рассматриваемого вопроса Е.А. Суханов справедливо отмечает: «объектом вещных прав могут служить только индивидуально-определенные вещи... невозможно осуществлять непосредственное хозяйственное господство в отношении неиндивидуализированного, абстрактно представляемого имущества [14, с. 126].

Изложенное позволяет прийти к выводу о том, что действующее законодательство не содержит императивных норм, устанавливающих четкие критерии, по которым можно было бы судить о согласованности условия о будущей вещи как о предмете договора. При этом в правоприменительной практике такие критерии формируются исходя из усмотрения суда. Как указано выше, в качестве таковых рассматриваются: место нахождения, площадь, границы, этаж, схема расположения (если говорить о будущем объекте недвижимости), технические характеристики. О согласованности условия о будущей вещи как о предмете договора может свидетельствовать указание на такие характеризующие данные, которые позволяют как-либо индивидуализировать будущую вещь, а также с достаточной степенью достоверности судить о согласовании сторонами существенных условий договора по поводу будущей вещи до его подписания. В ином же случае договор по поводу будущей вещи, которая не может быть обозначена и идентифицирована путем указания на индивидуальные признаки, будет считаться незаключенным в связи с отсутствием договоренности по существенным условиям.

Литература

1. Витрянский В.В. Договорное право. Книга первая. Общие положения. 3-е изд. М., 2011. 479 с.
2. Грунский А.С. К проблеме понятия гражданско-правового договора // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 2. С. 9.
3. Ершов О.Г. О предмете гражданско-правового договора // Современная наука. 2011. С. 18.
4. Замотаева Т.Б. Соотношение предмета договора, предмета и объекта договорного обязательства // Правовая политика и правовая жизнь. М.; Саратов, 2005. № 2. С. 16.
5. Коваленко Е.Ю., Филиппова Т.А. Согласование условий договора: теоретические и практические аспекты // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2, 3. С. 79.
6. Меньшенин П.А. Понятие и предмет предварительного договора: основные подходы теории и практики // Вестник Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации. 2011. № 1. С. 12.
7. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010. М.: Статут, 2013. 758 с.
8. Решение Арбитражного суда Иркутской области по делу № А19-26587/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Решение Арбитражного суда Московского округа по делу № А41-36831/12 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Решение Кинельского районного суда Самарской области по делу № 2-1275/2017 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Решение Тринадцатого арбитражного суда по делу № А42-4369/2018 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Решение шестого арбитражного суда по делу № 06АП-3287/2010 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Скловский К.И. Собственность в гражданском праве. 5-е изд., перераб. М.: Статут, 2010. 893 с.
14. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
15. Шатохин М.В. Правовой режим будущих объектов недвижимости по законодательству Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2012.
16. Шершеневич Г.Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.). М., 1995. 556 с.